

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Волгоградский государственный социально-педагогический университет»

На правах рукописи

КОЖЕМЯКИНА Валерия Алексеевна

**Политическая корректность в современном публичном
дискурсе (на материале русского, китайского
и английского языков)**

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная
лингвистика

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Леонтович О.А.

Волгоград – 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОРРЕКТНОСТИ	12
1.1. Подходы к понятию политической корректности в трудах отечественных и зарубежных ученых	12
1.2. Историческая динамика политической корректности	21
1.3. Понятийный аппарат исследования.....	28
1.3.1. Политическая корректность.....	28
1.3.2.Сенситивность.....	33
1.3.3. Толерантность.....	34
1.3.4. Инклюзивность и инклюзивный язык.....	36
1.4. Публичный дискурс как сфера реализации политической корректности.....	41
1.5. Параметры идентичности как основа формирования политкорректных и неполиткорректных языковых значений.....	45
1.6. Материал и методика исследования политической корректности	57
Выводы по главе 1.....	61
Глава 2. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОРРЕКТНОСТИ В РУССКОМ, КИТАЙСКОМ И АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПУБЛИЧНОМ ДИСКУРСЕ	63
2.1. Универсальные языковые механизмы политической корректности.....	63
2.1.1.Эвфемизация.....	66
2.1.2.Ресемантизация	69
2.2. Основные группы неполиткорректной лексики.....	78

2.3. Национально-специфические особенности политической корректности	85
2.3.1. Средства вербализации гендера.....	86
2.3.2. Средства вербализации расовой идентичности.....	95
2.3.3. Средства вербализации этнической принадлежности.....	102
2.3.4. Средства вербализации возрастной идентичности.....	111
2.3.5. Средства вербализации физиологической идентичности.....	114
2.4. Коммуникативные практики, связанные с политической корректностью.....	119
2.4.1. Коммуникативные практики нарушения политической корректности: «язык вражды» и лингвокультурная апроприация	119
2.4.2. Коммуникативные практики продвижения политической корректности: «вокизм», ограничение свободы слова, цензура, «культура отмены».....	125
Выводы по главе 2.....	137
Заключение.....	140
Список литературы.....	145

ВВЕДЕНИЕ

Диссертационное исследование выполнено с позиций социолингвистики и теории межкультурной коммуникации и посвящено рассмотрению универсальных и национально-специфических особенностей феномена «политическая корректность» в русской, китайской и англоязычных лингвокультурах.

Актуальность исследования обусловлена следующим: 1) повышением уровня сенситивности современного общества к идеям социального равенства; 2) возрастанием роли политической корректности в общественной жизни в условиях глобализации; 3) различием в восприятии феномена «политическая корректность» в русской, китайской и англоязычных лингвокультурах; 4) необходимостью осмысления позитивного и негативного влияния политической корректности на публичный дискурс и взаимоотношения в социуме.

В основу диссертационного исследования положены следующие **гипотезы**: 1) политическая корректность как социальное явление имеет языковую основу и непосредственно связана с вербализацией различных аспектов личностной идентичности; 2) проявления политической корректности в публичном дискурсе России, Китая и англоязычных стран обладают как универсальными, так и национально-специфическими характеристиками; 3) коммуникативные практики, связанные с политической корректностью, оказывают влияние на атмосферу в обществе и характер социальных взаимоотношений.

Объектом исследования являются дискурсивные проявления политической корректности. **Предметом** исследования выступают языковые механизмы формирования политкорректных значений и закономерности их реализации в публичном дискурсе России, Китая и англоязычных стран.

Цель диссертационного исследования – выявить универсальные механизмы политической корректности и национально-специфические

закономерности ее проявления в русском, китайском и англоязычном публичном дискурсе.

Для достижения поставленной цели были сформулированы и последовательно решались следующие **задачи**:

1) проанализировать подходы к понятию «политическая корректность» в отечественной и зарубежной науке;

2) проследить историческую динамику данного феномена;

3) провести обзор терминов, используемых в контексте политической корректности, и на его основе сформулировать понятийный аппарат исследования;

4) определить параметры личностной идентичности, составляющие основу вербализации политической корректности;

5) выявить и классифицировать универсальные механизмы формирования политически корректных значений и смыслов;

6) установить и описать национально-специфические особенности реализации политической корректности в русском, китайском и англоязычном публичном дискурсе;

7) изучить коммуникативные практики, связанные с явлением политической корректности, и определить их влияние на социальные процессы в России, Китае и англоязычных странах.

Теоретико-методологической базой исследования послужили отечественные и зарубежные труды из области социолингвистики, теории коммуникации и теории дискурса. Выполненная работа базируется на нижеследующих ключевых положениях.

1. Политическая корректность – это многоуровневое социокультурное явление, отражающее актуальные проблемы и тенденции общественного развития [Гуманова, 1999; Остроух, 1998; Панин, 2004; Тер-Минасова, 2000; Hughes, 2010].

2. Политическая корректность основана на акцентировании роли человека в социуме и его чувств как высшей меры всех вещей [Асеева, 1999; Гуманова, 1999; Остроух, 1998; Friedman, Narveson, 1995; Hughes, 2010].

3. Политическую корректность можно трактовать как культурную идеологию, основанную на переосмыслении мироустройства посредством языковых и неязыковых средств, что отражается в формировании идеологием [Вашурина, 2011; Майба, 2013; Панин, 2004].

4. Политическая корректность как языковое явление предполагает отсутствие в высказывании дискриминирующего компонента [Панин, 2004; 陈顺意, 2014] и выработку норм общения, не оскорбляющих людей по различным аспектам их идентичности [Леонтович, 2021a, б].

5. Несмотря на направленность политической корректности на защиту социально уязвимых групп населения, с ней связан ряд негативных тенденций, таких как противоречия между различными социальными группами, сложные «отношения» политической корректности с наукой, литературой и образованием, ограничение свободы слова [Леонтович, 2021a].

Материал исследования составляют 1002 языковые единицы, из них 567 политкорректных (169 русских, 282 английских и 116 китайских) и 435 неполиткорректных (142 русских, 195 английских и 98 китайских), а также 1857 контекстов их использования в публичном дискурсе.

Говоря об англоязычных странах, мы имеем в виду государства, для населения которых английский язык является родным. Каждое из них имеет свою культуру и специфику языкового использования. Однако в рамках нашего исследования мы не проводим их детальную дифференциацию в связи с тем, что все они относятся к «западному миру», где отношение к политической корректности в целом совпадает. Особое внимание было сосредоточено на публичном дискурсе США и Великобритании, хотя в перспективе особенности реализации политической корректности в разных англоязычных культурах могли бы стать объектом отдельного исследования.

Источниками практического материала послужили:

1) лексикографические источники: толковые словари (6 русских, 5 англоязычных и 2 китайских); 2) словаря русских жаргонизмов и арго; 2) переводных словаря [*БКРС; Cambridge Dictionary*]; 2) тексты публикаций в социальных сетях [*Weibo; Douyin; Telegram; ВКонтакте*]; 2) статьи в интернет-изданиях СМИ [*Известия; Собака.ru; Lenta.ru; Need to Know News; The Independent; The Guardian; USA Today*]; 3) корпуса английского [*Corpus of Contemporary American English, Cambridge English Corpus*], русского [*Национальный корпус русского языка*] и китайского [*Center for Chinese Linguistics PKU*] языков.

В качестве **основных методов исследования** использовались:

- метод целенаправленной выборки – для отбора практического материала, отвечающего задачам исследования;
- дефиниционный анализ – для определения ключевых понятий работы, формулирования понятийного аппарата и выявления значений единиц, составляющих практический материал исследования;
- компонентный анализ – для выделения общих и дифференциальных сем в составе политкорректных и непolitкорректных языковых значений;
- сопоставительный метод – для выявления универсальных и национально-специфических черт политкорректной лексики в английском, русском и китайском языках;
- контекстуальный анализ – для определения семантических связей между языковыми единицами и ассоциативных смыслов, возникающих в конкретной ситуации общения;
- элементы дискурс-анализа – для рассмотрения закономерностей реализации политической корректности в публичной коммуникации;
- прием количественных подсчетов – для определения частотности использования политкорректных и непolitкорректных языковых средств в трех языках, обобщения результатов и подведения итогов исследования.

Научная новизна работы определяется следующими обстоятельствами: 1) выявлены, описаны и систематизированы универсальные лингвистические механизмы политической корректности; 2) установлены и проанализированы основные группы неполиткорректной лексики; 3) осуществлен сопоставительный анализ национально-специфических способов вербализации политической корректности в русском, китайском и англоязычном публичном дискурсе; 4) определены основные коммуникативные практики, направленные на нарушение либо продвижение политической корректности.

Личный вклад автора заключается в следующем: 1) рассмотрена и проанализирована историческая динамика понятия «политическая корректность» в российском, китайском и англоязычном научном и политическом дискурсе; 2) изучена связь политической корректности с различными аспектами личностной идентичности (гендер, раса, этническая принадлежность, возраст, физиологическое состояние, умственные способности) и способами их вербализации; 3) определены и описаны основные механизмы формирования политкорректных и неполиткорректных значений в русской, китайской и англоязычных лингвокультурах; 4) исследованы современные коммуникативные практики, нарушающие либо продвигающие политкорректность в публичном пространстве; 5) выявлено влияние политической корректности на состояние современного российского, китайского и англоязычного публичного дискурса.

Теоретическая значимость работы определяется полученными результатами, которые: 1) вносят вклад в междисциплинарное исследование понятий «политическая корректность», «сенситивность», «толерантность» и «инклюзивность»; 2) развивают ряд положений социолингвистики, теории коммуникации и межкультурной коммуникации, связанных со способами осуществления вежливого, позитивного, бесконфликтного общения; 3) расширяют понимание языковых механизмов реализации политической корректности; 4) доказывают наличие национально-специфических

особенностей вербализации политической корректности в исследуемых лингвокультурах.

Практическая ценность работы состоит в возможности применения полученных результатов в практике межкультурного общения с носителями китайской и англоязычных лингвокультур, в частности в дипломатической, деловой, образовательной и других сферах, а также при проведении лингвистической экспертизы. Материалы диссертации могут быть использованы при подготовке лекционных курсов по основам теории коммуникации, социолингвистике, межкультурной коммуникации, корпоративной культуре и профессиональной этике; спецкурсов по устному и письменному переводу; практических занятий по английскому и китайскому языкам, а также русскому языку как иностранному. Кроме того, они могут быть полезны для разработки учебников и учебных пособий по русскому, английскому и китайскому языкам и межкультурной коммуникации.

На защиту выносятся следующие положения:

1. За полтора века своего существования понятие «политическая корректность» как социокультурное явление претерпело изменения – от необходимости выражения «правильных» политических взглядов до социокультурной идеологии, направленной на борьбу с дискриминацией. Политическая корректность является системообразующим звеном в ряду смежных понятий, к которым относятся «толерантность», «терпимость», «инклюзивность», «инклюзивный язык» и «сенситивность», объединенных общим признаком воплощения идей социального равенства и справедливости.

2. С точки зрения коммуникации политическая корректность – это социокультурная практика исключения языковых и неязыковых средств, а также речевого и неречевого поведения, которые могут оскорбить или дискриминировать членов социума по ряду признаков, характеризующих их личностную или групповую идентичность (гендер, раса, этнос, возраст, физиологические характеристики, умственные способности). Публичный

дискурс представляет собой благоприятную среду для реализации манипулятивного потенциала политической корректности с целью формирования политкорректной идеологии.

3. Универсальные языковые механизмы формирования политкорректных и неполиткорректных значений включают: а) эвфемизацию; б) ресемантизацию, связанную с перспективизацией, или изменением социокультурного фона, расширением или сужением значения слова, концептуальной метонимией и намеренным нарушением семантической сочетаемости.

4. К универсальным типам неполиткорректной лексики относятся: а) инвективы, указывающие на аспекты личностной и групповой идентичности; б) слова с нежелательными коннотациями, приобретенными на основе инференций со стороны участников публичного дискурса; в) стереотипные номинации, отличающиеся широким диапазоном оценочности (от некорректных до нейтральных).

5. Проявлениями национально-культурной специфики политической корректности являются: а) недостаточная сформированность понятия «политическая корректность» в России; преимущественное восприятие ее как верности линии коммунистической партии в Китае; широкое распространение политической корректности как идеологии, основанной на аспектах идентичности, в публичном дискурсе англоязычных стран; б) бинарный подход к гендерной идентичности в России и Китае и небинарный – в англоязычных странах; в) превалирование в англоязычных странах номинаций, относящихся к расовой идентичности, а в России и КНР – к этнической; г) высокая степень политкорректности в отношении возраста в Китае, обусловленная идеями «сыновней почтительности»; д) бóльшая степень внимания к физиологической идентичности в англоязычных странах по сравнению с Россией и КНР.

6. К современным коммуникативным практикам, направленным на нарушение политической корректности, относятся «язык вражды» и

лингвистическая апроприация. Коммуникативные практики, направленные на продвижение политической корректности, включают «культуру отмены», «вокизм», ограничение свободы слова и цензуру. Наибольшее распространение данных практик наблюдается в англоязычных культурах.

Апробация результатов исследования. По теме диссертации опубликовано 6 работ общим объемом 3,25 печ. л., в том числе 3 статьи в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ. Основные положения диссертации отражены в материалах всероссийских и международных научных конференций: Международной научной конференции «Текст, дискурс, нарратив: современные тенденции и перспективы исследования» (Волгоград – Тяньцзинь, 2020); Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов-2021» (Москва, 2021); XI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 90-летию ВГСПУ, «Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики: сущность, концепции, перспективы» (Волгоград, 2021); II и III Всероссийских с международным участием научно-образовательных форумов преподавателей китайского языка «Китайский компас» (Волгоград, 2022, 2023); II и III Международных научных студенческих конференциях «Любопытное в лингвистике, переводоведении, лингводидактике» (Волгоград, 2022, 2023). Результаты исследования обсуждались на аспирантских семинарах, заседаниях кафедры межкультурной коммуникации и перевода, а также кафедры языкознания ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет» (2020–2023 гг.).

Структура диссертации обусловлена логикой исследования и включает: введение, две главы, заключение и список литературы.

Глава 1

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОРРЕКТНОСТИ

1.1. Подходы к понятию политической корректности в трудах отечественных и зарубежных ученых

Параграф посвящен обзору фундаментальных трудов, связанных с понятием политической корректности, и выявлению ключевых положений, составляющих основу проводимого исследования. Поскольку политическая корректность оказывает существенное влияние на облик современного мира, исследование этого понятия находит отражение в трудах по политологии [Валиуллин, 2012; Ионин, 2013; Никонов, 2020; Lind, 2004], социологии [Гуманова, 1999; Остроух, 1998; Friedman, Narveson, 1995; Hughes, 2010], лингвистике [Дьяченко, 2009; Леонтович, 2021а, б; Майба, 2013; Панин, 2004] и другим наукам [Бодулева, Боброва, 2022; Дьяченко, Солдаткин, 2020; Седых, Васильченко, 2012]. Согласно результатам поискового запроса в научной электронной библиотеке *eLibrary.RU*, с 1997-го по 2022 год было опубликовано 536 статей, в той или иной степени описывающих политическую корректность, и 180 работ, в которых термин отражен в названии, что показывает интерес отечественных ученых к исследуемому феномену. Детальный обзор исследований, посвященных данной тематике, содержится в трудах С. Ароновица (1993), Ж. В. Асеевой (1999), Д. В. Герасименко (2013), Ю. Л. Гумановой (1999), И. А. Дьяченко (2009), Л. П. Лобановой (2004), В. В. Майбы (2013), Н. О. Орденовой (2003), А. В. Остроуха (1998), М. Ю. Палажченко (2004), В. В. Панина (2004), М. Фридмана (1995), Дж. Хьюза (2010), Э. Конверси (2011) и др. Остановимся на положениях, которые представляются наиболее значимыми для достижения целей нашего исследования.

В области социологии ключевым можно считать исследование Ю.Л. Гумановой, содержащее целостный анализ политической корректности как многогранного явления – целенаправленного социокультурного процесса развития, затрагивающего систему поведенческих и оценочных норм, который инициируется и «совершается благодаря осознанным усилиям конкретной социальной группы». Автор оценивает этот процесс как революционный, так как он ведет к расколу общества через авторитарность и принудительность действий, и «в определенном смысле регрессивный», негативно влияющий на развитие системы образования и вступающий в противоречие с задачами демократических институтов [Гуманова, 1999].

По мнению М. Фридман, политкорректность является совокупностью социальных установок и реформ, которые призваны исправить «ошибки прошлого», расширить культурное разнообразие, обновить традиционную академическую практику и бросить вызов европейским и американским предубеждениям по отношению к культуре, расе, полу и гендеру. Под ошибками ученый понимает слепую, яростную и не всегда последовательную борьбу приверженцев политкорректных идей против расизма, сексизма и гомофобии вместо признания распространенности таких взглядов и конструктивного решения насущной проблемы [Friedman, 1995]. Анализ, проведенный М. Фридманом, показывает, что динамическое осмысление термина «политическая корректность» от положительного восприятия к негативному зародилось еще в XX веке.

Особый вклад в исследование политической корректности внесла работа Дж. Хьюза *Political Correctness: A History of Semantics and Culture* («Политическая корректность: история семантики и культуры») [Hughes, 2010], в которой внимание акцентируется на политической природе исследуемого явления. Автор утверждает, что политическая корректность представляет собой сложное структурно-семантическое явление, основанное на идее о невозможности существования правильного или неправильного политического отношения: политика включает в себя широкий спектр

различных направлений деятельности, в связи с чем ни одна политическая система не может претендовать на правильность [Hughes, 2010, p. 17]. В результате само значение корректности в свете влияния на него термина «политический» становится противоречивым.

В трудах М. Дж. Минничино *The New dark Age: The Frankfurt School and 'Political Correctness'* («Новый Темный век: Франкфуртская школа и политкорректность») и У.С. Линда *'Political Correctness': A Short History of an Ideology* («“Политическая корректность”: краткая история идеологии») высказана другая точка зрения на исследуемое социокультурное явление, согласно которой политическая корректность представляет собой не что иное как идеологию, имманентно содержащую идеи культурного марксизма. Из этих работ следует, что именно культурный марксизм, зародившийся в умах представителей Франкфуртской школы (Г. Лукач, Г. Маркузе, Т. Адорно, В. Бенджамин и др.), перенесенный с экономики на культуру и пропагандирующий «бесклассовость», является тоталитарной идеей, которая с 20–30-х годов XX века захватила и удерживает до наших дней множество стран и человеческих умов [Minnichino, 1992, с. 6–7]. Авторы проводят параллель между «культурным марксизмом», который они отождествляют с политической корректностью, и классическим марксизмом, поскольку, с их точки зрения, оба направления используют общие идеи и методы воздействия, а именно: 1) создание общества «не равных возможностей, а равных условий»; 2) «одномерность истории»: все события можно объяснить с позиции господства одних социальных групп над другими; 3) разделение всех людей на хороших и плохих: на хороших рабочих и плохую буржуазию (классический марксизм), на хороших черных, латиноамериканцев и т. п. и плохих белых (культурный марксизм); 4) экспроприация – лишение собственности (классический марксизм) и/или прежнего социального положения одного общественного класса другим (культурный марксизм); 5) методы анализа, подтверждающие правоту марксистов в любой ситуации: «экономический анализ» (классический марксизм) и «деконструктивизм»

(культурный марксизм) [Lind, 2004]. Этот подход отражает негативное воздействие политической корректности на социум и порождает такие процессы, как радикальный феминизм, эротизация общества, уничтожение системы образования, новые интерпретации классической литературы.

Рассматривая политическую корректность с позиций культурологии, С. Ароновиц прослеживает ее связь с современным переосмыслением природы знания и культуры на основании «мультикультурализма» и «каноничности» в контексте британского и американского социумов [Aronowitz, 1993].

В лингвистике исследуется связь политической корректности с формами ее языкового выражения. В «Словаре иностранных слов» [Комлев, 1999] политическая корректность трактуется через этимологию этого словосочетания, утвердившегося в США и «демонстрирующего либеральную направленность американской политики» [Приводится по: Шарапова, Кобенко, 2014, с. 46].

По мнению А. В. Остроуха, политическая корректность есть «умение говорить и писать на щекотливые темы, балансируя между сохранением смысла и желанием не обидеть собеседника или читателя, принадлежащего к определенной социальной категории или этническому меньшинству» [Остроух, 1998, с. 4]. Ученый рассматривает исторические предпосылки формирования и функционирования данного феномена в США 60–90-х годов XX века и обращается к эвфемизации как основному способу проявления политической корректности, а также описывает ее влияние на общество. Не давая явлению политической корректности положительную или отрицательную оценку, он, однако, подчеркивает, что она является «речевым кодом», который отражает взгляды людей.

Политическая корректность, по М. Ю. Палажченко, характеризуется как система культурных установок, реализуемых «через критическое переосмысление господствующих социокультурных стереотипов и пересмотр общепринятых поведенческих и языковых норм, вплоть до

сознательного отказа от них в пользу новых, в большей степени ориентированных на уважение к правам и чувствам личности» [Палажченко, 2004, с. 5]. В определении акцентируются важные социокультурные характеристики феномена политической корректности. На основе анализа лексикографических источников автор выделяет ряд политкорректных лексем, актуальных для русской лингвокультуры, включающих как заимствования (например, *sexual harassment* – сексуальное домогательство), так и неологизмы (*крещены* – татары-христиане).

Одной из ключевых работ, посвященных политической корректности, стало исследование В. В. Панина, рассмотревшего данный феномен как культурно-поведенческую и языковую категорию. Он характеризует политическую корректность как принятую обществом систему культурных и поведенческих норм, направленных на преодоление негативных стереотипов по отношению к дискриминируемым группам людей (этническим и сексуальным меньшинствам, инвалидам, пожилым и др.), что предполагает признание равноправия представителей этих сообществ. Рассматривая политическую корректность как языковую категорию, ученый наделяет ее категориальными признаками (интегральным и дифференциальным), а также способами формального выражения, к которым он относит «способность исключить проявления дискриминации», благодаря чему выделяет ряд оппозиций (*Asian / Oriental, Afro-American / Black* и др.) [Панин, 2004, с. 10–11]. Он также дополняет ранее предложенные лексический и словообразовательный уровни синтаксическим (например, употребление местоимений *he / his / him* в некоторых синтаксических конструкциях) [Там же].

Интересным предстает видение политической корректности Ж. В. Асеевой. Она рассматривает феномен в рамках деятельностного подхода, считая язык собственно действием, т. к. он позволяет «наносить оскорбления, угрожать, хвалить и сочувствовать» [Асеева, 1999, с. 12]. Согласно этому исследованию политическая корректность трактуется как

«концепт, который оказывает определенное воздействие на восприятие мира и поступки» индивидуума [Асеева, 1999, с. 20]. Анализируя понятие применительно к США, автор сужает область его применения до «современного американца», так как политическая корректность «выросла» в индивидуалистском сознании американцев, где каждая личность – это элемент государственной демократии. Лексика типа *people of color, flight attendant, chair person* способствует реализации идеологии политической корректности [Там же].

На примере английского языка И. А. Дьяченко рассматривает политкорректные слова и словосочетания как симулякры, используемые в качестве инструмента манипуляции. По мнению ученого, политкорректная лексика предрасположена к множественному толкованию, то есть любое из значений слова или словосочетания (в т. ч. взаимоисключающих) может быть использовано с целью навязать собеседнику точку зрения, выгодную адресанту [Дьяченко, 2009, с. 10].

Согласно точке зрения В. В. Майба политическая корректность представляет собой двухуровневое явление, которое включает идеологемы и политкорректные языковые единицы. Под идеологемами автор понимает слова и выражения, отражающие «ценности и установки политкорректности», а под политкорректными языковыми единицами – результат применения идеологем к языковой системе. Главной идеологемой, по мнению ученого, является само сочетание «политическая корректность», которое концентрирует в себе основные установки данного движения [Майба, 2013, с. 5]. В своем исследовании В. В. Майба также поднимает вопрос адаптации данного феномена к русскоязычной культуре и приходит к выводу, что она заимствует западные принципы политкорректности, что активно проявляется в распространенности в публичном дискурсе не столько политкорректных языковых единиц, сколько самого термина. В российском контексте, согласно мнению автора, функционирует незначительное количество заимствованных лексем (таких как *афроамериканец*), а также неологизмов,

которые возникают не в силу действия однотипных языковых и лингвокультурных механизмов, а скорее под воздействием принципов и установок политкорректности [Майба, 2013, с. 14]. Другими словами, по мнению исследователя, существенных изменений в строе русского языка политическая корректность не вызывает.

Анализ названных выше работ выявил, что их авторы прослеживают тесную связь понятия «политическая корректность» и средств ее реализации в публичном дискурсе с политическими и социальными процессами. Существуют и иные подходы. Так, Н. О. Орденова трактует языковые способы выражения политической корректности как способы реализации дискурсивных стратегий вежливости и рассматривает их на уровне не только лексики, но и морфемного строения слов, а также грамматики, например, родовых отношений [Орденова, 2003, с. 24]. В отличие от нее, С. Г. Тер-Минасова полагает, что «политическая корректность» – это термин, «подчеркивающий рациональный выбор по политическим (а значит, неискренним) мотивам, в противоположность искренней заботе о человеческих чувствах, стремлении к тактичности, к языковому проявлению хорошего отношения к людям» [Тер-Минасова, 2000, с. 215]. В связи с этим она противопоставляет политическую корректность «языковой корректности», или «языковому такту».

На отрицательные проявления политической корректности обращает внимание Т. Л. Ровинская, называя политически корректную речь специфическим «языковым кодом», реализующимся, с одной стороны, через табуирование слов и выражений, не соответствующих критериям вежливости, терпимости и т. д., с другой – через «их замену на более приемлемые нейтральные (эвфемизмы) или положительно окрашенные определения, а также создание новых слов и словосочетаний (так называемый новояз)» [Ровинская, 2018, с. 103]. Автор утверждает, что доведение механизмов политической корректности до стадии абсурда приводит к пренебрежению объективными нуждами некоторых категорий людей, например, инвалидов

[Ровинская, 2018, с. 105]. В XXI веке явление политической корректности, несмотря на свою изначально положительную идею «преодоления негативных стереотипов» [Мерзлякова, 2002, с. 8], приобрело популярность как своего рода «охота за неприглядными словами», что, в конечном счете, свело положительное действие данного явления к нулю.

В ряде работ политическая корректность также рассматривается с точки зрения лексико-грамматических изменений в языке [Асеева, 1999; Баранчугова, 2011; Дьяченко, 2014; Зарубина, 2016; Кагилева, 2014; Козьмик, 2002; Кузьмичева, Трусова, 2022; Мансурова, Снытина, 2019; Цыганова, Николаева, 2022]; э в ф е м и з а ц и и [Архипова, 2015; Влазнева, Дидык, 2019; Гонтаренко, 2015; Горшунов, 2020; Дьяченко, 2019; Заварзина, 2006; Катермина, 2016; Кечкина, 2016; Кириллов, Мязова, 2009; Мирзоева, 2020; Морозов, 2017; Нарыкова, Хатагова, Леонтьева, 2021; Рубина, 2011; Скворцова, 2020; Соколова, Сомова, 2018; Солманидина, Гринцова, Полежай, 2017; Хуснутдинова, 2007; Чуракина, 2021; Шемшуренко, 2013; Шор, Саткаускас, 2021]; переводоведения [Алпатова, 2014; Бондаренко, Коптякова, 2018; Денисова, 2014; Зенов, 2021; Косоножкина, 2022; Кочнева, Шарова, 2016; Кузьмина, 2014; Манченко, 2017; Морозов, 2017; Орлова, 2015; Пшеницын, 2005; Рябова, 1999; Самарина, Шашков, 2019; Ситянина, 2014; Скворцова, 2020]; отдельных языков [Асеева, 1999; Бондаренко, 2012; Быканов, 2017, 2018; Герасименко, 2019; Дьяченко, 2009; Езан, 2020; Кауфова, 2017; Кечкина, 2016; Лукичева, 2015; Луханина, 2020; Маклакова, 2010; Похолкова, 2016; Савина, 2022; Сергеева, 2020; Трухачева, 2014; Хайруллина, 2018; Цыганова, Николаева, 2022; Шапина, 2008; Шеина, 2010; Шульгина, 2020; 关丽君, 2004; 韩丽君, 2010; 张军, 2014; 张巍然, 2008].

Отметим, что подавляющее большинство проанализированных нами работ выполнено на материале английского языка. Детальные исследования, посвященные проявлениям политической корректности в русском и китайском языках, практически отсутствуют.

Китайские исследования в области политкорректности не представлены таким широким спектром, как в западной или российской науке, и в большей степени затрагивают вопросы существования феномена в США [董乐山, 2017; 肖安法, 2007; 张竟碧, 2003; 丁林, 2012; 徐贲, 2009]. Стоит отметить общую тенденцию таких работ: они основаны на западном опыте, рассматривают политическую корректность с опорой на историческую динамику, а также описывают средства английского политкорректного языка. На фоне такого единообразия представляет интерес работа Чэнь Шуньи [陈顺意, 2014], в которой анализируются особенности перевода политкорректной терминологии на китайский язык. Автор видит главную цель политической корректности в избегании реальной или видимой несправедливости, в связи с чем утверждает, что в самих языках, а также при переводе должны использоваться нейтральные слова для предотвращения дискриминации или ущемления прав личности. Автор рекомендует конкретные пути решения переводческих проблем, предлагая варианты перевода «деликатной» лексики с английского языка на китайский (например, *negro – black / African-American – 黑人 / 非裔美国人*).

Подводя итог, нельзя не согласиться с А. Г. Стихиным, который утверждает, что явление политической корректности не ограничено областью одной науки (политологии, лингвистики или философии), а является конгломератом проблем разных научных и общественных сфер [Стихин, 1995]. Проведенный в данном параграфе обзор позволяет выделить следующие теоретические положения, которые мы считаем ключевыми для дальнейшего исследования.

1. Политическая корректность – это сложный, многослойный социокультурный феномен, отражающий современные направления развития общества, а также охватывающий различные области научных исследований: социологию [Гуманова, 1999; Остроух, 1998], лингвистику [Леонтович, 2021а, б; Панин, 2004; Тер-Минасова, 2000; Hughes, 2010], культурологию

[Остроух, 1998], теорию коммуникации [Леонтович 2021а, б; Тер-Минасова, 2000].

2. Основу политической корректности составляют роль человека в обществе и приоритетность его чувств и реакций [Асеева, 1999; Гуманова, 1999; Остроух, 1998; Friedman, Narveson, 1995; Hughes, 2010].

3. Политическая корректность, являясь воплощением культурного марксизма, основана на переосмыслении окружающей действительности с помощью языковых и неязыковых средств, что находит отражение в формировании идеологием [Вашурина, 2011; Майба, 2013; Панин, 2004; Lind, 2004; Minnichino, 1992].

4. Политическая корректность как языковое явление предполагает отсутствие в высказывании дискриминирующего компонента [Панин, 2004] посредством использования нейтральной лексики [陈顺意, 2014].

1.2. Историческая динамика политической корректности

Проведем ретроспективный анализ развития политической корректности как социокультурного и языкового феномена. Согласно некоторым источникам самое раннее упоминание политической корректности датируется 1793 годом, когда судья Верховного суда США Джеймс Уильямс использовал следующую фразу по делу «Чисхолм против Джорджии»:

*The states, rather than the People, for whose sakes the States exist, are frequently the objects which attract and arrest our principal attention <...> Sentiments and expressions of this inaccurate kind prevail in our common, even in our convivial, language. Is a toast asked? 'The United State,' instead of the 'People of the United States,' is the toast given. This is not **politically correct**¹. – Государства, а не люди, в интересах которых существуют государства, часто являются объектами, привлекающими наше пристальное внимание.*

¹Здесь и далее перевод на русский язык и выделения по тексту жирным шрифтом мои. – В. К.

Чувства и неточные выражения преобладают в нашем обычном, даже дружелюбном общении. Когда мы произносим тост, говорим: «За Соединенные Штаты», а не «За народ Соединенных Штатов». Это **политически некорректно** [Hughes, 2010].

Употребление словосочетания «политически некорректно» в данном контексте было явлением скорее спонтанным, нежели заранее продуманным, однако уже тогда оно четко характеризовало глубинный смысл данного понятия: значимость людей в социальном контексте.

С хронологической точки зрения политическая корректность анализируется в связи с динамикой ее восприятия обществом (положительное / отрицательное отношение), а также в свете трансформации сфер влияния (политического / социального порядка). За почти вековой период проведения исследований этого понятия политическую корректность трактовали как явление, способствующее борьбе с дискриминацией [Adler, 1990; Hughes, 1993]; относились к ней резко негативно [Dunant, 1994; Lind, 2004]; снова наделяли позитивным смыслом [Guidelines for gender-inclusive language in English; Guidelines for inclusive language; UQ Guide ...], связывая ее с новыми видами деятельности, направленными на включение в коммуникацию дискриминируемых или исключение недискриминируемых групп (языковая инклюзивность, «культура отмены», «вокизм» и др.). Необходимо пояснить, что подобная неоднозначность восприятия феномена в первую очередь была характерна для США, где проблемы политической корректности стояли наиболее остро в связи с расовым многообразием и мультикультурализмом и исходили из идеологии американцев XX века, так называемого *melting pot* (плавильный котел) [Merriam-Webster Dictionary]. Мультикультурализм, а также иные движения за права меньшинств (феминизм, десегрегация и др.) создали повод для расширения влияния политической корректности с политической сферы на социальную.

Долгое время термин «политическая корректность» существовал только в связи с социальными проблемами своего времени до переломного

момента в середине XX века, ознаменованного распространением в США социалистических идей, основанных на экзистенциальных ценностях. Это нашло отражение в политической активности чернокожего населения, находившегося под гнетом расовой сегрегации и отстаивавшего свои права посредством крупномасштабных демонстраций. Тогда же было отмечено, что слова *white* (белый) и *black* (черный) имеют противоположную оценочность: первое – положительную, второе – резко отрицательную (*black art* – черная магия, *black soul* – черная душа и др.). Протесты повлекли за собой серию судебных разбирательств, связанных с ранее узаконенной дискриминацией, в результате чего она была отменена на большей территории США и появились запреты на употребление некоторых слов, таких как *Negro* или *colored*.

В исследованиях за последние 40 лет можно найти различные взгляды на время становления политической корректности как общественного явления и, как следствие, формирования соответствующего термина: некоторые авторы пишут о начале XX века [Lind, 2004; Minnicino, 1992], другие – о его конце [Вашурина, 2011; Панин, 2004; Сегеда, 2013; Цуканова, Бирюков, 2020; Beard, Cerf, 1992; Safire, 1993;]. Также есть мнение, что авторство этого понятия принадлежит «великому кормчему» Мао Цзэду, хотя оно было обозначено словосочетанием «правильное мышление» (正确思想). Одним из первых об этом упомянул У. Сэфайер в словаре *Safire's New Political Dictionary* [Safire, 1993], где ссылаясь на труды Мао позднего периода его правления, в частности статью 1963 года «Откуда берутся правильные мысли?» (人的正确思想是从哪里来的?). В ней «великий кормчий», говоря о трех основных источниках «правильного мышления», перечисляет борьбу за общественное производство, классовую борьбу и научные эксперименты. Из этого следует, что первоначально понятие «политическая корректность» стало употребляться именно в контексте политического влияния, а не человеческих прав: «Истинная сила политической партии, страны и нации состоит в том, чтобы обладать

мощными идеологическими истинами...» – писал Мао Цзэдун [Приводится по: 李斌]. Основываясь на данном подходе, можно увидеть, что более чем за полвека понятие «политическая корректность» изменило свое первоначальное значение и обрело новые смыслы, превалирующие в настоящее время и связанные с сенситивностью, толерантностью, инклюзивностью и т. д.

Согласно другим мнениям понятие «политическая корректность» и соответствующий термин получили распространение в США в конце XX века. Президент американской «Национальной организации женщин (NOW)» Карен де Кроу использовала его в защиту феминисток, по разнящимся данным, в 1975 году [Цуканова, Бирюков] или в 1983 году [Актуальная политическая...]. Именно в речах Карен де Кроу данное выражение было использовано против нетолерантного поведения по отношению к дискриминируемым группам.

В 80-е годы XX века термин в его новом понимании (неиспользования определенных языковых средств) привел американское общество к созданию списков запрещенных слов, неприемлемых в связи с тем, что они ассоциируются с неприятием гендерной, расовой, географической идентичности людей, их религиозных, политических взглядов и т. д. В качестве примера можно привести вошедший в один из таких списков глагол *to bork* (систематически очернять или порочить кого-либо, особенно в средствах массовой информации, на основании их якобы нелиберальных или крайних взглядов, чтобы помешать занять государственную должность) [Hughes, 2010, с. 67]. Глагол происходит от фамилии американского судьи и государственного служащего Роберта Борка, причастного к Уотергейтскому скандалу. В 90-х годах XX века вышеуказанные социальные проблемы стали обсуждаться в научных публикациях таких ученых, как А. М. Шлейзенгер [Schlesinger, 1992], Р. Хьюз [Hughes, 1993], С. Ю. Фиш [Fish, 1994] и др., а также в публицистических статьях на страницах газет и журналов (*New York Times*, *The Independent*, *Newsweek* и др.).

Уже к 1995 году информационная перенасыщенность, чрезмерное внимание к проблеме и перегибы в трактовках привели к тому, что термины *politically correct* и *political correctness* стали отрицательно восприниматься языковым сообществом. Политическая корректность – явление, которое, с точки зрения ее сторонников, нивелирует «языковые изъяны» и социальную несправедливость, стало восприниматься как оскорбление. В своем предисловии к книге *The War of Words: The Political Correctness Debate* («Война слов: дебаты о политической корректности») С. Дюнан писала: «Называть кого-то политически корректным – это не столько описание, сколько оскорбление, влекущее за собой обвинения во всем» [Dunant, 1994].

The Official Politically Correct Dictionary and Handbook («Официальный справочник политической корректности») [Beard, Cerf, 1992] своим одновременно серьезным и саркастическим названием привлек внимание аудитории. Однако это была лишь уловка, поскольку сама работа продумана до мелочей и раскрывает истинные значения и происхождение тех или иных политкорректных слов. Например, авторы следующим образом истолковали термин *lookism*: «вера в то, что внешность является показателем ценности человека». В скобках в качестве примечания указывалось место происхождения слова, в данном случае *Smith College Office of Student Affairs*, что показало причастность образовательных учреждений к расширению мер по борьбе с неравенством [Там же].

Американский писатель У. Линд считает, что феномен политической корректности всегда существовал в тесной связи с политическими взглядами. Он утверждает, что политическая корректность есть не что иное как идеология культурного марксизма, формируемая в умах западного общества с 30-х годов XX в. и основанная на двух принципах: «отмена культуры» и деконструкция. С точки зрения лингвистики именно деконструкция объясняет изменения в языке, которые сопровождают политическую корректность на протяжении всего времени существования этого понятия. Переозначивание слов в связи с неприглядностью или формированием новых

смыслов происходит в английском языке практически ежедневно, в связи с чем наблюдается активный рост табуируемой на социально-бытовом уровне лексики. По мнению Г. Макрузе, «отмена культуры» как подавление интеллектуальных способностей человечества, а также призывы к «полиморфной извращенности являются не чем иным как способом управления обществом, в котором несоблюдение морально-этических принципов политической корректности может привести к исключению из этого общества («культура отмены»))» [Приводится по: Lind, 2004].

В России термин «политическая корректность» вошел в обиход в 90-х годах XX века, в период расцвета «американизации», и является калькой английского словосочетания, что отражается в самом понимании термина. Однако нельзя говорить, что данное явление находится в стадии «зародыша», поскольку еще в середине XX века существовали некоторые русские лексические оппозиции, свидетельствующие о его влиянии, например: политкорректное наименование профессии «оператор машинного доения» в противовес неполиткорректному «дойрка»; политкорректное «механизатор», противопоставленное неполиткорректному «тракторист». Отметим, что и сегодня существует ряд оппозиций для смягчения низкостатусного социального положения: политкорректное «мастер ногтевого сервиса» vs. «маникюрша»; политкорректное «менеджер по продажам» vs. «продавец» или «товаровед» и т. д. Стоит отметить, что оппозиции XX–XXI веков сопровождаются потерей одной из ключевых сем, например, при смене слова «тракторист» на «механизатор» теряется сема «управление трактором», поскольку в словарях зафиксировано, что под «механизатором» понимается «специалист по обслуживанию машин и механизмов», про управление именно трактором речи не идет. Современные оппозиции представляют собой либо переход между стилями речи (слово «маникюрша» в словарях имеет пометку *разг.*), либо использование заимствований из английского языка, что обусловлено глобализационными процессами.

Вышесказанное дает возможность утверждать, что в США и других англоязычных странах под влиянием различных политических и общественных групп политическая корректность оценивается как положительно, так и отрицательно, поскольку современному восприятию этого понятия предшествовал длительный этап его исторической трансформации. Однако в русской и китайской культурах такая ретроспекция отсутствует. В связи с этим в российском политическом дискурсе термин «политическая корректность» часто используется в связи с чуждой западной идеологией.

Репрезентация политкорректных тенденций в языке, на наш взгляд, в известной степени связана с теорией Э. Холла о высококонтекстных и низкоконтекстных культурах (*high- and low-context cultures*). В низкоконтекстной американской культуре степень влияния политической корректности на формы языкового выражения будет велика, поскольку информация выражается словесно и открыто, в связи с чем могут возникать ситуации дискриминирующего или угнетающего характера. В высококонтекстных русской и китайской культурах воздействие политической корректности будет достаточно низким, поскольку контекст играет более значимую роль в коммуникации, информация выражается неявно, нередко такие культуры стремятся к избеганию конфликта и замалчиванию проблемных тем. Однако данная теория требует подтверждения или опровержения, что является перспективой отдельного исследования.

Таким образом, анализ исторического развития понятия «политическая корректность» и ее реализации в языке показал следующее:

1. Политическая корректность как социальное явление всегда существовала в тесной связи с политическими взглядами и историческими процессами (первое упоминание термина судьей Верховного суда США Дж. Уильямсом в 1793 году; «правильное мышление» в концепции Мао Цзэдуна;

США как «плавильный котел»; выступление Карен де Кроу против дискриминации женщин; культурный марксизм; расовая сегрегация).

2. В США и других англоязычных странах в 60-е годы XX века термин «политическая корректность» сформировался для обозначения общественных норм, направленных на борьбу с дискриминацией, распространение идей мультикультурализма, феминизма и социального равенства. К 90-м годам XX века чрезмерное распространение этих норм и перегибы в их использовании привели к возникновению у соответствующего термина негативных коннотаций. XXI век был ознаменован возвращением к позитивной интерпретации политической корректности и возникновением новых коммуникативных практик по включению дискриминируемых групп в коммуникацию (инклюзивность) или исключению противников политкорректных взглядов («культура отмены»).

3. В русской и китайской лингвокультурах понятие политической корректности не имеет столь длительной и сложной истории развития и используется, с одной стороны, для обозначения «правильных» идей, выражающих верность государственной политике, а с другой – в значении, заимствованном у англоязычных лингвокультур.

1.3. Понятийный аппарат исследования

1.3.1. Политическая корректность

Понятийный аппарат проводимого исследования включает ключевой термин «политическая корректность», а также смежные с ним термины «сенситивность», «толерантность», «инклюзивность» и «инклюзивный язык».

Политическая корректность. Для того чтобы составить наиболее полное рабочее определение данного понятия, на которое мы будем опираться при проведении исследования, проанализируем его словарные и

научные дефиниции. Поскольку анализируемое явление зародилось на Западе, считаем целесообразным начать его анализ с толкования термина *political correctness* в англоязычных словарях.

The Oxford Advanced Learner's Dictionary определяет политическую корректность довольно абстрактно: *the principle of avoiding language and behavior that may offend particular groups of people* («принцип избегания в языке и поведении средств, которые могут оскорбить определенные группы людей»).

Дефиниция в словаре *Collins English Dictionary* несколько шире и указывает на некоторые категории людей, относящихся к дискриминируемым группам: *the attitude or policy of being extremely careful not to offend or upset any group of people in society who have a disadvantage, or who have been treated differently because of their sex, gender, race, or disability* («осторожное отношение к какой-либо группе людей, находящейся в невыгодном положении, в том числе по признаку пола, гендера, расы и физиологических особенностей, с целью не допустить оскорблений»).

The Oxford Advanced American Dictionary повторяет словарную статью, содержащуюся в *The Oxford Advanced Learner's Dictionary*, сопровождая ее культурологическим комментарием, в котором говорится, что данное поведение может быть направлено против мужчин или женщин, пожилых людей или людей с определенным цветом кожи, расовой принадлежностью, физическими или умственными проблемами. В комментарии также содержится информация о том, что понятие политической корректности возникло в 80–90-е годы XX века и основывалось на идее влияния языка на мышление.

В русских лексикографических источниках политическая корректность рассматривается преимущественно в изданиях политического характера, а также в словарях иностранных слов. Это обусловлено тем фактом, что термин определяется в связи с американским обществом и его политическими взглядами, например:

– «[англ. *political correctness*, сокр. *PC*] – полит., амер. утвердившееся в США понятие-лозунг, демонстрирующее либеральную направленность современной американской политики» [Комлев, 1999]. Политическая корректность не корректирует содержание, а только символический образ и языковой код, присваивая речи маркеры терпимого отношения к расе, национальным и сексуальным меньшинствам, борьбе против СПИДа («черные» – «афро-американцы», «инвалиды» – «нуждающиеся в физической поддержке») [Там же].

– «(*political correctness*) – термин, первоначально имевший иронический характер, но затем принятый для обозначения влиятельного движения в студенческих городках США конца 1980-х гг.». Движение за политическую корректность, основываясь на «принципе конструктивных акций (*affirmative action*)» и «трактовах теории множественности культур (*multiculturalism*)», стремилось к изменению образовательных программ выпускных курсов, чтобы обозначить важную роль «женщин, небелого населения и гомосексуалистов в истории и культуре» и подвергнуть критике «господство в "западной" культуре уже давно умерших белых мужчин». Политическая корректность, регламентирующая язык и поведение, направленные против дискриминации по расовому и половому признаку, к началу 90-х гг. XX века пошла «на убыль под напором критики...» [Политика ...].

– «(от англ. *political correctness*) – культурно-поведенческая и языковая тенденция, нацеленная на замену устоявшихся терминов, могущих задеть чувства и достоинство того или иного индивидуума эмоционально нейтральными и/или положительными эвфемизмами» [Актуальная политическая ...].

Во всех определениях прослеживается ряд общих тенденций: во-первых, еще раз подтверждается, что термин «политическая корректность» заимствован из англоязычного (по большей части американского) дискурса в конце XX века; во-вторых, политическая корректность воздействует на

социум посредством корректировки не содержания, а языка, символических образов и норм поведения; в-третьих, корректировке подвергаются языковые и неязыковые средства, способные задеть индивидуум по расовому, половому, национальному, физиологическому и другим признакам.

Отечественные ученые конкретизируют понятие политической корректности с точки зрения своих дисциплин. Так, Ю. Л. Гуманова определяет политкорректность как «множество инициатив, исходящих из определенных кругов студенчества и поддерживающих их преподавателей вузов» [Гуманова, 1999]. По мнению В. В. Майба, политическая корректность определяется через языковую двухуровневость, которая состоит из идеологем, выражающих ценности и установки, и политически корректных языковых единиц как результата воздействия идеологем. Однако можно утверждать, что, несмотря на более детальное рассмотрение явления политической корректности в научных трудах, в отечественной лингвистике так и не сложилось определения, формирующего всесторонний образ политической корректности, в особенности применительно к российскому социальному контексту [Майба, 2013].

Как указывалось в предыдущем параграфе, в Китае политическую корректность трактуют двойственно. В словаре Байду дается определение: «政治正确性 (*Political Correctness*), 简称 PC, 即一个公民有义务按照宪法规定, 保持一国所奉行的政治原则和立场» («Политкорректность (*Political Correctness*, или PC), означает, что гражданин обязан придерживаться политических принципов и позиций своей страны в соответствии с положениями Конституции») [百度汉语]. Таким образом, понимание политической корректности как способности манифестировать «правильные» мысли в духе политического режима своей страны, которое пропагандировал Мао Цзэдун, все еще превалирует в современном мировосприятии китайского народа. В свою очередь, в словаре Чжишу понятие «политически корректный» (政治正确: 政治 – политический, 正确 – правильный, верный,

достоверный) определяется по аналогии с западными подходами: «Политическая корректность – термин, который относится к справедливому отношению, избеганию использования слов, оскорбляющих и дискриминирующих обездоленные группы в обществе, или к осуществлению политических мер, дискриминирующих обездоленные группы» [知书词典]. Речь в данном случае идет о представителях разных рас, полов и религий, людях с разной сексуальной ориентацией, физическими и умственными особенностями, отличными политическими взглядами. Политическая корректность может также рассматриваться применительно к проблемам общечеловеческого характера: экологии, климату, животным и т. д. Реализация этого понятия в дискурсе не ограничивается «правильными формулировками», но также включает «правильность» мнений, точек зрения, политики и поведения и не может нарушать позицию, которая считается «правильной» [Там же]. Тем не менее, по нашим наблюдениям, западное понимание еще не устоялось в коллективном сознании китайского народа, несмотря на сильное политическое и экономическое влияние США.

На основе вышеприведенных дефиниций мы принимаем следующее рабочее определение, из которого будем исходить при проведении исследования: **«Политическая корректность (политкорректность) – это социокультурная практика исключения языковых и неязыковых средств, а также речевого и неречевого поведения, которые могут оскорбить или дискриминировать людей по ряду признаков, характеризующих их идентичность».**

Указания на параметры идентичности, по которым личность определяет свое положение в обществе (раса, этнос, пол, гендер, физиологическое, психическое и умственное состояние и др.) позволяют нам использовать их как параметры анализа способов дискурсивной реализации политической корректности в исследуемых лингвокультурах.

При наличии большого количества определений, раскрывающих сущность политической корректности, антонимичный термин «политическая

некорректность / неpolitкорректный» встречается лишь в двух англоязычных словарных статьях. Словарь *The Britannica Dictionary* дает следующую дефиницию прилагательному *politically incorrect: not avoiding language or behavior that could offend a particular group of people* («не избегающий выражений или поведения, которые могли бы оскорбить определенную группу людей»).

Словарь *Educalingo* определяет «политическую некорректность» (*political incorrectness*) так: *the attitude or policy shown by someone who does not care if they offend or upset any group of people in society who have a disadvantage, or who have been treated differently because of their sex, race, or disability* («отношение или политика, проявляемые кем-то, кого не волнует, не оскорбляет ли он какую-либо общественную группу людей, которые находятся в невыгодном положении или к которым по-разному относятся из-за их пола, расы или инвалидности») [Educalingo].

Далее рассмотрим смежные понятия, попадающие в терминологическое поле политической корректности.

1.3.2. Сенситивность

С точки зрения медицины и психологии сенситивность (лат. *sensus* – чувство) представляет собой «повышенную чувствительность, ранимость, неуверенность в себе, преувеличенную совестливость, склонность к сомнениям, застревание на своих переживаниях» [Толковый словарь психиатрических...]. В толковом словаре под ред. Т. Ф. Ефремовой [Толковый словарь Ефремовой] сенситивность также определяется через синонимию с понятием «чувствительность», в связи с чем мы усматриваем в обоих определениях моральные и психологические составляющие. При этом связь с языком никак не отражена.

Cambridge Dictionary определяет термин *sensitiveness* как склонность легко расстраиваться из-за того, что люди говорят или делают (*the quality easily upset by the things people say or do*), но при этом учитывает необходимость считаться с чувствами других людей: *the quality of needing to be dealt with carefully in order to avoid upsetting people* [Cambridge Dictionary], что в определенной степени позволяет обнаружить связь сенситивности с коммуникацией и, соответственно, политической корректностью.

Китайскому языку не свойственно понятие сенситивности как таковое, однако китайское понятие 敏感性 (чувствительность) в переводе на английский будет передаваться именно словом *sensitiveness*, а по значению соотноситься с русским пониманием чувствительности как «внимания к ощущениям и изменениям, вызванным деталями» (过度的在意细节带来的感受和变动) [百度百科].

Сенситивность личности проявляется в моменты, когда языковые единицы, поведение собеседника каким-либо образом расстраивают, оскорбляют или дискриминируют его, в частности сенситивность может выступать как реакция на проявления неполиткорректности.

1.3.3. Толерантность

В зарубежной лексикографии *tolerance* (от лат. *tolerans*) определяется как: 1) *willingness to accept behaviour and beliefs that are different from your own, although you might not agree with or approve of them* («готовность принять поведение и убеждения, которые отличаются от ваших собственных, хотя вы можете с ними не соглашаться или не одобрять их»); 2) *the ability deal with something unpleasant or annoying, or to continue existing despite bad or difficult conditions* («способность справляться с чем-то неприятным или раздражающим или продолжать существовать несмотря на сложные

условия») [Cambridge Dictionary]. Оба определения выделяют ключевой признак – принятие чего-либо, отличающегося от привычного (условий, поведения, убеждений). Однако если в первом значении речь идет о готовности принять ситуацию, то во втором – имеется в виду способность (со)существования в неприятных условиях, что характеризуется большей степенью эмоциональности.

Русское слово «толерантность» является прямым заимствованием из английского языка и чаще воспринимается в связи с инокультурными явлениями [Леонтович, 2007]. Некоторые толковые словари приравнивают ее к терпимости [Толковый словарь Ефремовой]. В «Большом энциклопедическом словаре», как и во многих других отечественных социологических, культурологических и энциклопедических словарях XX века, толерантность определяется как «терпимость к чужому образу жизни, поведению, чужим обычаям, чувствам, верованиям, мнениям, идеям».

Одной из главных проблем для различения слов «терпение» и «терпимость» становится наличие в них одного и того же корня. Терпение подразумевает «способность терпеть, стойко и безропотно переносить, сносить что-либо», а также «способность долго, настойчиво, упорно делать что-либо» [Большой толковый ...]. Терпимость (от ст.-слав. Тръпѣти, др.-греч. φέρειν, ὑπομένειν), в свою очередь, определяется как «способность мириться с кем-, чем-л., относиться снисходительно к кому-, чему-л.; терпимое отношение» [Малый академический ...]. Отметим, что толерантность не соотносится с терпением, поскольку последнее исключает принятие проблемы. Однако терпимость совмещает в себе черты как толерантности, так и терпения.

Как сообщалось ранее, в китайском языке понятия 包容 и 宽容 («терпимость» и «толерантность») являются синонимами. При этом 包容 соотносится с приспособлением, как, например, *терпимость* в русской

культуре, а 宽容 является великой добродетелью и характеризуется великодушием и смелостью принимать все, что дает жизнь:

«至高境界的宽容，不是仅仅表现在日常生活的某一事件的处理上，而是升华为一种对宇宙的胸襟，对人生如诗般的气度». – Высочайший уровень терпимости проявляется не только в отношении к определенному событию в повседневной жизни, но и сублимируется в своеобразное отношение к Вселенной и поэтическое отношение к жизни [百度百科].

Оба понятия имеют очень трудноразличимые значения, однако 包容 также соотносится с понятием «инклюзивность», а 宽容 применяется в номинации Международного дня толерантности – 宽容日, в связи с чем в рамках данного исследования мы принимаем за толерантность термин 宽容.

Анализ показывает, что из трех проанализированных в данном параграфе понятий наиболее близким политической корректности является понятие «толерантность», обозначающее уважение чужих взглядов в различных сферах жизни индивидуума и предоставление равных возможностей вне зависимости от расы, этнической принадлежности, гендера, ценностей, верований и т. д.

1.3.4. Инклюзивность и инклюзивный язык

В настоящее время, наряду с термином «политическая корректность», получил распространение тесно связанный с ним термин «инклюзивность». По мнению О. А. Леонтович, они оба несут в себе идею толерантного отношения к дискриминируемым группам: социальным, этническим, гендерным и другим меньшинствам. Однако политическая корректность в большей степени подразумевает практику противодействия «исключению» людей из социальных практик, а инклюзивность, напротив, нацелена на «включение» в них [Леонтович, 2021а].

Термин «инклюзивность» заимствован русским языком из английского, как и производное от них словосочетание «инклюзивный язык». Обратившись к словарю *Online Etymology Dictionary*, мы установили, что слово *inclusion* впервые было зафиксировано примерно в 1600 году, то есть гораздо раньше, чем *political correctness*, и имело значение *act of making a part of* (действие по включению чего-либо как части). Однако тогда это значение было широким и не имело современной политической окраски. Несмотря на более чем трехсотлетний период существования данного термина, его современное значение актуализировалось относительно недавно.

Словарь *Merriam-Webster Dictionary* под первым номером дает понятию *inclusion* наиболее общее определение: *the act of including the state of being included*. В нем, таким образом, подразумевается любое проявление включения – как действия, так и состояния. Это значение конкретизируется в словосочетании *social inclusion: the fact or policy of providing equal opportunities and resources for people who might otherwise not get them, for example people who are disabled or belong to minority groups* («факт или политика предоставления равных возможностей и ресурсов людям, которые в противном случае могли бы их не получить, например, людям с ограниченными возможностями или представителям меньшинств») [*Oxford Collocations Dictionary*].

В *Cambridge Dictionary*, как и в *Oxford Collocations Dictionary*, определение указывает на предоставление разным людям равных возможностей, однако с особым вниманием к процессу справедливого и равноправного межличностного взаимодействия: *treating them fairly and equally* [*Cambridge Dictionary*]. В другом словаре в определение привносится уточняющее указание на историческую изоляцию людей по причинам расовой, гендерной, половой принадлежности и т. д.: *accommodating people who have historically been excluded (as because of their race, gender, sexuality, or ability)* [*Merriam-Webster ...*].

Анализ словарных определений показывает, что термин *inclusion* в этом значении синонимичен термину *inclusivity*. В российском научном дискурсе также используются синонимичные термины «инклюзивность» и «инклюзия», например, «инклюзивность в образовании» или «социальная инклюзия в образовании». В течение долгого времени обозначаемые ими понятия во всем мире главным образом ассоциировались с людьми с ограниченными возможностями здоровья (*инклюзивное и сегрегационное образование, инклюзивные классы, инклюзия людей с ограниченными возможностями*), что в большей степени отражает проблемы социологии, а не лингвистики. В связи с этим в российской научной традиции эти термины употребляются преимущественно по отношению к детям-инвалидам и детям-сиротам [Деточенко, 2022; Ерохина, 2022; Стадник, 2015; Степанова, 2013; Улыбина, 2023; Чайковский, 2014 и др.], когда речь идет о том, что в основе образования инклюзивного типа должно лежать «предотвращение дискриминации учащихся по их способностям и возможностям», а также создание «специальных условий для обучения всех категорий граждан» [Ганиева, 2020, с. 39]. Вопросам инклюзивности уделяют внимание другие российские ученые [Видясова, Григорьева, 2018; Фурьева, 2017 и др.]. Для обозначения данного явления также используются термины «социальная интеграция» [Егорова, 2002], «социальная толерантность» [Кустова, 2018] или «социальное включение» [Дмитриева, 2012]. В рамках нашей работы используется термин «инклюзивность» в более широком значении: «социальная практика включения дискриминируемых групп в общество, основанная на использовании инклюзивного языка».

«Инклюзивный язык» как понятие, производное от «инклюзивность», имеет для исследования особую ценность, поскольку позволяет проследить взаимосвязь политической корректности и инклюзивности. Понятие «инклюзивный язык» возникло из проблем, связанных с гендером. В ноябре 2016 года «Лингвистическое общество Америки» (*LSA – Linguistic Society of America*) на основе «Руководства по несексистскому поведению» (*Guidelines*

for Nonsexist Usage), разработанного и утвержденного еще в 1996 году, составило «Руководство по инклюзивному языку» [Guidelines for Inclusive Language]. Главное отличие нового издания заключалось в том, что его положения затрагивали проблемы не только гендера, но и сенситивности по отношению к меньшинствам, лицам с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) и т.д. Время принятия вышеназванных руководств указывает на то, что языковая инклюзивность – это явление достаточно новое, стремительно набирающее обороты.

LSA – не единственная организация, попытавшаяся выработать приемы работы с инклюзивностью. Организация Объединенных Наций также разработала и разместила на своем официальном сайте похожее руководство, затрагивающее гендерно-инклюзивный язык [Guidelines for Gender-Inclusive Language in English]. Оно рекомендует сотрудникам ООН использовать языковые стратегии, которые учитывают гендерную идентичность и могут применяться в любом виде коммуникации – устной или письменной, официальной или неофициальной, адресованной внутренней или внешней аудитории [United Nations ...]. Создаются подобные рекомендации и в образовательной среде. Например, в Университете Квинсленда в Австралии была разработана «Инструкция по использованию инклюзивного языка», которая призывает к применению нейтральной лексики: *people-centric inclusive language which values and respects the diversity of people, and sees people as people – not as a stereotype, attribute or characteristic* (ориентированный на людей инклюзивный язык, который уважает разнообразие и видит в каждом из нас личность, которая не определяется лишь внешностью, поведением и стереотипами) [UQ Guide ...]. С точки зрения сторонников политической корректности, инклюзивный язык признает разнообразие, выражает уважение ко всем людям, чувствителен к различиям и способствует обеспечению равных возможностей, не ограниченных системно-структурными свойствами нормативного языка (такими как, например, грамматический род).

В китайской лингвокультуре 包容性 (инклюзивность) соотносят с социальными характеристиками индивида или определенного субъекта, который может терпимо относиться к объекту («包容性通常指社会个体或某个社会主体能够包容客体的特性») [百度百科], в связи с чем понятия 包容 и 宽容 (терпимость и толерантность) считаются синонимами («这里包容的与宽容的是同义词») [Там же].

Рассматривая соотношение понятий «политическая корректность» и «инклюзивность» с позиций социолингвистики, стоит отметить, что политическая корректность подразумевает осторожность при использовании слов, обозначающих отдельные аспекты личностной идентичности. В то же время сторонники инклюзивного языка предполагают, что, не употребляя подобные слова, они в то же время принимают в коммуникацию всех людей без исключения. Таким образом, представляется правомерным использовать термин «языковая инклюзивность» как намеренное привнесение в речь слов нейтральной окраски или пониженной эмоциональности с целью подчеркнуть включенность личности в социальный процесс. Таким образом, можно утверждать, что инклюзивный язык – это инструмент политической корректности, знаковая система, обладающая исторической, национальной, коллективной памятью, способная к трансформации под влиянием изменений социокультурного фона и основанная на принципе эвфемизации.

Подводя итог, отметим, что в рамках нашего исследования мы рассматриваем политическую корректность как основополагающее понятие, тесно связанное с сенситивностью, толерантностью и инклюзивностью, в том числе языковой. Все эти термины в большей или меньшей степени соотносятся с политической корректностью через воплощение идей социального равенства и справедливости. Сенситивность представляет собой чувствительность по отношению к неpolitкорректным проявлениям со стороны участников коммуникации; толерантность отражает терпимое отношение к чужим идеям, ценностям и проявлениям идентичности;

инклюзивный язык выступает как инструмент политкорректной коммуникации.

1.4. Публичный дискурс как сфера реализации политической корректности

В нашем исследовании политическая корректность рассматривается в контексте публичного дискурса. Дискурс – это сложное многозначное понятие, которое восходит к античной риторике, но стало предметом отдельной области исследования только во второй половине XX века в работах ряда ученых [Барт, 1978; Дейк, 1989; Соссюр, 1999; Фуко, 1996; Harris, 1952 и др.]. Существует множество подходов к определению дискурса, а также к исследованию соотношения между дискурсом и текстом [Арутюнова, 1990; Борботько, 1981; Жинкин, 1956; Карасик, 2000; Кибрик, 2003; Кох, 1978 и др.].

Классическое определение дискурса дала Н. Д. Арутюнова: «<...> связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте <...>. Дискурс – это речь, “погруженная в жизнь”» [Арутюнова, 1990, с. 136–137]. Дискурс многомерен и может изучаться с различных позиций: социолингвистики, прагматилингвистики, психолингвистики и т. д. По мнению В. И. Карасика, существуют два основных типа дискурса: лично-ориентированный и институциональный. Поскольку в исследовании мы говорим о проявлениях политической корректности, базирующейся на различных признаках идентичности, актуальным представляется рассмотрение дискурса институционального типа, который опирается на статус говорящего как представителя конкретного социального института, что позволяет анализировать коммуникацию в социокультурном аспекте. В институциональном дискурсе

присутствуют элементы некой идеологии, принадлежащей той институциональной группе, чей дискурс подвергается анализу. Именно эти элементы отражают интересы социальных групп. Кроме того, «дискурсы не только представляют мир в том виде, в котором он существует или видится нам, – они также проективны и изображают возможные миры, отличные от реального – такие, которые говорящие хотели бы создать» (Н. Фэркло, 2003) [Приводится по: Леонтович, 2011, с. 106]. В связи с этим иллюзорное представление об окружающей действительности, отмечаемое Р. Бартом и неомарксистами, представляет интерес, поскольку именно система коннотаций, привносящая переносное значение и закрепляющая его в социуме, и будет являться идеологией [Барт, 1978]. Стоит отметить, что сущность идеологии двойственна, т.к. она отражает интересы лишь отдельной группы, но в то же время имеет претензию на «универсальность, агрессивность, принудительный характер, а также стереотипность» [Там же]. Данный подход особенно интересен в связи с отражением таких идеологий в публичном дискурсе.

Существуют различия во взглядах на интерпретацию публичного дискурса: ряд ученых придерживается мнения, что публичный дискурс является аналогом медийного дискурса и ограничен публицистическим стилем [Воронцова, 2008; Лаптева, 2003; Филиппова, 2015 и др.], другие соотносят его с политическим дискурсом [Алёшина, 2016; Косоруков, 2018; Клюев, 2013 и др.]. Мы полагаем, что обе точки зрения справедливы, хотя понятие публичного дискурса во многом шире подобных интерпретаций. По мнению Т.А. Воронцовой, к ключевым признакам публичного дискурса можно отнести множественность адресатов, статус адресанта, который дает ему «право на речь», а также общественно значимую и интеллектуализированную тематику речи, понятную широкой аудитории [Воронцова, 2008, с. 20]. Автор сужает границы публичного дискурса, манифестируя частотность устных высказываний на фоне письменных, а также широкую представленность речевыми жанрами дискурса СМИ.

В то же время Ю. В. Клюев понимает под публичным дискурсом «совокупность ситуативных условий, вызывающих процесс порождения новой речи в присутствии рядом с ее автором / говорящим одного и более лиц» [Клюев, 2008, с. 332]. Еще более детально определение А. А. Косорукова, который описывает публичный дискурс как «многомерное пространство коммуникации в публичной сфере, рассматриваемое с точки зрения особенностей своего языкового построения и выражения в соответствии с условиями или контекстом существования различных сфер социальной жизни и действующих в ней публичных институтов и акторов» [Косоруков, 2018, с. 47].

На основе проведенного выше анализа мы трактуем публичный дискурс как устную или письменную коммуникацию со значительным количеством участников, затрагивающую вопросы социальной значимости, которая может происходить как в непосредственном взаимодействии, так и с использованием средств массовой информации. С учетом целей нашего исследования мы ограничиваем современный публичный дискурс временным отрезком с 1990 года по настоящее время, что обусловлено активной динамикой развития политической корректности в указанный период.

Рассматривая различные типы публичного дискурса, А. А. Косоруков выделял их на основании:

- сферы использования (политический, экономический, юридический, социокультурный, медийный, образовательный, медицинский, военный и др.);
- степени официальности (официальный, неофициальный и нейтральный);
- деятельности публичных институтов (институциональный и неинституциональный);
- применения СМИ (медийный и немедийный);

- источника возникновения (индивидуальный, коллективный и организационный);
- количества воспроизводства языковых элементов за определенный период времени (интенсивный и неинтенсивный);
- скорости производства элементов публичного дискурса на единицу времени (ускоренного или замедленного развития) [Косоруков, 2018, с.47].

Данная типология отражает широкий спектр дифференциации внутри публичного дискурса, что позволяет говорить о более стремительной иррадиации элементов идеологии в рамках дискурса такого типа, нежели любого другого, т.к. говорящим и слушающим может оказаться представитель любой социальной группы. «Человек, погруженный в публичный дискурс (и говорящий, и слушающий, и подслушивающий, и услышавший от кого-то), оказывается “в плену” сказанного вслух текста» [Там же]. Эта идея позволяет осмыслить политическую корректность как явление, характеризующееся наличием не только «правильных» единиц в языке, но и «идеологем», выражающих основные ценности политкорректности [Майба, 2013], а также обладающее манипулятивным потенциалом [Дьяченко, 2009], способным контролировать мировосприятие личности.

Публичный дискурс является удобной «площадкой» для реализации политкорректных идей, поскольку включает множество различных сфер и источников, а использование СМИ в качестве инструмента распространения «правильных» идей дает возможность влиять на общественное мнение. Наиболее благотворной почвой для реализации политкорректности являются те социальные институты, в которых говорящий обладает некой степенью влияния (политические, медийные, образовательные и др.).

1.5. Параметры идентичности как основа формирования политкорректных и неполиткорректных языковых значений

В основе политкорректности как современного социокультурного и социолингвистического явления заложена идея преодоления дискриминации по ряду параметров личностной идентичности, что и стало объектом рассмотрения в данном параграфе диссертации. Потребность в самоопределении является базовой для осознания личностью своего «Я». Понимание собственного происхождения и места в системе социокультурных координат дает человеку опору для существования. Индивидуум соотносит себя с определенными общностями людей, выражая данную принадлежность через «ключевые символы» [Леонтович, 2003]. В связи с этим уместно говорить о наличии в коммуникации эксплицитных и имплицитных «маркеров идентичности», «интерпретация которых позволяет относить отдельных людей к определенным категориям» [Словарь терминов межкультурной ...]. К маркерам идентичности, в частности, относятся язык, манера говорить, одеваться, вести себя, пол, раса, возраст, лицо, прическа, макияж и т. д.

Выступая в качестве одного из ключевых символов культурной принадлежности, язык не только идентифицирует коммуникантов как представителей определенной культуры, но и позволяет обозначать вербальными средствами другие параметры личностной идентичности, к которым в современных исследованиях относят следующие:

1) гендерная идентичность [Барышникова, 2004; Бутовская, 2013; Ван Минь, 2016; Воронова, 2015; Гриценко, 2005; Даулет, 2019; Кирилина, 2021; Леонтович, 2001; Ян, 2010; Diamond, 2002; Money et al., 1955; Stoller, 1968; 白解红, 2000; 吴为民, 2011; 赵蓉晖, 2003; 赵学德, 2008; 姚春林, 2009];

2) половая идентичность [Беспалова, 2018; Кудряшова, 2016; Пичугина, 2020; Пятницкая, Юров, 2009; Campo-Arias, 20120; Dillon, Worthington, Morandi, 2011; Reiter, 1989];

3) сексуальная идентичность [Бельский, 2019; Власова, 2015; Дмитриева, 2017; Максимов, 2013; Мелков, 2007; Прайзендорф, 2019; Татосян, 2017; Robles, 2021];

4) расовая идентичность [Гудзовская, 2021; Марусенко, 2021; Хилова, 2019; Boone, 1997; Brown-Nagin, 2003; Neblett et al., 2009; Rowell, 2004; Sharkey, 2008; Warner, 2013; Wing, 2001];

5) этническая идентичность [Байкова, 2019; Бешта, 2013; Габдрахманова, 2016; Дубовикова, 2019; Меренков, 2020; Набок, 2006; Солдатова, 2014; Титова, 2014; Хагажеева, 2016; Andreeva, 2020; Volgova, 2021; Lebedev, 2020; Libakova, 2015; Medar-Tanjga, 2022; Mohammed, 2022; Mohammed Amen, 2022; Ponka, 2019];

6) культурная идентичность [Благородова, 2013; Дядина, 2016; Криволап, 2011; Кунденко, 2018; Лебедева, 2016; Лысак, 2012; Мельникова, 2010; Морова, 2019; Филипенко, 2015; Ягафарова, 2021; Liu Yu et al., 2020; Masliakova, 2022; Hall, 1996];

7) национальная идентичность [Богатырева, 2022; Зененко, 2022; Квилинкова, 2019; Мазуренко, 2009; Мельникова, 2012; Напсо, 2021; Помелова, 2016; Тульчинский, 2011; Шмелева, 2010; Abbasova, 2021; Avagyan, 2021; Streltsov, 2022; Uskembayeva, 2019; Varlamova, 2022; Zavershinskiy, 2022];

8) географическая (территориальная) идентичность [Дунец, 2022; Задворный, 2014; Корнейчик, 2022; Леонтович, 2001; Люкманов, 2014 и др.];

9) физиологическая идентичность [Дзялошинский, 2020; Кондратович, 2022; Леонтович, 2001];

10) возрастная идентичность [Дюкин, 2019; Кампос, 2017; Куракина, 2015; Леонтович, 2001; Наумова, 2018; Новикова, 2018; Швец, 2019];

11) классовая идентичность [Гаврилюк, 2021; Меер, 2021; Никитина, 2014; Святкина, 2019; Barry, 2014; Bottero, 2004; Eidlin, 2014];

12) профессиональная идентичность [Багиян, Нерсисян, 2019; Будауд, 2021; Леонтович, 2001; Малютина, 2014; Нор-Аревян, Шаповалова, 2016];

Солнышкина, Шигапова, Габдрахманова, 2015; Томская, 2015; Шнейдер, 2001; Turner, 1985];

13) имущественная (экономическая) идентичность [Антонова, 2012; Карасева, 2010; Леонтович, 2001];

14) религиозная идентичность [Верещагина, 2022; Леонтович, 2001; Морозов, 2019; Страхов, 2020];

15) политическая идентичность [Иванова, 2009; Солдатенков, 2022; Франц, 2016; Хо, 2022; Хуснутдинова, 2013; Экзекоза, 2022; Fadeeva, 2021; Gadzimuradova, 2020; Zavershinskiy, 2022] и т. д.

Поскольку некоторые из этих параметров накладываются друг на друга, в рамках данного исследования мы рассмотрим расовую, этническую, гендерную / половую, возрастную и физиологическую идентичности, а также умственные способности, которые, согласно нашим наблюдениям, имеют наиболее тесную связь с политической корректностью и находят свое отражение в современном публичном дискурсе.

Дискриминация как социальное явление, связанное с ущемлением прав и интересов человека, всегда существовала в истории человечества. Начиная с появления государств, люди подвергались дискриминации по различным признакам (имущественному положению, статусу, возрасту, гендерной принадлежности и т. д.). Однако, несмотря на то, что термин *discrimination* (от лат. *discrīminātio* – обособление, различие) существует с середины XVII века, первоначально он обозначал проведение различий между чем-либо. Согласно изысканиям этимологов его связь с расовой принадлежностью была впервые зафиксирована лишь в 1866 году [Etymology Dictionary].

Выделяются две группы признаков понятия «дискриминация» – естественные и социальные [Вашанова, 2004]. К первой категории относятся физиологические и психологические особенности человека: «врожденные» (раса, пол, цвет кожи, генетические характеристики) и «приобретенные» (трудоспособность, здоровье, инвалидность). Вторая группа признаков

включает духовное и интеллектуальное бытие человека (вероисповедание, религию, политические и другие убеждения), его принадлежность к определенной группе (этническое, национальное, родовое, социальное происхождение, принадлежность к национальным меньшинствам, а также место рождения, страну происхождения, гражданство и язык) и положение человека в обществе (материальное, экономическое, имущественное, сословное и иное положение, правовой и социальный статус) [Вашанова, 2004]. Именно на основе множественных категорий идентичности реализуется манипулятивная функция политической корректности [Дьяченко, 2009], поскольку в медиадискурсе негативная идентификация нередко, по мнению Л.В. Ениной, является «знаком чужого». Навешивание ярлыков широко используется для формирования позитивного или негативного образа личности и целых социальных групп.

В результате реализации манипулятивной функции происходит подмена истинной цели высказывания ложной, что формирует в обществе мнение в духе выгодной определенным кругам политкорректной идеологии. Именно об этом пишет У. Линд, ссылаясь на деконструкцию в качестве основного принципа идеологии политкорректности [Lind, 2004]. Переосмысление привычных значений приводит к формированию в дискурсе новых пластов табуируемой лексики, а также возникновению политкорректных аналогов. Ниже мы более подробно рассмотрим, как различные параметры идентичности проецируются на понятие политической корректности.

Пол / гендер. В научной литературе половая идентичность традиционно связывается с генетически детерминированными свойствами человеческого организма, в то время как гендер соотносится с широким спектром социальных характеристик по параметрам «маскулинность / фемининность» и является результатом теоретического развития феминизма, а затем и собственно гендерных исследований. В настоящее время на Западе

вокруг этих терминов идут широкие дискуссии, в процессе которых высказываются непримиримые точки зрения.

Согласно русским лексикографическим источникам пол представляет собой совокупность признаков, обеспечивающих половое размножение, различающих мужчин и женщин, а также принадлежность к одному из двух разрядов (мужчины / женщины, самцы / самки). [Большой энциклопедический ...; Большой толковый ...; Малый академический ...]. Отметим, что в современном англоязычном дискурсе *sex* (пол) имеет характерное отличие, заключающееся в обозначении третьего разряда *intersexual* [см., напр.: Cambridge Dictionary].

Первое упоминание слова «гендер» связывают с именем Т. Уска (Usk), который в 1387 году н. э. написал: *No mo genders been there but masculine and femynyne, all the remnaunte been no genders but of grace, in faculte of grammar* («Нет рода, кроме мужского и женского, все остальное не грамматический род») [The Oxford English Dictionary]. Позднее контекст использования понятия был расширен, слово стало употребляться как эвфемизм для обозначения пола человека [Diamond, 2002]. В 50–60-х годах XX века понятие *gender* появилось в работах американских ученых [Money et al., 1955; Stoller, 1968]. Под ним стали понимать социальный пол человека, то есть те аспекты личности, которые связаны с процессом социализации человека [Воронова, 2015].

В России в начале XXI века слово «гендер» рассматривалось как «конвенциональный идеологический конструкт» [Гриценко, 2005], основными полюсами которого являются понятия о мужском и женском: стереотипизация роли мужчины и женщины, коммуникативных реакций, отражающих принадлежность к одному или другому гендеру, и т. д. Тем не менее нельзя не согласиться с Е. С. Гриценко, что гендер – это «опосредованно развивающаяся категория идентичности» [Там же, с. 135], напрямую связанная с другими составляющими социальной идентичности. Гендер понимается как «социокультурный конструкт», обозначающий

социальные аспекты взаимоотношений между полами, или «психологические и поведенческие характеристики, связанные с маскулинностью и феминностью и отличающие мужчин от женщин» [Бутовская, 2013, с. 10]. Это определение передает значение гендера через понятия «пол», «мужчины» и «женщины», что противоречит западному небинарному восприятию, но при этом отражает дуальный подход, существующий в русской культуре. В своей работе мы принимаем традицию разграничения понятий «пол» и «гендер», где первое обозначает врожденные физиологические черты (биологический пол), а второе – переменную социальную идентичности, формирующуюся в процессе социализации.

В Китае исследования в области гендерной лингвистики стали появляться в конце XX века, большая их часть носила обзорный характер, но уже к началу XXI века китайские ученые стали высказывать собственное мнение относительно бинарного или небинарного подхода к гендеру [Ян Сяоянь, 2010; 白解红, 2000; 黄千, 2011; 吴为民, 2011; 赵蓉晖, 2003; 赵学德, 2008; 姚春林, 2009; 陈征, 陈琪, 2007; 黄永平, 2013]. В китайской культуре понятия «пол» и «гендер» передаются с помощью двух терминов: 性别 и 社会性别. Первый обозначает различия биологического пола, второй соотносится с социальными ролями, которые считаются приемлемыми для женщин, мужчин и небинарных личностей, что соответствует европейскому понятию «гендер». В словаре Чжишу говорится: «В отличие от физиологического пола, социальный пол не определяется репродуктивными органами, а формируется в процессе социализации. Гендеры разнообразны. Помимо мужчин и женщин, есть и другие» [知书词典]. Как видно, это определение основано на западном толковании гендера.

В целом понятие гендера является трудноопределимым, так как имеет множество различных интерпретаций. Этот термин, в частности, используют для обозначения:

- 1) понятия, отображающего социокультурный аспект половой принадлежности человека [Новейший философский ...];
- 2) социальных ожиданий относительно поведения мужчин и женщин; социально формируемых особенностей мужественности и женственности [Гидденс, 2005];
- 3) состояния принадлежности к социальной группе людей, которым свойственны определенные качества или поведенческие реакции, ассоциирующиеся с мужской, женской или иной идентичностью [Cambridge Dictionary];
- 4) внутреннего ощущения принадлежности к мужчинам, женщинам, или некоторой комбинации мужского и женского начал, или ощущения себя ни мужчиной, ни женщиной [Merriam-Webster Dictionary];
- 5) факта принадлежности к мужскому или женскому полу, особенно со ссылкой на социальные и культурные, в противовес биологическим, различия [Oxford Advanced Learner's Dictionary] и т. д.

Приведенные трактовки отражают разногласия в определении данного термина, а также соотнесении его с понятием пола, вызывающие горячие споры среди ученых, журналистов, общественных и политических деятелей. Уже не одно десятилетие обсуждается и дискриминационный потенциал различных языковых средств, связанных с выражением пола и гендера, таких как феминитивы и нейтрализация гендерно-маркированных единиц языка, используемых для преодоления гендерного неравенства в коммуникации. Например, на определенном историческом этапе высказывалось требование, чтобы ряд английских лексем, содержащих компонент *-man* (*fireman, policeman, postman, businessman*), был заменен на феминитивы (*firewoman, policewoman, businesswoman*). Подобные практики выделения или, наоборот, нейтрализации гендера стали актуальными в контексте преодоления сексизма (*sexism*) – предрассудков, стереотипов, предвзятости и дискриминации по признаку гендера или пола.

Р а с а представляет собой сообщество людей, обладающих определенными наследственными физиологическими особенностями: строением черепа, тела, цветом кожи, качеством и цветом волос, разрезом глаз и т.д. В России традиционно принимается и преподается в школах классификация рас, введенная в конце XVIII века представителями Гёттингенской исторической школы, согласно которой выделяются европеоидная, негроидная и монголоидная расы. Однако ученые предложили и другие классификации рас, например: классификация К. Штраца по степени морфологической дифференцированности отличительных признаков [Штрац, 2003], классификация И. Е. Деникера по биологическим признакам, таким как форма носа или структура волос [Приводится по: Богатенков, Дробышевский, 2004]. Существуют также популяционные классификации, как, например, Я. Я. Рогинского и М. Г. Левина [Там же] или С. Гарна [Garn,1965].

Подходы к определению самого понятия базируются на схожих принципах. Под расой понимают:

- 1) группу людей, выделяемую на основе физических характеристик, таких как цвет кожи, разрез глаз и т.д. [Большая российская ...; Cambridge Dictionary; Merriam-Webster Dictionary; Oxford Advanced Learner's Dictionary];
- 2) группу людей, говорящих на одном языке, имеющих общую историю, культуру, характерные черты, географическое, языковое и религиозное происхождение [Большой толковый ... ; Малый академический ...; Cambridge Dictionary; Merriam-Webster Dictionary].

В первом определении подчеркиваются общие для группы людей физиологические признаки, во втором – разделяемые ими история и культура. В настоящее время ученые выступают против выделения «чистых рас», т. к. они, во-первых, не отражают типологическую картину человечества, а во-вторых, потому что эта картина эволюционирует, создавая еще большее многообразие. Вследствие очень широкой представленности такого многообразия в англоязычных странах, в особенности в США, понятие расы

там очень значимо, чем обусловлена особая чувствительность к эксплицитному обозначению расовой принадлежности.

В отличие от США, в России расовое деление не является основополагающим, что обусловлено рядом причин, в частности тем, что на территории России исторически отсутствует негроидная раса и никогда не было рабства чернокожих как системного явления.

Согласно проведенному нами анализу, китайцы также не имеют ярко выраженных негативных установок в отношении обозначения цвета кожи для описания представителей той или иной расы. Они охотно указывают на желтый цвет собственной кожи, что, в частности, подтвердил проведенный О. А. Леонтович опрос. При ответе на вопрос «Как выглядят китайцы?» многие респонденты указали на желтый цвет кожи (18 человек из 30), средний / невысокий рост (10 человек из 30), плоское лицо (8 человек из 30), высокие скулы (1 человек из 30) [Леонтович, 2021б]. Эти различия, создающие основу для ощущения инаковости, становятся источниками формирования политически некорректных пейоративных смыслов.

Этническая принадлежность. Языковое обозначение этноса играет важную роль в формировании политкорректного дискурса, поскольку «формирование этнически маркированной идентичности» – это разнонаправленный и многокомпонентный процесс, широко используемый «заинтересованными кругами» [Борисова, 2022, с. 5]. Как указывает В. А. Буряковская, этнонимы, то есть наименования этнической принадлежности, являясь одним из типов онимов, выполняют номинативную функцию и индивидуализируют называемые объекты [Буряковская, 2000, с. 34]. Ассоциации, порождаемые значением этнонима, культурно обусловлены историческими факторами взаимодействия двух и более этносов, однако «ядро его значения ограничивается двумя-тремя семами» [Там же, с. 10], причем специфика значения любого этнонима заключается в сохранении «пространственно-временных и информационных характеристик», связанных с определенным этносом [Там же, с. 33]. Данный

фактор также определяет степень экспрессивности этнонима, его эмоциональной окраски, что может варьироваться от легкой иронии до оскорбления [Тонтоева, 2016, с. 98]. Число этносов в странах различается: в России проживает около 190, а в Китае – более 100 этносов, 56 из которых являются официально признанными этническими группами, что отражает приоритетность разграничения именно этносов, например:

Основные тяготы платы за такую политику так же, как и раньше, легли на плечи русского народа и других народов, оставшихся верными российской судьбе, — татар, башкир, якутов, калмыков, чеченцев, тувинцев и многих других (Парламентская газета, 2021.11)

除了汉族之外，中国还有壮、回、维吾尔、苗、满、藏、蒙古、布依、朝鲜、白、哈尼、哈萨克、拉祜、柯尔克孜、达斡尔、塔吉克、保安、门巴、独龙、高山、塔塔尔、京、俄罗斯、赫哲、鄂温克、鄂伦春等 55 个民族。— Помимо ханьцев, в Китае также есть чжуаны, хуэйи, уйгуры, мяо, маньчжуры, тибетцы, монголы, буйи, корейцы, бай, хани, казахи, лаху, киргизы, дауры, таджики, баоань, мамба, дулуны, гаошань, татары, бейи, русские, хэчжэ, эвенки, орокены и другие 55 этнических групп (爱问知识人, 2022.01).

Эмоциональные, оценочные и символические ассоциации, зафиксированные в лексическом значении этнонима, используются в качестве инструментов, регулирующих манипулятивный потенциал политической корректности. Экспрессивный этноним, имеющий дискриминирующий характер, обозначается термином «этнофолизм» (ethnophaulisms) [Rice et al., 2010]. Этнофолизмы совмещают в себе два ключевых фактора, которые позволяют относить их к категории неполиткорректной лексики: этническую составляющую и пейоративность [Комарова, Осьмак, 2020, с. 120]. Мы, вслед за А. И. Грищенко, определяем этнофолизм как «уничижительное эмоционально оценочное наименование для представителей расовых, национальных или этнических групп»

[Грищенко, 2007, с. 40]. Некоторые этнофолизмы с течением времени утрачивают инвективность и либо становятся нейтральными, либо используются для придания контексту легкой иронии.

В о з р а с т представляет собой динамичную сущность, которая меняется в процессе человеческой жизни. Это понятие обозначает:

1) количество времени, лет от рождения, с момента появления на свет [Малый академический ...; Oxford Advanced Learner's Dictionary]; количество прожитых лет; период в жизни человека, животного [Большой толковый ...];

2) период, ступень в росте, развитии человека, животного, растения [Малый академический ...; Cambridge Dictionary];

3) период жизни, в который возникает или сохраняется какая-либо особая квалификация, сила или способность [Merriam-Webster Dictionary].

Если раса и этнос могут быть только врожденными, а гендер – как врожденным, так и приобретенным, то возраст с таких позиций достаточно трудно определить. С одной стороны, до сих пор человечество не имеет возможности влиять на процесс биологического старения, следовательно, изменение возраста обусловлено генетически; с другой стороны, при определении возраста учитываются не только биологические, но и социокультурные параметры, например, наличие детей (*молодая мама / старородящая*), опыт работы (*молодой специалист / опытный специалист*), психологическая (не)зрелость (*инфантилизм*) и т. д.

Согласно классификации, разработанной Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ), которая унифицирует восприятие возраста во всем мире, в настоящее время возраст до 44 лет принято считать молодым, 45–59 лет – средним, 60–75 лет – пожилым, 75–89 лет – старческим, 90 лет и более – возрастом долгожителей. Однако возраст и границы его восприятия подвижны и несут на себе отпечаток конкретных культур. Например, в русскоязычной коммуникации мы лишь изредка можем услышать прилагательное *молодой* в отношении мужчины или женщины 40 лет, однако смело обратимся к особи женского пола в возрасте от 15 до 50 «девушка», в

то время как словарь определяет это слово как «разговорное обращение к молодой женщине» [Ожегов].

Возраст часто используется для категоризации людей, что может приводить к несправедливости и невыгодному положению в обществе, а также нарушает связь между поколениями. Средний возраст считается периодом расцвета человеческой личности, в то время как детство, молодость и старость – периоды обладания наименьшей властью, подверженные возможной дискриминации. Стереотипы и предубеждения на основе возраста нашли отражение в практике эйджизма (*ageism*), а также его разновидности – эдалтизме (*adultism*), который характеризуется как дискриминация несовершеннолетних взрослыми.

Согласно информации ВОЗ, один человек из двух в мире практикует эйджизм в отношении пожилого населения [World Health Organization]. Он широко распространен и присутствует в университетах и в межличностном общении, затрагивает людей всех возрастов, начиная с детства, и имеет серьезные нелучшие последствия для здоровья, благополучия и прав человека. Возраст является как биологической, так и социальной характеристикой личности, в связи с чем в разных культурах отличается восприятие возрастных групп.

Физиологическая идентичность. Этот параметр включает совокупность врожденных (внешность, телосложение, физические возможности) и приобретенных в процессе социализации черт человека [Леонтович, 2007]. Физиологическая идентичность тесно связана с рассмотренными выше параметрами идентичности – полом, расой, этносом и возрастом. Первичные половые признаки, являясь врожденной характеристикой, позволяют отличить мужчину от женщины. Вторичные половые признаки, а также медицинские вмешательства по изменению первичных признаков становятся инструментом определения приобретенных признаков. Раса и этнос связаны с уникальным набором физиологических черт, например: темная кожа у представителей негроидной расы или узкий

разрез глаз у монголоидной расы; рыжий цвет волос и веснушки у ирландцев или светлый цвет волос и голубые глаза у скандинавов. Возраст также находит отражение во внешности: нежная кожа ребенка, стройная фигура юной девушки, морщины, седина, специфическая походка при патологических изменениях суставов как показатели пожилого возраста. Все эти и другие качества могут стать причиной дискриминации.

Кроме того, физиологическая идентичность базируется на врожденных или приобретенных физических состояниях индивида, таких как худоба или полнота, высокий и низкий рост, маленькие или большие, узкие или широкие глаза, двигательная активность или неспособность передвигаться и др. Физические особенности человека влияют на уровень его социализации в обществе. Особенное внимание при таком подходе уделяется людям с ограниченными возможностями здоровья. Физиологическая идентичность тесно связана с физическим состоянием личности (болезнями, инвалидностью и т. п.). Кроме того, ослабление умственных способностей, обусловленное различными отклонениями или заболеваниями, также будет влиять на способность человека адаптироваться в социокультурном пространстве, что может стать причиной дискриминации его в обществе.

Языковые средства, относящиеся к аспектам физиологии и умственных способностей личности, имеют широкое распространение в культурах всех трех исследуемых лингвокультур, однако реализация ее не одинакова, что будет рассмотрено во второй главе.

1.6. Материал и методика исследования политической корректности

Исследование вербализации политической корректности проводится в диссертации на материале трех языков (русского, английского, китайского) и примеров их реализации в публичном дискурсе России, Китая и

англоязычных стран (в особенности США и Великобритании). Сбор материала осуществлялся в соответствии с методом целенаправленной выборки. В качестве исходного источника был принят словарь политически корректных слов и выражений Г. Бирда и К. Сёрфа “The Official Politically Correct Dictionary and Handbook” [Beard, Cerf, 1992], на базе которого был составлен список неpolitкорректной и политкорректной лексики, впоследствии расширенный с помощью лексических единиц, отобранных из британского и американского корпусов английского языка (*Cambridge English Corpus, Corpus of Contemporary American English*). Англоязычными лексикографическими источниками послужили: *Cambridge Dictionary, Merriam-Webster Dictionary, Collins English Dictionary, The Oxford Advanced Learner’s Dictionary, The Oxford Advanced American Dictionary, The Oxford Collocation Dictionary, Educalingo, Etymology Dictionary, The Oxford English Living Dictionary, Safire’s New Political Dictionary, The Britanica Dictionary, Urban Dictionary*. Источниками контекстуальных примеров стали тексты интернет-версий газет и журналов (*The New York Times, The Guardian, Need to Know News, The Week, CNN, The Independent, Russia Today, USA Today*), а также тексты СМИ, социальных сетей, пабликов, представленные в указанных выше языковых корпусах.

Отбор русскоязычного материала осуществлялся из следующих лексикографических источников: «Малый академический словарь», словарь русского арго В. С. Елистратова, толковые словари С. И. Ожегова, С. А. Кузнецова, Т. Ф. Ефремовой, энциклопедии («Актуальная политическая энциклопедия», «Большая российская энциклопедия», «Большой энциклопедический словарь»), специальные словари («Большой юридический словарь», социологический словарь Э. Гидденса, «Политика. Толковый словарь», «Новейший философский словарь», «Словарь терминов межкультурной коммуникации», «Толковый словарь психиатрических терминов»), переводные словари («Большой китайско-русский словарь», «Латинско-русский словарь»), «Большой словарь русских поговорок»,

«Словарь иностранных слов» Н. Г. Комлева, а также «Словарь-тезаурус синонимов русской речи». Источниками контекстуальных примеров послужили тексты СМИ и социальных сетей Национального корпуса русского языка, а также материалы интернет-изданий» *Lenta.ru*, *Известия*, *Собака.ru*.

Лексикографическими источниками материала на китайском языке послужили: 百度百科 (Энциклопедия Байду), 百度汉语 (Словарь Байду), 知书词典 (Словарь Чжишу). Контекстуальные примеры отобраны из социальных сетей *Douyin*, *Weibo*, интернет-портала 百家号, а также корпуса китайского языка *Center of Chinese Linguistics PKU*.

Комплексная методика исследования включала: метод целенаправленной выборки, дефиниционный анализ, компонентный анализ, контекстуальный анализ, сопоставительный метод, элементы дискурса-анализа и прием количественных подсчетов.

Сопоставительный метод применялся для выявления универсальных и национально-специфических черт политкорректной лексики в английском, русском и китайском языках в соответствии с предложенным И. А. Стерниным алгоритмом [Стернин, 2004, с. 85–116]. На первом этапе было необходимо выделить лексическую группировку непolitкорректной лексики и ее политкорректных аналогов в трех изучаемых языках. *Методом целенаправленной выборки*, в соответствии с предварительно разработанными критериями, а именно наличием в исследуемых единицах и контекстах их реализации сем, соотносящихся с параметрами идентичности, описанными в п. 1.5, производился отбор непolitкорректной и политкорректной лексики. Далее с помощью толковых словарей и контекстуальных примеров базовый список был расширен синонимами.

На втором этапе для определения межъязыковых соответствий отдельных единиц каждое слово английского языка с помощью *Cambridge*

Dictionary было проверено на соответствия в русском и китайском языках, в частности с использованием лексикографических источников.

На третьем этапе *компонентный анализ* лексем всех трех языков использовался для выявления сем, соответствующих параметрам идентичности, как признаков политкорректных и неполиткорректных языковых значений и описания механизмов их формирования. *Контекстуальный анализ* применялся для установления семантических связей языковых единиц с их окружением, условий реализации потенциальных сем и определения ассоциативных смыслов, возникающих в конкретной ситуации общения, с целью включения дополнительных сем в состав исследуемых единиц.

Четвертый этап предполагал семантическое описание контрастивных пар на основании отдельных сем, полученных в результате компонентного анализа. Семы, выявленные в дефинициях, обобщались, а отсутствие семы в языке перевода свидетельствовало о наличии языковой лакуны.

На пятом этапе было необходимо выявить национально-специфические особенности языковых средств политической корректности. С этой целью применялись *дефиниционный анализ* словарных определений, *контекстуальный анализ* и *элементы дискурс-анализа* по параметрам «участники общения», «контекст общения», «форма коммуникации», «социально-интерактивная составляющая» [Леонтович, 2011], которые также были использованы для рассмотрения коммуникативных практик, нарушающих или продвигающих политическую корректность в публичном дискурсе.

С помощью *приема количественных подсчетов* были обобщены результаты исследования, определена частотность использования различных средств политической корректности в трех языках и подведены итоги исследования.

Выводы по главе 1

1. Анализ трудов отечественных и зарубежных ученых, посвященных вопросам политической корректности, позволяет сформулировать положения, составляющие теоретическую базу проводимого исследования, основные из которых сводятся к нижеследующим.

- Политическая корректность – это многоуровневое социокультурное явление, отражающее актуальные проблемы и тенденции общественного развития. Ее сущность заключается в акцентировании значимости личности и ее роли в социуме.

- Политическую корректность можно трактовать как культурную идеологию, основанную на переосмыслении мироустройства, что получает свое выражение в специфике использования языковых и неязыковых средств и формировании идеологем.

- Политическая корректность как языковое явление предполагает избегание единиц, содержащих дискриминирующий компонент, и выработку норм общения, не оскорбляющих людей по различным аспектам их идентичности.

- Несмотря на то, что политическая корректность направлена на защиту социально уязвимых групп населения, с ней связан ряд негативных тенденций, обусловленных возникновением противоречий между различными социальными группами, сложными отношениями политической корректности с наукой, литературой и образованием, ограничением свободы слова и т. д.

2. Согласно историческим данным понятие «политическая корректность» существует уже полтора века, однако его суть в современном мире отличается от первоначальной интерпретации. На разных этапах своего существования политическая корректность была связана с верностью политике партии и культурным марксизмом, расовой сегрегацией, феминизмом, мультикультурализмом и другими политическими течениями.

Динамика политической корректности в западном мире в последние 60 лет характеризуется пиками активного роста и спада. К 90-м годам XX века чрезмерное распространение норм политической корректности и перегибы в их использовании привели к возникновению у соответствующего термина негативных коннотаций. В XXI веке политическую корректность снова стали интерпретировать в положительном ключе, связав ее с понятием инклюзивности и новыми коммуникативными практиками, направленными на равноправное участие дискриминируемых групп в социальной жизни.

3. Понятийный аппарат исследования включает ключевой термин «политическая корректность» и ряд смежных понятий, к которым относятся «сенситивность», «толерантность», «инклюзивность» и «инклюзивный язык». Все эти понятия объединены общим признаком воплощения идей социального равенства и справедливости. Мы определяем политическую корректность как социокультурную практику исключения языковых и неязыковых средств, а также речевого и неречевого поведения, которые могут оскорбить или дискриминировать людей по ряду признаков, характеризующих их личностную или групповую идентичность.

4. Основной сферой реализации идей политической корректности является публичный дискурс, обладающий неограниченными возможностями влияния на формирование общественного мнения. Публичный дискурс представляет собой устную или письменную коммуникацию со значительным количеством участников, затрагивающую вопросы социальной значимости, которая может происходить как в непосредственном взаимодействии, так и с использованием средств массовой информации.

5. Ключевыми признаками личностной идентичности, формирующими политически (не)корректные значения, являются гендер /пол, раса, этнос, возраст, физиологические признаки и умственные способности. Критерием отнесения языковых единиц с негативной коннотацией к политически некорректным является наличие в их значении сем, имплицитно или эксплицитно указывающих на соответствующие параметры идентичности.

Глава 2

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОРРЕКТНОСТИ В РУССКОМ, КИТАЙСКОМ И АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПУБЛИЧНОМ ДИСКУРСЕ

2.1. Универсальные языковые механизмы политической корректности

Цель настоящего параграфа – выявить универсальные языковые механизмы, формирующие политкорректные и неполиткорректные значения и смыслы в исследуемых лингвокультурах. Под языковым механизмом мы понимаем алгоритм формирования и интерпретации языковых значений и их контекстуальной реализации. При этом мы не претендуем на исчерпывающее описание механизмов политической корректности, так как лингвистика еще не готова дать ответы на все вопросы о связи языка и мышления. Однако данная работа является попыткой на практическом материале проследить и прокомментировать некоторые закономерности, связанные с изучаемым явлением.

Как указывает Н. Н. Болдырев, активная роль человека в формировании значений «убедительно свидетельствует об интерпретирующем характере человеческого сознания и, как следствие, языкового сознания, языковой картины мира, системы языка, всех его единиц и категорий, всей дискурсивной деятельности человека в ментально-языковом конструировании окружающего мира» [Болдырев, 2017, с. 33]. Таким образом, в языковом сообществе толкование семантики языковой единицы происходит в соответствии с ее изначальным значением и дополнительными факторами, влияющими на ее осмысление, такими как фоновые знания, образование и воспитание говорящего, проповедуемые им культурные ценности и т. д.

В самом общем смысле механизм формирования неполиткорректных значений заключается в следующем: 1) в значении слова присутствует сема, обозначающая определенный аспект идентичности; 2) проявляется

отрицательная оценочность, направленная на этот аспект идентичности. Например, слово *баба*, содержащее сему гендера, может указывать на пренебрежительное отношение к женщине. Иногда само по себе слово нейтрально, однако при его интерпретации происходит инференция: интерпретатор «наводит» отрицательную коннотацию, которой в слове изначально не было. Так, в значении английского слова *tribe* (племя) присутствует сема этнической принадлежности, которая отрицательно считывается на фоне соотнесения слова с такими понятиями, как *primitive* (первобытный), *savage* (дикарь).

По мнению У. Линд, в основе политической (не)корректности лежит механизм деконструкции конвенциональных значений, закрепившихся в языковом сообществе. Сама деконструкция становится инструментом порождения новых неполиткорректных смыслов у тех языковых единиц, где ранее они не предполагались или, более того, не были возможны [Lind, 2004].

Ярким примером деконструкции можно считать оруэлловский «новояз» (*newspeak*), который формирует новое семантическое поле в умах людей, использующих этот язык в угоду политическому режиму. Лексика новояза призвана подменять узуальные понятия, в результате чего изначальный смысл, заключенный в высказывании, становится если не ложным, то неточным. Таким образом создается язык, адаптированный под идеологию «лидеров» и влияющий на общественное сознание. Данный эффект достигается через соблюдение основных принципов построения новояза: сокращения словаря, предельно упрощенной грамматики, множества аббревиатур и сложносокращенных слов [Гриценко, Карданова, 2016].

Деконструкция, как полагает основоположник изучения этого понятия Ж. Деррида [Derrida, 1982], позволяет избавиться от лингвистического моделирования, связывающего «означающее» и «означаемое», в пользу множественного разнообразного «означаемого», манифестирующего такие смыслообразующие отношения с «означающими», при которых любой

элемент языковой системы ничего не значит до соотнесения его с другими элементами. При этом контекст, сопровождающий ту или иную коммуникативную ситуацию, также может влиять на восприятие информации и ее интерпретацию. Ж. Деррида считал, что деконструкция основана на различии, которое «подрывает привычное представление о приоритете левого члена бинарных оппозиций (означаемое – означающее, наличие – отсутствие...)» и ставит вопрос о взаимобратимости, взаимодополнительности оппозитивных членов в подвижных рамках означивания» [Приводится по: Асоян, 2011, с.136]. Люди могут создавать концептуальные, образные схемы так, что семантика будет не столько сформированной, сколько навязанной их мировосприятием (Р. Лангакер, 1991) [Приводится по: Болдырев, 2017, с. 38]).

В качестве примера деконструкции можно привести английское слово *gay*, которое первоначально означало «веселый, беззаботный», но, начиная с XIV века, стало ассоциироваться с аморальным поведением. В течение долгого времени первое значение было основным, однако к концу XX века слово стало преимущественно употребляться в значении «гомосексуальный». В начале XXI века оно считается уже политически некорректным в связи с наслоившимися на него негативными коннотациями.

В свою очередь, формирование политкорректного значения предполагает либо наличие той же семы, обозначающей определенный аспект личностной идентичности, но без отрицательной оценочности (например, *Black* вместо *Negro*), либо ее полную нейтрализацию (например, *chair* вместо *chairman* или *chairwoman*).

Опираясь на опыт отечественных лингвистов, занимающихся проблемой политической корректности [Вашурина, 2011; Леонтович, 2021а, б; Майба, 2013], мы ставили перед собой задачу рассмотреть закономерности действия этих механизмов на примере эвфемизации и ресемантизации. Для того чтобы проследить представленность этих механизмов в исследуемых языках, мы осуществили их количественный

анализ. Поскольку, по нашим наблюдениям, одни и те же языковые механизмы используются для формирования как политкорректных, так и неpolitкорректных значений, за показатель 100% в данном анализе мы принимаем общее количество языковых единиц (1002), составляющих материал нашего исследования, в том числе 311 русских (169 политкорректных и 142 неpolitкорректных), 477 английских (282 политкорректных и 195 неpolitкорректных) и 214 китайских (116 политкорректных и 98 неpolitкорректных).

2.1.1. Эвфемизация

Эвфемизм как разновидность перифразы представляет собой «эмоционально нейтральное слово или выражение, употребляемое вместо синонимичного слова или выражения, воспринимаемого говорящим как резкое, грубое или интимное» [Большая российская ...]. Эвфемизации подвергаются не только неpolitкорректные лексемы, но и многие другие, имеющие в своем значении хотя бы небольшой дискриминационный потенциал.

Эвфемизация основывается на некоторых способах приведения значения к нейтральному статусу, таких как:

1) замена прямолинейного значения на менее оскорбительное (*расторгнуть договор* вместо *уволиться*) или менее пугающее (*новообразование* вместо *рак*);

2) использование устоявшихся, более приемлемых в обществе, выражений: *уйти из жизни* вместо *умереть*, *to pass away / to be gone* вместо *to die*, 谢世 (уйти в лучший мир) вместо 死 (смерть);

3) опущение элементов словосочетания: 人流 (людовой поток) вместо 人工流产 (аборт);

4) применение метафор и перифраза: *она в интересном положении* вместо *она беременна*; 她有喜了 (у нее радость) вместо 她怀孕了 (она беременна); 解甲归田 (снимать доспехи) вместо 离职 (уйти с должности).

В английском языке существуют списки лексики, которую рекомендуется заменять эвфемизмами. Например, неполиткорректное слово *illegal alien* (нелегал), указывающее на «чуждость» (*relating to creatures from another planet*) и отсутствие законных прав, рекомендовано заменять на *person without legal immigration status* (человек с неопределенным миграционным статусом), конкретизирующее юридическую сторону вопроса, а также через использование существительного *person*, ставящего акцент на личность человека. В русском языке таких официальных списков не существует, однако лингвисты, врачи, социальные работники и т. д. высказывают рекомендации относительно замены оскорбительных слов эвфемизмами. Например, инвективу *спидозник*, обозначающую больного СПИДом, предлагается либо полностью исключить из публичного дискурса, либо эвфемизировать: *человек, больной СПИДом*. Однако, по мнению М. Годлевской, использование медицинского термина *СПИД* также неуместно в обыденности, поскольку для многих людей он не информативен и не имеет разграничения с понятием *ВИЧ* [Приводится по: Бобылёва, 2021, с. 69]. Автор предлагает заменять слово *СПИД* фразой *терминальная стадия ВИЧ*. В этом случае политкорректный вариант слова *спидозник* будет звучать как *человек с терминальной стадией ВИЧ*, таким образом смягчая его восприятие.

Обратимся к неполиткорректным лексемам *deaf* / *глухой* / 聋子. В английском языке предлагается заменять слово *deaf* выражениями *hearing-impaired* или *person with hearing loss*, сохраняющими значение неспособности слышать либо частично, либо полностью, поскольку они не вполне отражают степень наличия данной физиологической проблемы. В русском языке слово *глухой* имеет пейоративный оттенок и может быть передано

эвфемистическими словосочетаниями *неслышащий человек* и *человек с потерей слуха*. Они более точно передают значение, чем словосочетание *с инвалидностью по слуху*, поскольку человек может быть не полностью глухим, а, например, слабослышащим. Однако, в данном выражении присутствует сема, имеющая значение *потеря трудоспособности* или *наличие статуса инвалида*. В словосочетании *человек, пользующийся жестовым языком* утрачена сема отсутствия слуха, поскольку жестовым языком могут пользоваться и люди, работающие в сфере сурдопедагогики.

В китайском языке грубое слово 聋子 (глухой) рекомендуют заменять лексемой 失聰 (от «терять слух / оглохнуть»). Как можно видеть, никаких проблем с точностью передачи смысла в данном примере не наблюдается, сема, обозначающая потерю способности слышать человеком (耳聾的人), хотя, как и в предыдущих примерах, степень утраты слуха не обозначена.

На практике эвфемизация не всегда оказывает положительное влияние на содержание коммуникации в связи с утратой части смысла высказывания. Примеры такой опрометчивой замены – слова, характеризующие способность видеть: *nearsighted / farsighted* (близорукий / дальнорукый), которые состоят из компонентов *near / far* (близко / далеко) и *sighted* (зрячий, видящий), четко отражающих смысл лексемы. Предлагаемые политкорректные эвфемизмы *optically challenged / optically inconvenienced* (испытывающий «оптические» трудности, неудобства) сохраняют компонент, указывающий на зрение, однако нивелируют суть проблемы, заменяя ее размытыми формулировками *challenged / inconvenienced* (испытывающий трудности или неудобства). К таким «трудностям» можно отнести уже не только способность видеть близко или далеко, но и другие проблемы со зрением (например, астигматизм, ретинопатия, катаракта и др.).

В русском языке тоже существуют подобные политкорректные эвфемизмы, например, *солнечные дети* вместо словосочетания *дети с синдромом Дауна*, четко указывающего на одну из генетических патологий,

официально закрепленных в классификации болезней (МКБ-10). Однако смягчающее данное заболевание эвфемистическое словосочетание *солнечные дети* неинформативно, поскольку сохраняет лишь компонент со значением *дети*, в то время как прилагательное *солнечный* может означать «с ярким светом солнца», «освещенный солнцем», «радостный, светлый, счастливый» [Малый академический ...]. В результате замены информации о заболевании компонентом радости и счастья говорящие пренебрегают потребностями этих детей: предполагается, что быть в каком-либо ином состоянии, кроме радости, они не могут.

Эвфемизация в китайском языке, так же как в английском и русском, не всегда оправдывает себя. Например, вместо 胖人 (толстяк) китайцы говорят 富态 (благосостоятельной внешности, полный), что затемняет исходное значение.

Тем не менее, анализ механизма эвфемизации, используемого для смягчения обидных, ликоповреждающих высказываний, доказывает, что она является действенным механизмом формирования политически корректных значений, способствующих гармонизации общения, что подтверждается количественными показателями. Согласно нашему материалу, в русском языке механизм эвфемизации использован в 110 случаях из 311 (35,3%), в английском – в 183 случаях из 475 (38,3%), в китайском – в 76 случаях из 214 (36%).

2.1.2. Ресемантизация

Еще одним механизмом, актуальным в связи с политической корректностью, является ресемантизация, которая представляет собой изменение значения слова вследствие «деидеологизации или других объективных социокультурных и политических причин» [Захаркив, 2021,

с.46]. В рамках нашего исследования она рассматривается в качестве средства формирования как политкорректных, так и неполиткорректных значений и смыслов и выступает в следующих формах: перспективизация, или изменение социокультурного фона, количественная семантическая трансформация, концептуальная метонимия, нарушение семантической сочетаемости. Рассмотрим каждый тип ресемантизации подробнее и приведем полученные количественные показатели.

Перспективизация, или изменение социокультурного фона

С позиции когнитивной лингвистики перспективизация представляет собой «дискурсивный механизм конструирования объекта с точки зрения говорящего / наблюдателя, где конструирование объекта одними участниками дискурсивного акта намеренно совершается для других его участников» [Ирисханова, 2013]. Данный механизм предполагает формирование новых значений в связи с взглядом на слово с другой точки зрения или выходом на первый план смыслов, которые прежде не существовали в силу отсутствия социокультурного контекста.

В английском языке к такому типу можем отнести слово *Black*, используемое для наименования темнокожего населения. В XX веке оно считалось оскорбительным; согласно словарю политической корректности [Beard, Cerf, 1992] существовал целый ряд его политкорректных аналогов, одним из которых являлась лексема *African-American*. Сейчас *Black*, наряду с *Afro-American*, считается одним из наиболее политкорректных слов и используется как нейтральное для номинации темнокожих.

С точки зрения современных канонов красоты русское прилагательное *толстый* по отношению к внешности человека имеет обидную, негативную коннотацию. Однако в настоящее время большое количество блогеров, инфлюэнсеров и активистов боди-позитива намеренно используют в своей речи слово «толстый» как политкорректное, с целью показать его

нейтральность, например: «...28-летняя йогиня Джессамайн Стенли показала своим 265 тысячам подписчиков, что от веса не зависит и гибкость. Публикуя свои фото в асанах, она борется за то, чтобы эпитет «толстый» перестал восприниматься как оскорбление» (Lenta.ru, 2017.01).

Китайские словосочетания 俄国老毛子 / 老毛子 (русский волосатый / волосатик) когда-то использовались как резкие и грубые наименования русских: «是“‘老毛子’太臊性”的那种碑» («это такое напоминание, что ‘老毛子’ очень оскорбительно») [Center of Chinese Linguistics PKU]. Подобные номинации были обусловлены наличием у русских длинных бород; однако со временем они сбрили бороды, а номинации приобрели легкий ироничный оттенок, который сохранился и в настоящее время, в связи с чем их можно считать политкорректными.

На основе анализа лексем, значения которых сформированы посредством перспективизации, а также контекстов их применения в исследуемых языках, установлено, что инференции, возникающие на основе смены социокультурного фона, конструируют новое мировосприятие, выгодное одной из сторон коммуникации. Количественный анализ показывает, что в русском материале этот механизм использован в 69 случаях из 311 (22,2%), в английском языке – в 113 случаях из 475 (23,7%), в китайском – в 46 случаях из 214 (21%).

Количественная семантическая трансформация

Расширение или сужение значения слова составляет основу количественной семантической трансформации. Новые значения формируются в связи с тем, что семантика слова становится шире исходного значения на основе возникновения дополнительной семемы или, наоборот, сужается, в связи с введением нового элемента [Кошкина, 2014].

В английском языке лексема *Nazi* претерпела семантическое расщипление: появились *grammar Nazis* (ироничное название интернет-сообществ, отличающихся крайне педантичным отношением к вопросам грамотности), *soup Nazi* (116-й эпизод ТВ-шоу “Seinfeld”, а также прозвище героя), *Zionazis* (сионизм + нацизм). Широкое использование этой лексемы привело ее к семантическому смягчению: в настоящее время назвать кого-либо *Nazi* значит не обвинить в геноциде, а лишь высказать несогласие: *A Nazi, in 2019, is someone you disagree with* [The use of the word ...].

В связи с развитием на западе сообществ ЛГБТ+, расширилась семантика слова *woman*, которое перестало обозначать исключительно представительниц женского пола. Сегодня оно определяется как *an adult who lives and identifies as female though they may have been said to have a different sex at birth* («взрослый человек, живущий и идентифицирующий себя как женщина, хотя, возможно, при рождении у него был другой пол») [Cambridge Dictionary]. Подобная же судьба постигла слово *man*.

В результате эволюции нейтральное слово может приобрести дополнительную сему. Например, от названия этноса *Gypsy* (цыгане) произошел глагол *gyp* (обманывать, воровать), обладающий негативной, оскорбительной коннотацией. В связи с этим фактом рекомендуется избегать использования этого глагола из-за ассоциации цыган с воровством, заменяя его на глагол *cheat* (жульничать, мошенничать).

Лексема *хачик* в русском языке также расширила свою семантику, поскольку изначально данный этноним был именем собственным *Хачик*, но со временем экстраполировался на всех представителей армянской национальности как распространенное уничижительное прозвище. Впоследствии его стали использовать по отношению и к другим этническим группам Кавказа.

Сужение семантики можно проиллюстрировать примером из китайского языка, где слово 鬼子 (черт, дьявол) как производное от 洋鬼子 (заморский черт) изначально употреблялось по отношению ко всем

иностранцам, а позднее стало применяться как этноним для обозначения японцев – сокращение от 日本鬼子 (япошка).

Согласно нашим данным, количественная семантическая трансформация реализуется в 73 русских единицах из 311 (23,5%), в 93 английских единицах из 475 (19,5%) и в 56 китайских единицах из 214 (26%).

Концептуальная метонимия

Метонимия как разновидность ресемантизации обеспечивает подмену понятий в соответствии с современными тенденциями проявления политической корректности или некорректности. Традиционно в языкознании и литературоведении метонимию рассматривают как «троп, состоящий в переносе имени с одного класса объектов или единичного объекта на другой класс или отдельный предмет, ассоциируемый с данным по смежности, сопредельности, вовлеченности в одну ситуацию» [Большая российская ...]. Однако со сменой вектора научных исследований в области метонимии расширилось и понимание термина. Широкое распространение получило понятие «концептуальная метонимия» – способность одного концепта (концепта-средства) репрезентировать в рамках той или иной концептуальной области другой ее концепт (концепт-цель) или замещать собой всю область в целом [Болдырев, 2002; Волошкина, 2016; Рахманкулова, 2018]. Данный механизм продуцирует новые смыслы через описание одного концепта с помощью связанного с ним другого концепта. В языке, как правило, концептуальная метонимия характеризуется описанием субъекта через какие-либо параметры, например, времени через событие (*после собрания*), человека через действие (*этот нытик*) [Болдырев, 2002].

Лексема *ВИЧ-отрицатели*, используемая вместо лексемы *ВИЧ-диссиденты*, описывает человека с помощью действия, производимого им, то есть отрицания существования вируса иммунодефицита человека. Слово *диссиденты* в данном случае не рекомендуется к использованию по причине

ассоциации с инакомыслящими, способными вести активную борьбу за свои права, в то время как отрицание научных фактов и несоблюдение медицинских норм, способных спасти жизни многих людей, нельзя назвать благим делом.

Поскольку концептуальная метонимия основана на переносе значения, она часто становится инструментом формирования неполиткорректных значений, например: *чернильница* (девушка, вступающая в интимные отношения с темнокожими иностранцами), *wheelchair*, *колясочник* и др. Отметим, что номинация инвалидов, связанная с инвалидным креслом, является общей тенденцией в английском, русском и китайском языках. В английском языке словосочетание *confined to a wheelchair* (прикованный к инвалидному креслу) рассматривается как неполиткорректная характеристика человека. При таком обозначении утрачивается сема человека, в связи с чем формируется уничижительное отношение к людям с ОВЗ. В русской лексеме *колясочник* присутствует суффикс *-ник*, указывающий на человека, однако от этого она не утрачивает обидной коннотации. С китайским словом сложнее: 轮椅人 (досл. инвалидное кресло + человек), по сути, не используется для прямой или косвенной номинации людей с ограниченными возможностями передвижения. Однако данное слово стало применяться в компьютерных сетевых играх в Китае для номинации игроков, которые действуют с помощью одного оружия, чаще всего стоят на одном месте и бьют этим оружием по противнику без развития каких-то иных навыков. Как люди в инвалидных креслах не могут передвигаться без них, так и эти игроки не могут играть без определенного оружия. Такая номинация является оскорбительной для всех: и для игроков, поскольку их сравнивают с инвалидами, и для инвалидов, поскольку пренебрегают их состоянием.

Количественный анализ показал, что механизм концептуальной метонимии реализуется в русском языке в 41 единице из 311 (13,2%), в

английском языке – в 68 единицах из 475 (14,3%), в китайском языке – в 29 единицах из 214 (13,5%).

Нарушение семантической сочетаемости

Это явление в отечественной лингвистике также называют «семантической несочетаемостью» [Васильева, 2012; Кириллова, 2009; Яшина, 2011], которая, по мнению И. Б. Голуб, лежит в основе многих классических образов, ставших хрестоматийными примерами эпитетов, метафор, метонимий [Голуб, 1997]. Рождение новых смыслов за счет сочетания слов из разных тематических областей или оценочных шкал формирует новую картину мира, которая может являться частью политкорректной идеологии. Например, словосочетания *pregnant man* (беременный мужчина) или *male pregnancy* (мужская беременность) могут казаться нам абсурдными и бессмысленными, поскольку сочетаемость лексем *мужчина* и *беременность* биологически и физиологически не оправдана. Однако с 90-х годов XX века западное научное сообщество изучало гипотетические возможности, при которых такое может произойти. В результате в конце XX века возникло данное несовместимое словосочетание, а в начале XXI века произошло расширение семантики слова *man*, когда на Западе под этим словом стали понимать человека, идентифицирующего себя как мужчину, несмотря на то, что при рождении он был женщиной. К этой же категории можно отнести русское слово *баба*, используемое для обозначения слабого, безвольного мужчины.

Данный механизм наименее распространен в публичном дискурсе и встречается в русском языке в 13 единицах из 311 (4,2%), в английском языке – в 18 единицах из 475 (3,8%), в китайском языке – в 4 единицах из 214 (2%).

Обобщенные результаты количественного анализа механизмов формирования (не)политкорректных значений в трех языках могут быть представлены в виде диаграмм (рисунки 1–3). В группу *Varia* (1% от общего

количества) вошли языковые единицы, которые мы не смогли отнести к какому-либо из вышеозначенных механизмов. Их анализ может стать перспективой дальнейшего исследования и уточнения имеющихся данных.

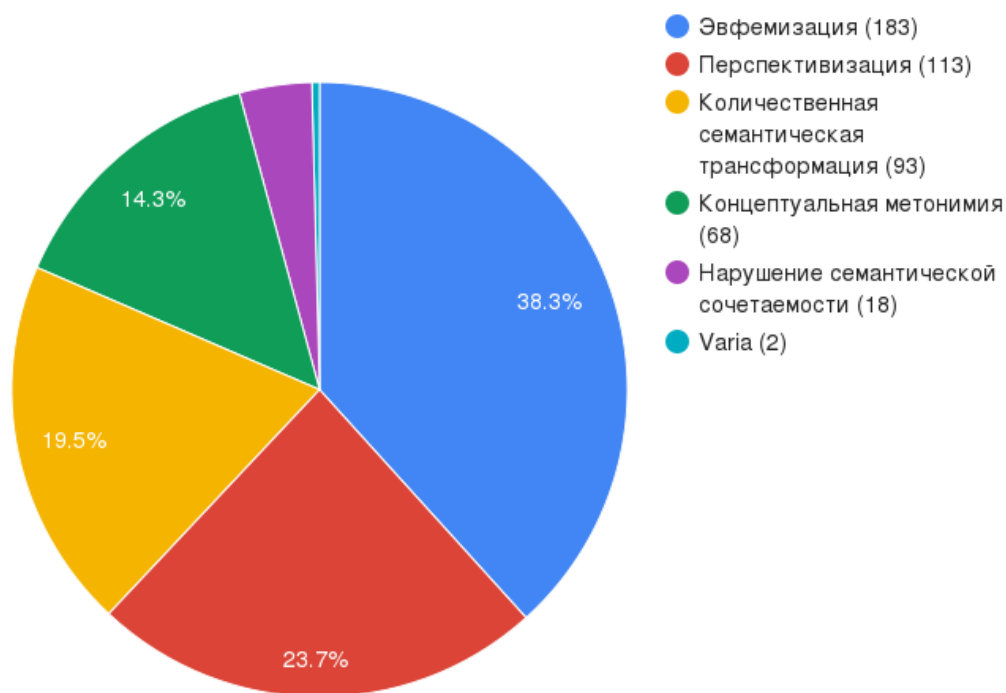

Рис. 1. Репрезентация языковых механизмов политической корректности в английском языке

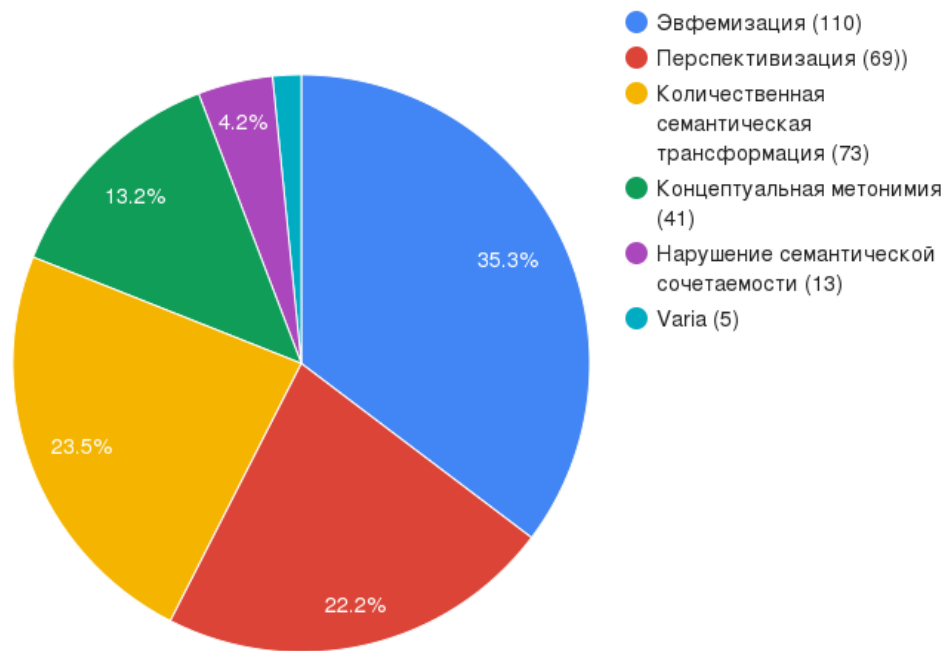

Рис. 2. Репрезентация языковых механизмов политической корректности в русском языке

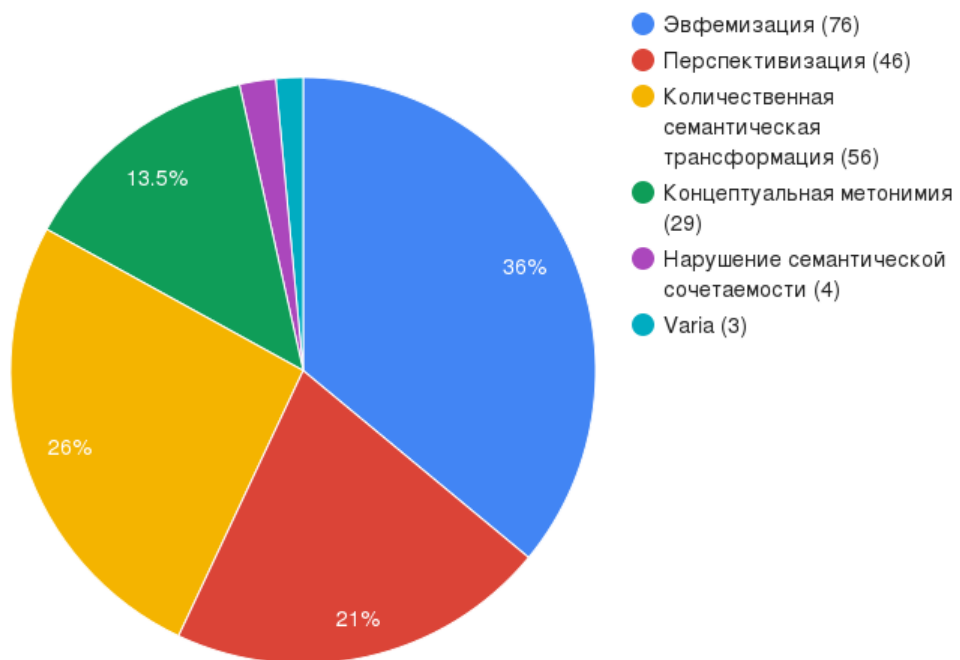

Рис. 3. Репрезентация языковых механизмов политической корректности в китайском языке

Проведенный анализ позволяет заключить, что, несмотря на небольшую процентную вариативность, описанные в данном разделе механизмы политической корректности универсальны для исследуемых языков. Практически всегда при их реализации мы обнаруживаем в значениях используемых слов либо явно присутствующие семы, обозначающие один из параметров личностной идентичности, либо потенциальное наличие значения, которое реализуется в определенном контексте на основе инференций и фоновых знаний.

2.2. Основные группы неpolitкорректной лексики

Языковые средства, выражающие неpolitкорректные значения, представлены инвективной лексикой, словами и словосочетаниями с нежелательными коннотациями и стереотипными суждениями.

И н в е к т и в н а я л е к с и к а . «Большой толковый словарь русского языка» под ред. С. А. Кузнецова определяет инвективу как «оскорбительную речь или резкое выступление против кого-либо или чего-либо». Поскольку одной из функций инвективы является «создание новой коммуникативной реальности, где сметаются всякие конвенции норм» [Засыпкин, 2010], включение в дискурс такого рода высказываний эксплицитно указывает на наличие в обществе «угнетающих и угнетенных».

Инвективы ориентированы на то, чтобы задеть человека, и различные параметры идентичности становятся поводом для этого. Слова *Injun*, *cripple*, *retarded* и другие считаются в англоязычных культурах настолько неприемлемыми, что не рекомендуются к использованию в речи. Если же эти единицы встречаются в тексте, написанном даже много десятилетий назад, они воспринимаются современными носителями языка как негативно маркированные, например, в рецензии на книгу М. Твена *The Adventures of Tom Sawyer* («Приключения Тома Сойера»):

There they see the villainous Injun Joe, Dr Robinson and Muff Potter digging up a recently buried corpse. The men quarrel, and Injun Joe murders the doctor. Only the boys can make sure the guilty man is identified. – Там они видят злобного индейца Джо, доктора Робинсона и Маффа Поттера, выкапывающих недавно похороненный труп. Мужчины ссорятся, и индеец Джо убивает доктора. Только мальчики могут убедиться, что виновный опознан (The Guardian, 2009.06).

В приведенном примере инвектива *Injun* используется для передачи резко негативной характеристики индейца, что сопровождается словами *villainous* (злобный) и *murders* (убивает).

Инвективы, основанные на дискриминации по половому признаку (такие как *bitch*, *сучка*, *прошмандовка*, *贱货* и др.), имеют место во всех анализируемых нами языках, например:

По заявлению Google, сейчас Conversation AI делает это (определяет признаки оскорбительных реплик. – В. К.) с 92-процентной точностью по сравнению с человеком-модератором. Изданию Wired удалось протестировать алгоритм и показать, как он работает. Например, если ввести фразу «Привет, сучка!», то она будет оценена на 63 балла по 100-балльной шкале, а если написать «Ах ты сука!» — то на 96 баллов. [Lenta.ru, 2016.10].

Из данного примера следует, что хотя лексема *сучка* не является чрезмерно оскорбительной, ее инвективный характер обозначен числовым эквивалентом 61 по 100-балльной шкале. В следующем контексте коннотацию передает противопоставление слов *прошмандовка* и *паломница*, поскольку первое сразу ассоциируется с «падшей женщиной», а второе – с высоконравственным образом верующего человека:

Пассия, заметьте, не какая-нибудь прошмандовка, а паломница с двумя ангелочками-сыновьями (Коммерсант, 2012.03)

Эквивалент слова «сучка» в китайском языке 贱货 также является инвективой, например, 自以为是的贱货 (самодовольная сучка), как и *bitch* в английском языке.

Таким образом, согласно идее политкорректности, любые «маркеры идентичности», обозначающие принадлежность индивидуума к той или иной социальной группе и имеющие в своем составе пейоративный компонент, могут и должны быть исключены из дискурса.

Слова и словосочетания с нежелательными коннотациями. В ходе своей эволюции многие языковые единицы обрastaют новыми коннотациями, которые приносят в семантику слова дополнительные оттенки, ассоциации, способность выражать потенциальные смыслы, которые закрепляются в сознании народа. По мнению М.В. Влавацкой, коннотация может быть рассмотрена, с одной стороны, как «любой компонент, который дополняет предметно-понятийное (или денотативное) содержание языковой единицы и выполняет экспрессивную функцию; с другой – как компонент значения, который выступает во вторичной функции наименования и дополняет объективное значение единицы ассоциативно-образным представлением об обозначаемой реалии» [Влавацкая, 2014, с.37]. В ряде случаев такие коннотации сопряжены с отрицательной оценочностью и могут быть оскорбительными для собеседника. Таким образом, слово, изначально не обладавшее отрицательной оценочностью, с течением времени в связи со сменой культурного или исторического фона или по причине вхождения в новый социальный контекст может получать нежелательные коннотации, затрагивающие аспекты личностной идентичности.

К категории таких слов относится английское *Negro*, имеющее латинское происхождение – *absolutely dark, absorbing all light, of the color of soot or coal* («абсолютно темный, поглощающий весь свет, цвет сажи или угля») [Online Etymology Dictionary], которое применяется как номинация для людей негроидной расы. Первоначально оно не имело негативной

коннотации, но со временем стало считаться уничижительным. Ассоциируясь с рабовладением, это слово как в современном американском, так и в британском варианте английского языка считается табуированным. Однако встречаются случаи его нейтрального употребления как самоназвания, например, в наименованиях организаций:

Greason, 98, is one of baseball's "forgotten heroes," according to the Center for Negro League Baseball Research. Seventy-five years ago, he shut down the Kansas City Monarchs in the Negro American League's championship series and then earned the Black Barons' only win in the final Negro World Series, which the Black Barons lost to the Homestead Grays. – По данным Центра исследований Негритянской лиги бейсбола, 98-летний Грисон является одним из «забытых героев» бейсбола. Семьдесят пять лет назад он разгромил «Канзас-Сити Монаркс» в серии чемпионатов негритянской американской лиги, а затем принес «Черным баронам» единственную победу в финальной мировой серии для негров, которую «Черные бароны» проиграли команде «Хоумстед Грейз» (The New York Times, 2023.04).

Английское слово *invalid* (от лат. *invalidus* – немощный, слабый) применяется к человеку, который болен или травмирован и не может ухаживать за собой [Cambridge Dictionary]. Изначально слово не имело отрицательной коннотации и фактически являлось объективной характеристикой человека, однако ассоциация со значениями *unfit* (*un* + *fit*), *disability* (*dis* + *ability*), *injury* (*in* + *jury*) демонстрирует превалирование в слове негативной коннотации, формируемой отрицательными предлогами, в связи с чем в социуме закрепляется образ ни к чему не пригодных людей. В русском языке слово *инвалид* существует по такому же принципу, хотя, ко всему прочему, на это накладывается проблема недоступности различных социальных услуг в сфере образования, культуры и т. д., что формирует еще одну ассоциацию – «изгой».

Слово *бомж* в русском языке этимологически является акронимом (>«без определенного места жительства»), использовавшимся в юридической

терминологии, первоначально без уничижительного оттенка. Однако социальный образ бомжа, как правило не отвечающий элементарным нормам гигиены и нравственности, привнес дополнительную коннотацию пренебрежения и оскорбления, которая манифестирует отношение социума к данной категории людей.

*Дедушка чистенький, не **бомж**, но, возможно, просит милостыню* (Lenta.ru, 2019.10).

*Или наоборот — одет как **бомж**, косоглазый, пахнет плохо* (Lenta.ru, 2019.05).

*Говорят — он **бомж**, он воняет, от него грязь в подъезде* (Lenta.ru, 2017.07).

В китайском языке к этому типу лексики относится слово 支那 (*Китай*), являющееся инвективой, в отличие от традиционного наименования 中国 (*Китай*). Сначала оно не имело негативной коннотации, будучи производным от *cina* (санскрит), обозначающего китайский шелк или китайский фарфор. Однако коннотации наслоились ввиду поражения китайцев в Первой японо-китайской войне. Резонансным в китайском Интернете стал случай, когда девушка-докторант оскорбительно высказалась о своей стране, распространяя антипатриотические идеи: “<...>支那的下水道就像支那的良心一样，是坏的臭的” («<...> канализационные трубы Китая подобны совести Китая, они плохие и вонючие») [Weibo]. Использование данной инвективы в публичном дискурсе недопустимо, в связи с чем этот случай привлек к себе внимание в китайском пространстве социальных сетей. Автора высказывания Цзе Цзелян исключили из партии и отчислили из докторантуры Сямэньского университета.

Таким образом, любое нейтральное слово или словосочетание с течением времени может попасть под влияние нежелательных коннотаций, которые приведут к исключению его из дискурса.

Стереотипные номинации. Стереотип представляет собой «устойчивый, обычно упрощенный образ того или иного объекта (индивида, группы, события, факта и т.п.), воспроизводимый в сознании человека и определяющий его отношение к данному объекту» [Большая российская ...]. Стереотип, как правило, связан с примитивизацией, и если мы говорим о людях, то «стереотип – это стандартизированный образ, упрощенное представление об индивиде, группе или явлении, которое должно способствовать упрощению процесса коммуникации» [Трепакова, 2007, с. 48].

Этнические стереотипы представляют собой лингвокультурные модели в сознании общности, существующие «в виде определенным образом структурированных фоновых знаний, независимо от того, осознает это индивид или нет» [Некрасова, 2009]. Когнитивные механизмы стереотипизации основаны на восприятии человеком информации, не укладываемой в его привычный багаж знаний. Среди механизмов стереотипизации выделяют: инференции, сведение воедино разнородных характеристик, ошибки в мышлении (дедуктивном и индуктивном) [Леонтович, 2007] и др.

Благодатными для стереотипизации являются гастрономические предпочтения той или иной культуры и попытка свести вкусы представителей всей нации к одному или нескольким наиболее известным блюдам, что находит отражение как в русском, так и в английском языках, например, в этнофолизмах *макаронники* (итальянцы), *лягушатники* (французы), *бульбаши* (картофельники – беларусы), *beaners / Beaneys* (фасольщики – латиноамериканцы, особенно мексиканцы), *beefeaters* (мясоеды – англичане) и т. д., например:

*Французы запилили соцрекламу про Россию. Совсем ох***и эти лягушатники. Вы там за собой смотрите, как ваши полицаи мирным желтым жилетам пулями глаза выбивали* (ВК, 2021.08).

Да эти макаронники, похоже, смеются над нами! Что думаете? (ВК, 2020. 03).

Кроме того, обозначение общего по признаку частного привело к стереотипным номинациям с использованием имен собственных, наиболее традиционных для определенной культуры: *Иван / Ivan* (русский), *Жан* (француз), *Ганс / Hans / 汉斯* (немец), *Джон / 约翰牛* (англичанин), *Abbie, Abe, Abie* (от *Abraham*, еврей), *Rajeet* (индиец) и др., например:

Да, это вам не «иваны» (как любят называть россиян за рубежом), которые спустят все до последней копейки, лишь бы произвести впечатление на девушку (Lenta.ru, 2019.05).

«Они считают, что русские “Иваны” в школу не ходят и их ничему не учат», – возмутился блогер (Lenta.ru, 2017.08).

В приведенных примерах «Иваны» наделяются такими качествами, как глупость, расточительность и необразованность, что характеризует русских с негативной стороны. При этом сначала кажется, что второй пример показывает щедрость мужчины ради девушки, но слово «спустят» акцентирует негативную оценочность. Однако, как и в предыдущей группе стереотипов, встречаются и более нейтральные варианты, как в следующем примере:

在英语中，布尔是牛的意思，于是人们用约翰牛来称呼英国人，以后又变为专指英国。(中国儿童百科全书) – По-английски *Bull* означает «бык», поэтому люди используют имя Джон Буль для обозначения британцев, это стало также конкретным обозначением Соединенного Королевства.

Таким образом, в качестве универсальных групп неполиткорректной лексики можно выделить инвективы, лексику с нежелательными коннотациями, а также стереотипные номинации. Все они характеризуются той или иной степенью уничижительности и не рекомендуются к использованию в публичном дискурсе.

2.3. Национально-специфические особенности политической корректности

Проявления политической корректности в России, Китае и англоязычных странах имеют ярко выраженную национально-культурную специфику, которая выявляется и на идеологическом, и языковом уровнях, что будет показано в данном параграфе.

Недопустимость дискриминации закреплена в конституциях и ключевых законах государств, язык которых является объектом нашего анализа. В Конституции РФ (ст. 19, пп. 2 и 3) записано: «Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности. Мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации».

Кроме того, 5 мая 2014 г. в Федеральный закон от 01.06.2005 N 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» была внесена поправка № 101-ФЗ следующего содержания: «При использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации не допускается использования слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка (в том числе нецензурной брани), за исключением иностранных слов, не имеющих общеупотребительных аналогов в русском языке». Также той же поправкой были расширены сферы использования русского языка как государственного языка РФ. В ст. 3 данного закона в сферы использования были добавлены: продукция средств массовой информации, показ фильмов в кинозалах, публичные исполнения произведений литературы, искусства, народного творчества посредством

проведения театрально-зрелищных, культурно-просветительных, зрелищно-развлекательных мероприятий. При этом в России не существует каких-либо сформированных списков слов, подлежащих исключению из речи, словоупотребление регламентировано лишь нормативными словарями.

В КНР дискриминация запрещена ст. 4 Конституции (в редакции 2018 г.), а в США – поправками 1 и 5 Конституции. На практике наблюдаются серьезные различия между странами с точки зрения концептуализации самого понятия «дискриминация», степени внимания к ней со стороны общественности, а также понимания того, что считается допустимым, осуждаемым или полностью табуированным. Покажем эти различия по результату анализа языкового употребления в соответствии с параметрами идентичности, которые были обозначены в параграфе 1.5.

2.3.1. Средства вербализации гендера

Рассмотрим средства вербализации гендерной идентичности с точки зрения формирования и интерпретации политкорректных и неполиткорректных значений. В английском языке грамматическая категория рода у существительных отсутствует – род либо существует как логическая категория (*man, husband*), либо передается лексически (*fireman, house husband*). Социальные процессы, о которых мы упоминали ранее, спровоцировали всплеск активности женского населения по определению своих прав в патриархальном обществе, в связи с чем в конце XX века произошли замены обращений *Mrs / Miss* на нейтральное, не указывающее на семейное положение женщины *Ms*. Кроме того, в практику английского языка были введены феминитивы с целью искоренить сексистский язык, в первую очередь в виде наименований профессий. Существует два пути образования феминитива: добавление подходящего суффикса (*actor – actress, hero – heroine* и др.) и замена существительного мужского рода на

существительное женского рода или нейтральное (*landlord – landlady, chairman – chairperson / head* и др.) [Федотова, 2016], например:

*Seven members of a youth gang called the Immortals were arrested in Central Park yesterday after they threw stones at a plainclothes **policewoman** on horseback.* – Семь членов молодежной банды под названием «Бессмертные» были арестованы вчера в Центральном парке после того, как они забросали камнями женщину-полицейского в штатском, ехавшую верхом на лошади (New York Times, 1972.10).

Однако в настоящее время в английском языке наблюдается отказ от феминитивов, предпочтение отдается гендерно-нейтральным словам *firefighter, police officer, mailcarrier, entrepreneur*, например:

Firefighters are three times more likely to die from certain types of cancer. – Пожарные в три раза чаще умирают от различных типов рака (The Guardian, 2023.01).

A mail carrier of the United States Postal Service (USPS) delivers mail. – Почтальон Почтовой службы Соединенных Штатов (USPS) доставляет почту (The Guardian, 2020.08).

В русском языке элементы системы «род / пол» тесно взаимосвязаны. Выражение гендерной составляющей в русском языке облегчается наличием категории грамматического рода у существительных (*учитель / учительница*), прилагательных (*уважаемый / уважаемая*) и глаголов (*пришел / пришла*). Однако есть некоторые сложности, связанные с обозначением профессий (*врач, доктор, профессор, автор*). Русские феминистки также стали выступать за использование феминитивов в публичном дискурсе: *автор – авторка, блогер – блогерка, продюсер – продюсерка*:

По мнению сторонниц феминистических взглядов, некоторые слова, например «автор», «врач» или «доктор», нельзя использовать без суффикса -к, если речь идет о женщине. Уже имеющиеся морфемы, по их мнению, для этого не годятся (Lenta.ru, 2020.09).

Подобное словотворчество пока не приобрело широкого распространения и продолжает реализовываться в интернет-коммуникации, особенно в группах сторонниц феминизма.

Основным способом формирования феминитивов считается добавление суффикса *-ка* или *-ша*, однако такая аналогия с английским *-ness* не всегда работает верно, т. к., во-первых, суффикс *-ша* несет в себе значение «жена представителя профессии» (*генерал – генеральша*), во-вторых, кроме грамматической формы, слова с такими суффиксами могут иметь определенную сферу употребления, соответственно добавление суффикса может ассоциироваться с разговорным стилем, например, в паре *аптекарь – аптекарша*:

«Они попросили что-нибудь для наложения жгута», – рассказала аптекарь (Vesti.ru, 2020.05).

Аптекарша пошарила рукой на полке, выбрала что подороже (в ее понимании «посильней») и швырнула на прилавок упаковку «Арбидола» за 150 рублей (Комсомольская правда, 2008.02).

Следует обратить внимание на то, что в первом примере существительное мужского рода *аптекарь* употребляется с глаголом женского рода *рассказала*, что противоречит нормам русского языка. Во втором примере, кроме суффикса *-ша*, на стилистически сниженный стиль указывают лексемы *пошарила* и *швырнула*. Таким образом, мы понимаем, что гендерная репрезентация посредством аффиксации не всегда способствует политической корректности.

Китайский язык не имеет грамматической категории рода, которую возможно было бы выразить морфологически, однако существуют лексические способы выражения рода в отношении одушевленных существительных:

1) морфемы 女 (женщина) и 男 (мужчина) по отношению к людям, например, 女仆 – служанка, 男仆 – слуга;

2) морфемы 公 (самец), 母 (самка) по отношению к животным, например, 公猫 – кот, 母猫 – кошка.

Лексика, обозначающая принадлежность к профессиональной деятельности, в китайском языке имеет гендерно-нейтральный характер, например, 仆人 – слуга, однако, как мы указали выше, существуют отдельные слова для обозначения мужчин и женщин (女仆 / 男仆), принадлежащих к определенной сфере деятельности. Такое деление применимо не к каждой лексеме. Например, слово 朋友 (друг) при добавлении к нему графемы 女/男 меняет значение на 女朋友 (девушка) или 男朋友 (парень), «с которой(ым) есть романтические отношения». Разграничение рода в семантике существительных, обозначающих род деятельности, скорее нововведение в китайском языке, поскольку исторически в Китае профессией обладали только «ученые мужи», а женщина была «товаром», который могли продать или обменять [Даулет, 2019]. Такое неравенство в социальных отношениях мужчин и женщин в древности сопровождалось языковой асимметрией, например, во фразеологии: 重男轻女 (ценить мужчин, презирать женщин) или в лексических комплексах с сочинительным типом связи: 男女 (мужчины и женщины), 兄弟姐妹 (братья и сестры), где лексема, обозначающая мужской пол, ставилась перед лексемой со значением женского пола. В китайском языке существуют единицы, отражающие гендерную составляющую и при этом имеющие экспрессивно-оценочное значение, например, лексема 女汉子, состоящая из слов *женщина* и *мужчина крепкого телосложения*, что на русский язык с сохранением коннотации можно перевести как *пацанка* или *бой-баба*, или лексема 剩女 (досл. оставшаяся девушкой), которая обозначает *старую деву*.

Китайское слово 消防队员 (пожарный) является аналогом английского неpolitкорректного *fireman* и политкорректного *firefighter*. Однако в

китайском языке существует и слово 女消防员 (женщина-пожарный), соответствующее английскому *firewoman* или *female firefighter*, но оно употребляется для особого акцентирования категории рода в речи:

说起消防员你一定不陌生，但你见过女消防员吗？在松江区广富林消防救援站内就有一位。她也是上海目前唯一一位女性消防员（光明网，百家好）– Профессия пожарного для вас не в новинку, но вы когда-нибудь видели женщину-пожарного? В районе Сунцзян такая есть в пожарно-спасательной части Гуанфулин. Она из Шанхая. В настоящее время это единственная женщина-пожарный.

Существительное, описывающее мужчину-пожарного, 男消防员 тоже существует, но практически не используется, чаще в данном значении употребляется нейтральное 消防队员. Для сравнения стоит отметить, что в русском языке слово мужского рода *пожарный* используется как нейтральное, а сложное сочетание *женщина-пожарный*, может применяться лишь для того, чтобы акцентировать принадлежность к женскому роду:

В Петербурге уволили единственную женщину-пожарного за съемки в клипе (Собака.ru, 2018).

В России и Китае пол и гендер по-прежнему концептуализуются с позиции бинарного подхода, то есть разделения всех людей на мужчин и женщин. В западных странах настоящее время характеризуется деформацией традиционных устоев, что находит отражение в языке и культуре. Гендер перестает быть средством разграничения полов, становясь «инструментом самоидентификации, и редуцируется до нейтрального маркера сексуальной ориентации или любой самоидентификации вообще» [Кирилина, 2021, с. 125].

Исследования показывают, что большинство носителей русского языка придерживаются бинарного подхода к обозначению гендера [Леонтович 2021a], в отличие от носителей английского языка, где, по различным данным, существует от 58 до 112 терминов, относящихся к гендерной идентичности [Леонтович, 2021a; How Many Genders...]. В английском языке

переход к небинарному восприятию рода характеризуется «взрывным ростом терминов, обозначающих различные нюансы гендера: *agender, cisgender, non-binary, gender-queer, gender expansive, gender non-conforming, gender awesome, gender fluid* и т.д. [Леонтович, 2021a], например:

He likes to wear dresses. His parents describe him as “gender expansive”, and in the liberal enclave of Park Slope, Brooklyn, where Leo has lived all his life, he has encountered far less resistance than he might have elsewhere. – Он любит носить платья. Родители описывают его как «гендерно-раскрепощенного», и в либеральном анклав Парка Слоуп в Бруклине, где Лео прожил всю свою жизнь, он столкнулся с гораздо меньшим сопротивлением, чем мог бы столкнуться где-либо еще (The New York Times, 2017.08).

В русском и китайском языках небинарное восприятие рода вербализуется лишь в дискурсе некоторых «групп по интересам» – преимущественно в ЛГБТ-сообществах. Запрос в китайской поисковой системе *Baidu* «社会性别有几种?» («Сколько существует видов гендеров?») дал следующие результаты, основанные на поисковой активности социальных пользователей: 普通男性 (обычный мужской пол), 普通女性 (обычный женский пол), 男同性恋, 生理心理特征为男性 (мужской гомосексуализм, физиологические и психологические особенности мужского пола), 女同性恋, 生理心理特征为女性 (женский гомосексуализм, физиологические и психологические характеристики женского пола), 生理特征男性, 心里特征女性 (физиологические характеристики – мужские, психологические – женские), 生理特征女性, 心理特征男性 (физиологические характеристики – женские, психологические – мужские). Поисковый запрос показал, что в лексике наблюдается смешение понятий «физиологический пол», «социальный пол» и «ориентация», поскольку первые два термина явно указывают на физиологические особенности, следующие два – на ориентацию, а два последних – на «социальный пол».

Нами была предпринята попытка систематизировать наименования гендера в английском, русском и китайском языках, что отражено в таблице ниже.

Сопоставительная таблица наименований гендера

№ п/п	Английский язык	Русский язык	Китайский язык	Пояснение
1	agender	агендер	无性别的/无性别人	человек без гендера
2	cisgender	цисгендер	顺性别	естественный пол
3	genderqueer	гендерквир	性别酷儿	(от англ. <i>queer</i> , кит. 酷儿 kù'ér – «странный», «чудной», «иной») термин для обозначения всего, что отличается от гетеронормативной модели поведения
4	transgender	трансгендер	跨性别者 (跨性人)	принадлежащий к группе людей, переходящих из одного пола в другой
5	transgender woman/man	трансгендерная женщина / мужчина	跨性别女子 / 男子	мужчина / женщина, переходящие из одного пола в другой
6	transsexual (syn. transgender)	транссексуал	易性癖者 易性癖	принадлежащий к группе людей с пристрастием к изменению пола
7	transsexual (a person who has had medical treatment to change their sex)	транссексуал	变性人	человек, изменивший пол
8	non-binary (syn. genderqueer)	небинарный (не относящийся ни к мужскому, ни к женскому полу)	非二元性别者	принадлежащий к группе людей с не дуальным полом
9	MTF (Male to Female)	мужчина, который хирургически и/или внешне принял облик женщины	男变女	мужчина, ставший женщиной
10	FTM (Female to Male)	женщина, которая хирургически и/или внешне приняла облик мужчины	女变男	женщина, ставшая мужчиной

Данная классификация позволяет сделать несколько выводов, представляющих интерес для нашего исследования. Английский язык характеризуется многообразием терминов для обозначения спектра гендерных идентичностей. Соответствующие русские и китайские термины по большей части представлены в виде заимствований из английского языка. Внутренняя форма китайских лексем довольно прозрачна, в связи с чем, разложив слово на отдельные иероглифы, можно обнаружить неприятие обозначаемых понятий, например: 癖 – болезненное пристрастие. Также обращает на себя внимание 者 – суффикс существительных, обозначающих индивидуумов той или иной профессии или категории, ввиду того, что некоторые из гендеров не являются социально принятыми среди носителей китайского языка.

Влияние английского заметно во всех сферах китайского языка, но наиболее очевидно в сфере интернет-общения, где, например, вслед за английскими словоупотребительными тенденциями, появляются новые практики использования местоимений: *TA* – заглавными буквами вместо созвучных иероглифов (tā) 他 (он) или 她 (она), когда отсутствует необходимость конкретного указания на пол человека или надо обозначить оба пола (он/она). Подобные изменения нечасто выходят за пределы виртуальной коммуникации, однако намечают вектор влияния англоязычного мира на другие культуры и языки.

Анализ комментариев в социальной сети 抖音 (*Douyin*) под двумя наиболее популярными видео 2020–2021 годов, найденными по запросу 性别认同 (гендерная идентичность), показал, что в китайском языке существует проблема применения местоимений мужского и женского рода по отношению к трансгендерам. Поскольку в видео фигурировали представители бинарного трансгендерного сообщества (биологический пол – мужчина, психологический – женщина), пользователи употребляли по отношению к ним как местоимение 她 (она), так и 他 (он). Количественный

анализ показал, что из 202 комментариев оба местоимения использованы по 4 раза, однако преобладают обращения женского рода: 姐姐 (старшая сестра) – 6 раз, 小姐姐 (милая девушка) – 2 раза, 雪姐 (сестра Сюэ) – 5 раз, 小妹妹 (младшая сестренка) – 2 раза. Характерно также, что комментаторы употребляют прилагательные 漂亮 (красивая) (7 раз) и 美丽 (красивая) (7 раз), которые чаще применяются для описания женской красоты, чем мужской (漂亮), или не употребляются совсем (美丽), что свидетельствует о повышенной степени толерантности к данной категории гендера. Лишь в 6 комментариях как показатель мужской красоты был использован иероглиф 帅 (красивый), не применимый к женщинам. Исходя из количественного анализа, мы видим, что в 43 из 202 случаев так или иначе присутствует лексический показатель родовой принадлежности, характеризующий гендерную идентичность. Таким образом, несмотря на отсутствие грамматической категории рода в китайском языке, имеются некоторые лексические средства выражения гендерной идентичности, а также ее оценки, соотносимой с политической (не)корректностью.

Подводя итог, отметим, что в английском языке гендер характеризуется с двух различных позиций: в рамках бинарного подхода политкорректное выражение гендера представлено наличием феминитивов и гендерно-нейтральных грамматических форм; небинарный подход, в свою очередь, подкрепляется большим количеством терминов, обозначающих разные виды гендерной идентичности. В русском языке, в отличие от английского и китайского, гендер может быть передан грамматическим родом; существует также широкий спектр лексических средств передачи гендерной идентичности, в основном на основе бинарного подхода. Китайский язык, несмотря на отсутствие грамматической категории рода, имеет лексические средства выражения гендерной идентичности, а также ее оценочности. Гендерная идентичность в китайском языке чаще всего передается через совокупность лексем с дословным значением указываемого феномена, и

значительно реже – через фонетическое заимствование из английского языка. Личные местоимения и некоторые качественные прилагательные содержат в своей семантике указание на род, становясь инструментом формирования политкорректных значений. Появление в русском и китайском языках терминов для обозначения разных типов гендерной идентичности свидетельствует о социальных тенденциях, происходящих в условиях глобализации под влиянием английского языка и западных норм политически корректного общения.

2.3.2. Средства вербализации расовой идентичности

Языковое обозначение расовой идентичности наиболее актуально для англоязычных стран, в особенности США, в связи с историей рабовладения, а также широкой представленностью разных рас в составе населения страны. Каждая перепись населения США, начиная с первой в 1790 году, включала вопросы о расовой идентичности. Способы анкетирования и классификации расы менялись от переписи к переписи вместе с ее научным осмыслением.

Во время переписи населения 2020 года в США использовалась следующая классификация рас: *White, Black / African American / Negro, American Indian / Alaska Native, Asian Indian, Chinese, Fillipino, Other Asian, Japanese, Korean, Vietnamese, Native Hawaiian, Guamanian / Chamorro, Samoan, Other Pacific Islander*. Она в большей степени отражает социально-политическое, нежели биологическое или географическое, конструирование общества. Административно-бюджетное управление Белого дома США (OMB) в 15-й директиве, описывающей расовые и этнические стандарты для федеральной статистики и административной отчетности, дает определение концепции расы, изложенное для переписи населения, исходя из «социальных и культурных характеристик, а также происхождения», с использованием «соответствующих научных методологий», которые не

являются «биологическими или генетическими» [Race and Ethnic Standarts...].

В настоящее время жителей США спрашивают об их расовой и латиноамериканской / испанской этнической принадлежности в формате двух вопросов: сначала задают вопрос, имеют ли они латиноамериканское / испанское (*Hispanic*) происхождение (и, если да, то уточняют – мексиканское, пуэрториканское, кубинское или другое), затем просят отметить один или несколько пунктов для описания своей расы. Варианты включают белых (*white*), чернокожих (*black*), американских индейцев / уроженцев (Аляски *American Indian/Alaska Native*), а также категории национального происхождения: например, китайцев (*Chinese*), которые являются азиатами (*Asian*), или жителей Гавайев и тихоокеанских островов (*Hawaiian / Pacific Islander races*). Люди, заполняющие форму, могут также поставить галочку напротив пункта *Some other race* и ввести название этой расы. В инструкциях к форме отмечается, что принадлежность к испаноязычной / латиноамериканской группе не является расовой принадлежностью [Multiracial in America].

В США существует особая сенситивность к эксплицитному обозначению расы, в частности к таким табуированным лексемам, как *nigger* и *Negro*. Кроме того, не рекомендуется использовать имплицитное указание на расу, например, с помощью словосочетаний *inner city* (центр города = гетто) и *welfare queen* (досл. королева, живущая за счет благотворительности = чернокожая мать-одиночка, живущая на пособия) [Приводится по: Леонтович, 2021а], которые, на первый взгляд, не содержат указания на цвет кожи, но намекают на него, если принять во внимание фоновые знания:

<...> **“the welfare queen”** became a way to demonize black women <...>. – <...> «королева на социальном пособии» стала способом демонизации чернокожих женщин <...> (The New York Times, 2019.05).

Политически корректными словами для обозначения чернокожих, живущих в США (как правило, выходцев из Африки или потомков африканцев), стали лексемы *Black* и *Afro-American*:

*He knew virtually no **black people**. <...> Ms Osamor, who is **black**, is also claiming racial discrimination. <...> She added she was aware of the Lord Chancellor knowing very few **black people**, with a lawyer, Lincoln Crawford, a rare exception.* – Он практически не знал чернокожих людей. <...> Мисс Осамор, которая является чернокожей, также заявляет о расовой дискриминации. <...> Она добавила, что ей известно о том, что лорд-канцлер знаком с очень немногими чернокожими людьми; редким исключением является адвокат Линкольн Кроуфорд (The Guardian, 1990.03).

В свою очередь, в Великобритании, согласно «Краткому справочному руководству по отношению общественности к ненормативной лексике на телевидении и радио» (*Ipsos MORI Public attitudes to offensive language on TV and Radio: Quick Reference Guide 3*), регламентирующему общение в публичном дискурсе, существует ряд номинаций, применимых к небелому населению и характеризующихся крайней степенью неполиткорректности:

1) по цвету кожи – *darky, negro, nigger, spade, wog, jungle bunny*, например:

*A black man who needed clothing received a shirt' good enough for a **darky** to wear' while a black family low on provisions could have only the lowest grade of flour, "historian Grace Elizabeth Hale wrote in an essay published in "Jumpin' Jim Crow: Southern Politics from Civil War to Civil Rights".* – Чернокожий мужчина, нуждавшийся в одежде, получил рубашку, «достаточно хорошую, чтобы ее мог носить черный», в то время как чернокожая семья, испытывающая недостаток в провизии, могла получить только муку самого низкого сорта, – написала историк Грейс Элизабет Хейл в эссе, опубликованном в издании «Прыгающий Джим Кроу: политика Юга от гражданской войны к гражданским правам» (Virginian-Pilot, 2018.10);

2) по социальной функции – *nig-nog, half-caste, coon*:

Probably most damaging, from the Mail's point of view, is the assertion that the paper is racist. One young man said to have worked on the paper for a year is quoted as saying: "You'd often hear people using the word nigger or nig-nog." – Вероятно, самым разрушительным, с точки зрения газеты "The Mail", является утверждение о том, что она расистская. Цитируются слова одного молодого человека, который, по слухам, проработал в газете год: «Вы часто слышали, как люди употребляют слово "ниггер" или "ниг-ног"» (New Statesman, 2014);

3) по соотнесению с реалией – *golliwog / golly, Sambo, Uncle Tom:*

Then, in February this year, Thatcher gave a rare statement, comparing the BBC to the "Stasi" after his [Mark Thatcher] sister, Carol, was sacked for allegedly referring to a tennis player as a "golliwog". – Затем, в феврале этого года, Тэтчер сделал редкое заявление, сравнив Би-би-си со «Штази» после того, как его сестра Кэрол была уволена за то, что якобы назвала теннисиста «голливогом» (The Guardian, 3.11.2009).

Английский язык, стремящийся к инклюзивности, прибегает к трансформации наименований расовых групп в соответствии с потребностями общества. Так, например, *Oriental* было изменено на *Asian*. Слово *Orient* происходит от латинского слова *oriens*, что означает «восток». *Oriental* используется как прилагательное и пропагандирует колониализм, поскольку является устаревшим обозначением Юго-Восточной Азии и имеет евроцентричное происхождение. *Oriental* часто применяется для обозначения принадлежности к Восточной Азии, особенно Китаю, Японии и Корее. *Asian* относят к жителям Азии, их можно разделить на другие типы в зависимости от региона происхождения. В современной практике рекомендуется описывать другие культуры терминами, которые представители данных культур используют для описания самих себя. Таким образом говорящий демонстрирует уважение к другим культурам. Более приемлемый способ описать кого-либо – по стране его происхождения.

Английская номинация азиатов *yellow* (желтый) ассоциируется с дискриминацией по цвету кожи всех выходцев из Западной и Юго-Западной Азии. В качестве политически корректных обозначений используются номинации *Asian* как доминанта, а также названия, сформированные на основе наименования страны: *Chinese, Korean, Japanese* и др.:

<...> *the Trump administration and the **Chinese** are trying – without success, so far – to resolve a simmering trade conflict that has put hundreds of billions of Chinese exports to the United States under tariff.* – <...> администрация Трампа и Китайцы пытаются – пока безуспешно – разрешить тлеющий торговый конфликт, из-за которого сотни миллиардов китайского экспорта в Соединенные Штаты попали под действие таможенной пошлины. (OregonLive.com, 2019.01).

In Bradford just 2% of council tenants are Asian. – В Брэдфорде только 2% муниципальных арендаторов – азиаты (The Guardian, 2001.07).

Номинация *spic* считается неpolitкорректной по отношению к латиноамериканцам (долгое время *Hispanic* считали расой). Следующий пример показывает, как формируется бинарная оппозиция «хороший американец» и «плохой латиноамериканец»:

*What struck Flores was not the dressing-down, he recounted in his oral history, but the fact that, after years of being called a **spic**, a greaser and a wetback, for the first time in his life, he had been called an American.* – Что поразило Флореса, так это не выговор, о котором он рассказал в своих воспоминаниях, а тот факт, что после многих лет, когда его называли «латино», «кочегар» и «нелегал», впервые в жизни его назвали американцем (San Francisco Chronicle, 2007).

Лексика, употребляемая в отношении Флореса, наряду со *spic (a greaser and a wetback)*, отражает неpolitкорректное отношение к латиноамериканцам.

Наличие политкорректных или неpolitкорректных лексем в лингвокультуре напрямую зависит от релевантности понятия «раса» в

соответствующей стране. Для англоязычных стран раса имеет большее значение, чем для России и Китая.

Как мы показали в главе 1, в России традиционно принято использовать классификацию, включающую крупные расовые группы, в частности европеоидную, монголоидную и негроидную, что позволяет рассматривать расовую принадлежность по цвету кожи как «белую», «черную» и «желтую». Население РФ преимущественно представлено двумя типами рас – европеоидной и монголоидной, что обусловлено историческим развитием государства. В публичном дискурсе россияне чаще опираются на этническую, а не расовую дифференциацию.

В русском языке слово *негр* до сих пор не имеет негативной оценочности. Словари определяют его следующим образом: 1) люди, принадлежащие к негроидной расе; 2) (разг.) о бесправных, тяжело работающих людях; 3) (разг.) о загоревших людях [Большой толковый ...]. Однако глобализация, изучение английского языка в школах и вузах, распространенность англоязычной литературы и западных кинофильмов внесли свою лепту в концептуализацию расы, в результате чего произошла культурная интерференция: определенный круг носителей русского языка избегает этого слова.

Слово *чернокожий* также не имеет негативной оценочности: 1) имеющий черный или темный цвет кожи [Большой толковый ...], 2) принадлежащий к негроидной расе, с темной кожей [Ожегов].

К политически некорректным и социально неприемлемым относятся слова *черномазый*, *чернож**ый*, *обезьяна*. Например, прокуратура Санкт-Петербурга провела проверку сайта, где содержалось «пособие по уличному террору» для националистов:

Объекты атаки называются не иначе как «животное, косоглазая / черномазая обезьяна, урод, черномазый нарушитель Белого Порядка (Коммерсант, 2006.03).

Русские слова *желтый* и *желтокожий* применимы для номинации азиатов и не сопровождаются специальными пометами в словарях: *Люди с жёлтой кожей (о людях монголоидной расы)* [Большой толковый ...]; *желтокожий – с желтой кожей* [Там же]. Однако, по нашим наблюдениям, эти слова малоупотребимы, поскольку представленность людей азиатского происхождения в России очень велика; привычка к постоянному контакту с ними исключает необходимость эксплицитного или имплицитного обозначения их расы.

В Китае выделяют четыре биологические расы, основанные на физиологических характеристиках: 白色人种 (белая раса), 黄色人种 (желтая раса), 黑色人种 (черная раса) и 棕色人种 (коричневая раса). Кроме того, китайцы используют понятие 地理人种 (географическая раса), в рамках которого деление происходит по определенным общим чертам в генетике, сформировавшимся в результате географической изоляции в пределах континента. Принимая классификацию американского антрополога С. Гарна [Garn, 1965], китайцы считают следующие расы географическими: 亚洲地理人种 (азиатская географическая раса), 欧洲地理人种 (европейская географическая раса), 非洲地理人种 (африканская географическая раса), 美洲印第安地理人种 (географическая раса американских индейцев), 印度地理人种 (индийская географическая раса), 澳大利亚地理人种 (австралийская географическая раса), 美拉尼西亚地理人种 (меланезийская географическая раса), 密克罗尼西亚地理人种 (микронезийская географическая раса), 波利尼西亚地理人种 (полинезийская географическая раса).

Китайские наименования представителей негроидной расы: 黑人 (негр) и 黑脸 (досл. чернолицый, чернокожий) – не имеют пейоративной окраски. В качестве политически некорректной используется лексема 黑鬼 (черный черт), по аналогии с существующим в Китае этнофолизмом 日本鬼 (японский

черт). Однако, как и в России, данная коннотация является приобретенной, а не собственно китайской.

Китайское выражение 香蕉人 (человек-банан) образует свое значение за счет концептуализации человека через характеристику предмета – банана, фрукта, имеющего белую мякоть (внутреннее содержание) и желтую шкурку (внешнее содержание). Перенос этой характеристики на человека позволяет называть так представителя азиатского происхождения (=желтый снаружи), ассимилировавшегося в западную культуру или состоящего в браке с белым (=белый внутри). При этом данная фраза считается нейтральной и не имеет неполиткорректной коннотации.

Таким образом, можем сделать вывод о том, что в русской, китайской и англоязычных культурах раса интерпретируется по-разному. Понятие расовой идентичности более актуально для англоязычных культур, что обусловлено историей расовой дискриминации, а также более широкой представленностью разных рас в составе населения. В результате разной концептуализации понятия «раса» возникают межъязыковые и межкультурные сложности при соотнесении соответствующих политкорректных и неполиткорректных значений.

2.3.3. Средства вербализации этнической принадлежности

Способы выражения этнической составляющей в исследуемых языках в значительной степени зависят от репрезентации этнических групп и отношения к ним в социокультурном пространстве соответствующего государства.

В английском языке слова *outlander*, *foreigner* имеют общее значение (иностранец), при этом первое из них также соотносится со словом *outsider* (чужой, чужак), чем обусловлен хотя и не явный, но дискриминационный оттенок, отраженный в словарном определении: *a person who is not liked or*

accepted as a member of a particular group, organization, or society and who feels different from those people who are accepted as members («человек, который не признан в качестве участника некой группы, организации или общества, тот кто чувствует себя чужим среди людей, включенных в такую группу») [Cambridge Dictionary].

В русском языке, в свою очередь, слова *иностранец* / *чужестранец* / *иноземец*, согласно словарю Ожегова, являются синонимами и не имеют отрицательных коннотаций, несмотря на наличие семы «чужой» в лексеме «чужестранец». Здесь данная сема обозначает не враждебность, а инаковость представителя другой культуры [Кислякова, 2018].

В китайском языке для обозначения любого иностранца используется слово 外国佬 (иностранец). Однако есть некоторые противоречия, связанные с синонимией слов 外国人 (иностранец) и 老外 (иностранец). Согласно наблюдениям ученых, например [Кислюк], слово 老外 (иностранец – досл. префикс перед названиями уважаемых лиц + заграница) имеет сниженную коннотацию «неумеха, туповатый иностранец», несмотря на отсутствие данного оттенка в словарном значении лексемы [百度汉语; 知书词典]. Однако другие ученые, а также носители языка [Смирнов, Лю, 2014; “老外”; 中国人] придерживаются мнения, что ни 老外, ни 外国人 не несут в себе отрицательной оценки. Сегодня оба варианта все чаще встречаются в публичном дискурсе (например, в языке СМИ), особенно в разговорной речи, например: 外国人的中国年 | 到大鱼灯会闹元宵 (Китайский Новый год для иностранцев. На фестиваль фонарей Big Fish) (人民日报, 2023.02) .

Наряду с нейтральными лексемами, используемыми для обозначения этноса, в словарном составе каждого языка имеются этнофоллизмы – неполиткорректные слова и словосочетания, представляющие собой уничижительные номинации по признаку этничности, связанные с непростым характером отношений между странами, а также народами, проживающими на одной территории. В английском языке этнофоллизмами

для номинации белых американцев являются слова *gringo* (от названия песни *Green Grow the Lilacs*) и *yankee*. Например, в статье, описывающей политическое противостояние между временным президентом Венесуэлы Николасом Мадуро и музыкантом-оппозиционером Вилли Колоном из Бронкса, приводится следующая ситуация:

On Tuesday, he [Mr.Maduro] stood on a stage in Caracas and sang revolutionary songs with a group of musicians. “Gringo, go home!” he sang in one song. “Yankee, go home!” – Во вторник он [Г-н Мадуро] стоял на сцене в Каракасе и пел революционные песни с группой музыкантов. «Гринго, иди домой!» – пел он в одной песне. «Янки, иди домой!» (The New York Times, 2013.04)

В 2019 году в Венесуэле проходили митинги против отключения электроснабжения «империалистами-американцами», а также манифестирующие всестороннюю поддержку президента Николаса Мадуро народом: «*В том, что нет света, виноваты империалисты, гринго*», – заявил один из них (митингующих. – В. К.) (NEWSru.com, 2019.03).

В русском языке также используется заимствованная лексема *гринго* с идентичным значением: «(пренебр.) в Латинской Америке: прозвище белого иностранца, жителя Северной Америки» [Большой толковый ...].

Jap (сокращение от *Japanese*) используется как презрительное наименование японцев (япошка). По отношению к китайцам используется крайне грубый этнофолизм *chink*, образованный от топонима *China*. Также слово *chink* имеет значение «щель», что может указывать на узкий разрез глаз китайцев. Множество английских этнофолизмов относится к странам – бывшим колониям Великобритании, а также представителям европейского сообщества. В качестве примера можно привести этнофолизм *Cheese-eating surrender monkeys* (поедающие сыр обезьяны-капитулянты), основанный на стереотипном суждении о том, что французы быстро отступают в сражениях, а также считают сыр главным достоянием своей нации. В 2011 году вышла статья с критикой политики США и НАТО в отношении Ливии и

осуждением позиции Франции, настаивающей на нанесении ракетных ударов по Ливии, в связи с чем французы представлялись в негативном свете:

*The only European state pressing hard for air strikes in Libya is France, which has no bitter memories of foolish support for the invasion of Iraq because France opposed that invasion. Who's a **cheese-eating surrender monkey** now, eh?* – Единственное европейское государство, настаивающее на нанесении авиаударов по Ливии, – это Франция, у которой нет горьких воспоминаний о глупой поддержке вторжения в Ирак, потому что Франция выступала против этого вторжения. Кто теперь из нас обезьяна-капитулянт, поедающая сыр, а? (The Economist, 2011.03)

Примерами этнофолизмов об итальянцах являются слова *eyetie* и *goombah*. *Eyetie* (итальянец) произошло от неточного произношения слова *Italian* и получило широкое распространение в годы Второй мировой войны. Слово *Goombah* (от ит. *compare* – крестный отец) стали употреблять по отношению к мигрантам – членам итальянской мафии. В статье “The New York Times” 1991 года говорится об итало-американском драматурге г-не Греко, пытающемся преодолеть культурный разрыв между итальянскими мигрантами и американцами в США через театральное искусство:

*But if I get cast in a film as a **goombah** and have a hard time getting people to fund this, it'll be an interesting decision.* – Но если я получу роль мафиози в фильме и мне будет трудно убедить людей профинансировать его, это будет интересное решение (The New York Times, 1991.12).

Использование уничижительной неполиткорректной лексемы *goombah* в данном контексте демонстрирует проблемное поле во взаимодействии культур конца XX века.

С ношением специальных головных уборов связана пренебрежительная английская номинация *raghead* (досл. тряпичноголовый), употребляемая в зависимости от контекста по отношению к индийцам, арабам и цыганам.

Police downstairs guarded the entrance, serving as protection from those who might deliver on the death threats sent to the nonprofit's founder and

president, James Zogby. Raghead, they had said. I'll slit your throat. – Полиция внизу охраняла вход, служа защитой от тех, кто мог бы привести в исполнение угрозы убийством, направленные основателю и президенту некоммерческой организации Джеймсу Зогби. «Оборванец, – сказали они. – Я перережу тебе горло» (Washington Post, 2010.10).

Данный этнофолизм считается неpolitкорректным и активно исключается из речи. В британском варианте английского языка выходцев из Индии и Пакистана, в частности уборщиков-христиан, нередко называют довольно уничижительным термином *Chooray* по наименованию одной из низших каст.

Хотелось бы особо отметить, что общее историческое прошлое не всегда является обязательным условием для формирования в языке политически корректных или некорректных значений. В английском языке с этнической номинацией *Mongol / Mongoloid* также связан негативный опыт употребления данного слова для обозначения людей с синдромом Дауна. Исторически эта лексема была связана с проведенным Дж. Л. Дауном исследованием *Observations on an Ethnic Classification of Idiots* («Наблюдение за этнической классификацией идиотов»), в котором автор писал, что большинство его пациентов, «врожденных идиотов – типичные монголы» (*congenital idiots are typical Mongols*) [Down, 1866]. Начиная с 1965 года, данное слово было исключено из публичного дискурса, в словарных статьях сопровождается пометой *offensive* (оскорбительное), а сокращение *mong* считается еще более неприемлемым.

В русском языке, несмотря на непростые исторические ассоциации с татаро-монголами, нет пейоративного оттенка в слове *монгол* – это нейтральная номинация человека, представляющего основное население Монголии. Лексема *монголоид* является не только нейтральной номинацией для любого представителя монголоидной расы, но и жаргонизмом для описания «недоразвитого, тупого человека» [Словарь русского арго ...], которая, однако, не табуируется. Кроме того,

С другой стороны, существует большое количество этнофолизмов, связанных с народами современной Российской Федерации и бывшего Советского Союза. Самыми распространенными среди них являются неpolitкорректные этнофолизмы *украп* (украинец), *жид* (еврей), *азер* (азербайджанец), *азербот* (азербайджанец), *чурка* (азиат или кавказец) и др. В следующем примере, описывающем жизнь города Уссурийска после смерти девочки, попавшей в секту, отрицательная оценочность выражена не только непосредственно лексемами *чурка* и *азер*, но и словом *стремно* (жарг. неприятно, неудобно, некомфортно), а также противопоставлением своих и чужих (*вместо российского флага свой нашивает*):

Не хочу, чтобы в нашей команде был чурка, мне стремно будет. Я буду в него стрелять! – Если ребята потянутся, мы не можем запретить – пусть играют. У меня в чем идея: пришел азер, пусть вместо российского флага свой нашивает на рукав (Новая газета, 2016.07).

В русском языке слово *индус* не закреплено в словарях как уничижительное, более того, оно имеет как устаревшее значение «индиец», так и современное – «последователь индуизма». Однако нередко можно встретить употребление этого слова в негативном контексте:

Хорошо, если попадет это несчастное «я» в другого человека и заживет там своей жизнью, а вдруг это будет негр, или китаец, или индус? (А. Тахо-Годи. [Приводится по: Национальный корпус ...]).

В русском языке также существует лексема *япошка* со словарной пометой «грубое, разговорно-сниженное» [Словарь-тезаурус ...], однако без столь инвективной коннотации, как вышеупомянутое китайское 小日本/日本鬼子 (*япошка*). Сниженную окраску имеет и слово *китаёза*, которое продолжает существовать в публичном дискурсе. В статье «Русская культура противится политкорректности» автор ссылается на то, что, несмотря на осознание уничижительности некоторых высказываний, носители русского языка продолжают использовать те или иные этнофолизмы:

Мы не скажем в лицо американцу, что он америкаш, и китайцу не скажем, что он китаёза. Но в разговоре между собой мы эти слова употребляем (Известия, 2003.05).

Помет, указывающих на сниженность лексики, в толковых словарях не имеет и слово *узкоглазый*, указывающее на физиологическую особенность азиатов – разрез глаз, в отличие от заимствованного слова *гук* (от англ. *gook*), обозначающего «болвана или деревенщину» и применимого ко всем азиатам, особенно в компьютерно-игровом дискурсе.

В китайском языке степень политической (не)корректности этнонимов регулируется историческим взаимодействием культур. Китай и Монголию связывает богатое историческое прошлое, в котором много периодов как хороших, так и напряженных отношений. Китайцы называют Монголию 外蒙古 (Внешняя Монголия), таким образом акцентируя внимание на ее обособленности и отличии от автономного округа КНР 内蒙古 (Внутренняя Монголия). Китайский язык пополнился некоторыми пейоративными номинациями, которые были заимствованы у монголов, называющих китайцев 胡扎 (досл. безрассудный + травмировать) или 伙计 (торговец, приятель). Этимология слова 胡扎 восходит к 伙计 из шаньсийского диалекта. Значения частей лексемы не содержат в себе отрицательных компонентов, однако пейоративная окраска формируется за счет исторического контекста, согласно которому во времена правления династии Цин монголы находились в униженном положении, поэтому ханьцы в провинциях Шаньси и Хэбэй в Китае часто издевались над ними. В результате появилось используемое сегодня описание народа хань: 胡扎 – 无恶不作 (нет такого зла / преступления), на которое бы [он] не пошёл) [曾属中国统治的蒙古国]. Вторая лексема 伙计 зародилась в контексте торговых отношений, когда монголы стали применять данное слово к нечестным ханьским торговцам, покупавшим у монголов хороший мех по низким ценам. Отметим, что соотносящийся с данной лексемой и образованный от нее с помощью

фонетического заимствования русскоязычный устаревший этноним *ходя*, известный на Дальнем Востоке, не имеет явно пейоративной коннотации [Забияко, 2020, с. 139]. Оба этнофолизма табуируются в речи современных китайцев, поскольку носят оскорбительный характер.

Для обозначения монголов в китайском языке существовал этнофолизм 臊鞑子 (досл. дурной монгол), выражавший презрение к ним и другим северным кочевникам [百度百科], однако сейчас он вышел из употребления. В конце XIX века Китай потерпел поражение в Первой японо-китайской войне. Японцы направили большое число северокорейцев сражаться на своей стороне, что спровоцировало у китайского народа ненависть к Корее, в результате чего в языке закрепились номинация 高丽棒子 (корейская дубина, досл. палки из Корё), появившаяся еще во времена династии Цин. Этнофолизм 阿三 / 印度阿三 (индус) возник в Шанхае, в британском поселении, где индийцы (сикхи) служили в качестве «мелких» полицейских. Изначально их называли 红头阿三 (досл. красноголовый асан), что считалось очень грубым обращением и было связано с ношением на голове красных дастаров, а также с созвучием слова 阿三 с часто повторяемой индусами фразой *I said...* [百度百科]. Для номинации всех американцев используется лексема 美国佬 (досл. Америка + суф. со значением «человек» с пренебрежительным оттенком). Согласно «Большому китайско-русскому словарю» данную лексему можно перевести на русский язык как *янки* или *пиндос*. Первое значение имеет помету «разг.», то есть об инвективности речь не идет. Вторая, напротив, является пейоративным этнофолизмом [Ашкинази, 2009].

Для русских на юге Китая, особенно в Гуандуне, существовал этнофолизм 蕃鬼 (досл. демон с буйной растительностью), который сейчас устарел и вышел из употребления. Номинация 战斗民族 (боевая нация) также закрепились в китайском языке по отношению к русским, однако не имеет негативной коннотации и зафиксирована в словаре с пометой «образно».

Китайцы считают, что русские обладают волевым характером и патриотизмом, что вынуждает их вступать в сражения ради своего блага:

俄罗斯民族在历史上经常受欺负，俄罗斯人普遍有爱国主义情怀，在受到侵略时奋起反抗。 – В истории русская нация часто подвергалась издевательствам, и русские, как правило, испытывают патриотические чувства и поднимаются на борьбу, когда на них нападают [百度百科].

Таким образом, в современном китайском языке не были обнаружены пейоративные выражения, обозначающие русских.

Общее историческое прошлое объединяет не только государства, граничащие друг с другом, но и проживающие на одной территории народы, в связи с чем у китайцев существуют общие наименования для национальностей северной и южной частей Китая. Грубым термином, выражающим презрение к северным народам, а также местным жителям, которые говорят с иностранным акцентом, или чужакам, считается словосочетание 北方侏子 (северное чучело). В свою очередь, северяне обозначают южных жителей пейоративом 南蛮子 (южные варвары). Оба термина сформировались в эпоху войн династии Южная Сун (1127–1279), однако до сих пор используются в китайском языке. Отметим, что данные словосочетания затрагивают не только этническую принадлежность – в еще большей степени здесь реализуется дискриминация по территориальной принадлежности.

Этнофолизмы представляют собой основу неполиткорректной лексики, относящейся к этнической идентичности. Ключевой признак, заключенный в семантике этнофолизма, возникает на основе сложных исторических коннотаций или особенностей культурного взаимодействия, чем обусловлены различия во взаимовосприятии представителей различных этнических групп.

2.3.4. Средства вербализации возрастной идентичности

Возрастная идентичность является еще одним семантическим признаком, по которому формируются политкорректные и неполиткорректные значения и смыслы. В параграфе рассматриваются культурно-маркированные средства вербализации возраста в английском, русском и китайском языках.

Традиционные идентификаторы возраста, такие как *old* (старый) или *elderly* (пожилой) в современном английском входят в категорию неполиткорректных слов. Альтернативой являются слова *older*, *golden ager* (переживающий золотой век / золотые годы), *senior* (пожилой) или *third age* (третий возраст).

*For many, the **third age** between retirement and the onset of degenerative ageing processes is a period filled with new activities and personal fulfilment.* – Для многих третий возраст между выходом на пенсию и началом дегенеративных процессов старения – это период, наполненный новыми видами деятельности и личной самореализацией (The Guardian, 2015. 09).

В следующем примере речь идет о сопоставлении Барака Обамы с Джоном Кеннеди; при этом пейоративное значение слова *geezer* особенно ощутимо в контексте того, что речь идет о президентах Америки, что должно было бы требовать хотя бы некоторой степени толерантности:

*But he [Kennedy] was not yet 40 years old, making Obama, already 45, a **geezer** by comparison.* – Но ему [Кеннеди] еще не было 40 лет, что делает Обаму, которому уже 45, старикашкой по сравнению с ним (The Guardian, 2007.07).

В интервью актрисы Регины Кинг лексема *geezer* подкрепляется неполиткорректным словом *old*, что отрицательно характеризует ее взаимодействие с Крисом Роком во время съемок фильма: *<...> we definitely just always had to keep in mind that he was this **old geezer*** (*<...> мы всегда должны были помнить про этого старого придурка*) (The Guardian, 2001.06).

В русской культуре противостоят устои прошлого, предполагающие почтение к возрасту, и модные заимствованные тенденции. С одной стороны, русский язык насыщен вежливыми формами выражения возрастной идентичности, например, обращением к старшим на «Вы» и по имени-отчеству или умалчиванием возраста по отношению к женщинам. Однако он также изобилует неполиткорректными словами с явной негативной коннотацией, такими как *старая кошёлка*, *старый пердун* / *старпёр*, *престарелый*, *древний*, *старый маразматик* и т. д. Так, в одной из статей, комментирующих состояние рынка недвижимости и платежеспособность населения, один из экспертов пишет:

*Посыл такой: студент смог, а ты, **старпёр** 30-летний, все сидишь на одном месте ровно* (Lenta.ru, 2019.06).

В одном из постов социальной сети *ВКонтакте* была рассказана незатейливая история появления серии книг «Сумерки», в которой ее автор Стефани Майер была охарактеризована в стиле эйджизма (орфография и пунктуация поста сохранены. – В. К.):

*Как-то раз в редакцию пришла **старая кашёлка** и с умным и довольным видом представила главному тираграфу рукопись объёмом в четыре тома. – о чём это? – спросил редактор. – это невероятно трогательная и красивая история любви в стиле «Унесённых ветром»* ответила Майер (ВКонтакте, 2011.11).

Когда в 2005 году в Ватикане скончался Папа Римский, журналисты неоднозначно высказывались об идее прямого включения с места событий:

*Когда много лет умирал Леонид Ильич Брежнев, на Западе над ним все издевались: вот он, **старый маразматик**, ничего не может и не понимает. А когда восемь лет на наших глазах угасал папа, пребывал в глубочайшем маразме, мир скорбел, его любил. А почему Брежнева не любили? Он ведь был ровно в такой же ситуации* (Известия, 2005.04).

В данном примере неpolitкорректное словосочетание *старый маразматик* акцентирует не только сему возраста через лексему *старый*, но и сему умственных способностей – *маразматик*.

В Китае отношение к возрасту во многом зависит от лингвокультурного феномена, обозначаемого лексемой 忠孝 (сыновняя почтительность) и формирующего уважительное и преданное отношение к родителям и государю, олицетворяющим старшее поколение. В 1996 году в КНР был введен «Закон о защите прав и интересов пожилых людей» (老年人权益保障法), который обязывает детей заботиться о своих пожилых (60+) родителях, в том числе обеспечивать их жильем, нести расходы за их проживание и медицинское обслуживание. Ст. 4 этого закона запрещает дискриминацию пожилых людей, жестокое обращение с ними и отказ от них [Lary, 2002].

Однако, несмотря на почитание в китайском обществе старшего поколения, в китайском языке существует неpolitкорректная лексика, подчеркивающая возрастную принадлежность. Выражение 老不死的 (досл. старый никак не сохнет) считается уничижительным и может быть использовано по отношению к пожилым людям в нескольких случаях: во-первых, когда люди просто ненавидят стариков и прямо выражают это; во-вторых, когда человек не сделал в жизни ничего хорошего и слывет нахлебником, отравляющим жизнь окружающих; в-третьих, как неуважительное обращение к высокопоставленному лицу, которого человек презирает, например:

这老不死的太不像话了，等回去再跟他算帐！ – Этот старый пердун настолько возмутителен, что я сведу с ним счеты, когда вернусь!

Кроме самой фразы, негативное отношение в данном примере выражено такими словами, как 不像话了 (возмутителен) и 算帐 (свести счеты).

В китайском языке слово 老货 (старикан) тоже является оскорбительным:

好个讨厌的老货! – Какой противный старик! (CCL, 当代, 报刊, 读书, vol. 158).

Употреблять это выражение по отношению к людям старшего возраста крайне нежелательно.

Наряду со старшим поколением, но в значительно меньшей степени, объектом дискриминации могут становиться дети и молодежь, примером чего в английском языке служат фразы: *when you grow up, you will realize* (вырастешь – поймешь), *you're too small for this* (ты слишком мал для этого). В русском и китайском языках также встречаются подобные фразы: *вырастешь – поймешь; ты еще маленький; делай, что взрослые говорят; 大人的事少插嘴* (не перебивай, когда взрослые говорят); *你现在不理解, 以后你就明白了* (вырастешь – поймешь); *没有为什么* (не почему) в ответ на детские вопросы *为什么* (почему).

Таким образом, репрезентация возраста в культурах напрямую связана с социальным положением возрастных групп. В английском языке возрастная идентичность представлена широким спектром как политкорректной, так и неполиткорректной лексики. В китайском языке наблюдается бóльшая степень политкорректности в связи со значимостью превалирующего в Китае феномена «сыновней почтительности». В русском языке существует большое количество как политкорректных, так и неполиткорректных средств, вербализующих возрастную идентичность.

2.3.5. Средства вербализации физиологической идентичности

В данном параграфе проанализированы политкорректные и неполиткорректные средства обозначения физиологической идентичности.

Как уже отмечалось ранее, под физиологической идентичностью понимается совокупность внешних характеристик, физиологических состояний (врожденных и приобретенных), а также умственных и физических способностей человека, связанных с состоянием его здоровья.

Физиологическая идентичность может характеризоваться в соответствии с расой, например, англ. *slant-eye / slant* (с раскосыми глазами), рус. *косоглазый* или уже рассмотренное нами ранее кит. 香蕉人 (человек-банан), описывающее человека через сравнение с предметом – бананом, имеющим белую мякоть (внутреннее содержание) и желтую шкурку (внешнее содержание). Первые два выражения являются политически некорректными, в то время как третье не считается обидным.

Большое количество слов в трех языках используется для описания внешности человека, как красивой, так и непривлекательной. Если первые могут использоваться в качестве комплимента, то вторые воспринимаются как нарушение личного пространства собеседника, например, *пышка*, *толстуха* или *глиста в скафандре*. Последнее выражение обозначает высокую, худую, некрасивую девушку [Большой словарь...] на основе переносного значения слов *глиста* и *скафандр*, в котором она выглядит еще более тощей. Женский грамматический род слова *глиста* добавляет дополнительный гендерный компонент. В следующем примере употребляется неpolitкорректное слово *шпала*, обозначающее высокого и худого человека):

Ветеран Тодд Бертуцци – просто монстр, защитник Джонатан Эрикссон – двухметровая шпала <...>. С другой стороны идут потренировавшиеся «блюзмены» – такие же гренадеры (Советский спорт, 2009.10).

Наши наблюдения за устной речью китайцев показывают, что они не стесняются в выражениях, когда говорят о чьей-то внешности, иногда даже не подозревая, что могут задеть чьи-то чувства. Например, в китайском языке есть такие выражения: 坦克 (танк, амбал), 歪瓜裂枣 (досл. кривые арбузы и

треснутые финики / «ни кожи, ни рожи»), 狐狸精 (обольстительница), «头发长, 见识短» («волос долог, да ум короток»), которые применяются для описания особенностей внешности или умственных способностей.

Значительная часть неpolitкорректной лексики этого типа в трех анализируемых языках относится к людям с ограниченными возможностями здоровья, например, англ. *cripple, invalid*, рус. *калека*. В Китае некоторые СМИ неосознанно продолжают использовать неpolitкорректные термины 残废 (инвалид), 瞎子 (слепой), 疯子 (сумасшедший / помешанный), которые дискриминируют и оскорбляют достоинство людей с ограниченными возможностями здоровья. Например, такие заголовки, как 投诉电话岂能成为“聋子耳朵” (Телефоны горячей линии для жалоб могут остаться «глухими»), являются метафорическими, однако указывают на реальные физиологические проблемы, что может спровоцировать неприятные чувства у испытывающих их людей. В 2021 году инвалидность по слуху и речепроизводству в Китае заняла первое место (20,57 млн. человек) среди пяти основных видов инвалидности, таких как инвалидность по зрению, физическим возможностям и умственной отсталости [中国聋哑人].

Психологические и умственные особенности человека, связанные с состоянием здоровья, влияют на уровень его социализации в обществе. Например, неприемлемым считается называть кого-либо *идиотом* / *idiot* / 笨蛋, если человек обладает низким уровнем интеллекта.

Согласно «Краткому справочному руководству по отношению общественности к ненормативной лексике на телевидении и радио» [Ipsos MORI ...] к крайне оскорбительным английским лексемам, требующим четкого и убедительного контекстуального обоснования, относят слова *mong* (даун), *retard* (умственно отсталый), *schizo* (шизо, шизик), *spastic* (паралитик, ДЦПшник), *window licker* (идиот).

В одном из модных глянцевого журналов даются негативные характеристики, связанные с лексемой *schizo*:

*That's a typical route to a chaotic closet and **schizo** look: ill-matched, poorly made clothes.* – Это типичный путь к хаотичному гардеробу и шизоидному образу: плохо подобранная, некачественно сшитая одежда (Mens Health, 2000.09).

Контекст использования слова *schizo* показывает, что, по мнению автора, людям, страдающим шизофренией, должна обязательно сопутствовать неряшливая внешность. Однако встречаются и противоположные контексты, как в статье, где рассказывается об актрисе, сыгравшей одну из ролей в премьерной комедии:

*Between it all – singing, acting, and traveling around the world – there's scarcely time left to catch her breath. But that suits her just fine. “You can really only enjoy life when you're extremely busy,” she says. “Maybe that's why my style is so **schizo**. I just need a nap!”* – Между всем этим – пением, актерской игрой и путешествиями по миру – у нее едва остается время перевести дух. Но это ее вполне устраивает. «По-настоящему наслаждаться жизнью можно только тогда, когда ты чрезвычайно занят, – говорит она. – Может быть, именно поэтому мой стиль такой шизоидный. Мне просто нужно вздремнуть!» (Harpers Bazaar, 2011.02).

В русском языке к слову «шизик» или «шизоид» нет однозначного отношения, поскольку оно полисеманлично и может употребляться по отношению как к человеку, больному шизофренией, так и к веселому чудаку. В статье о природе гениев автор описывает неоднозначный характер данной лексемы:

Говорят, что все гении сумасшедшие. И это так! Потому что высокая одаренность – это всегда отклонения в строении мозга и в психическом развитии. «Шизоид», «шизик» воспринимаются нами как обидные, грубые слова, как своеобразный приговор. С одной стороны, это, действительно, диагноз. Но, с другой <...> почему же?! Ведь есть же люди нестандартные, необычные, чудачки в хорошем смысле слова (Аргументы и факты, 2005.04).

В другой статье на тему психических болезней автор пишет о негативном влиянии уничижительной лексики:

*А у нас ведь даже газеты пишут в заголовках: <...> Оказался **психом**. Слово **псих** всегда и везде. А **шизик** так вообще считается смешным словом... Но ведь мы не смеемся над больными раком? Так почему слово **псих**, **шизик** в обиходе как прикольное и одновременно оскорбление? Ну давайте смеяться: Хаха, да он какой-то онкобольной (Комсомольская правда, 2012.12).*

Оба примера подтверждают, что слова «шизик» и «шизоид» могут иметь разные коннотации. При этом есть противники употребления в речи данных слов, а есть те, кто считает их нейтральными или даже выражающими положительную оценочность.

Китайские исследователи, в свою очередь, отдают себе отчет в том, что использование слова 残废 (инвалид) следовало бы отменить и вслед за англоязычной традицией использовать более нейтральную фразу 特殊才能人 (человек с особым талантом), отражающую равенство и уважение, однако в действительности до распространения такой практики в китайском публичном дискурсе еще далеко.

Подводя итог, отметим, что в английском языке применяется широкий спектр языковых средств, обозначающих как позитивное, так и негативное отношение к умственным и физическим способностям человека. Большое влияние на формирование политкорректного дискурса в этой области оказывает практика социальной поддержки людей с ОВЗ, что находит отражение в языке. Русский язык насыщен большим количеством неполиткорректной лексики, относящейся к физиологической идентичности, однако также существуют лексические и грамматические средства формирования политкорректных значений. В китайском языке имеется понимание необходимости исключения некоторых инвективных лексем, продуцирующих указание на умственные и физические возможности, однако

языковые практики, способствующие этому, пока не получили широкого распространения.

2.4. Коммуникативные практики, связанные с политической корректностью

Под коммуникативной практикой в данном исследовании, вслед за Т.В. Серищевой, мы понимаем «комплекс устойчивых символических форм и практических действий, сложившихся в обществе в данный исторический период, которые формируют информационно-коммуникативную среду и создают характерные особенности культурного взаимодействия» [Серищева, 2011]. В настоящем параграфе мы ставим перед собой задачу рассмотреть взаимосвязь политической корректности с рядом коммуникативных практик, а также их влияние друг на друга.

Как показывает анализ материала, коммуникативные практики бывают двух типов: одни направлены на сохранение и продвижение идей политической корректности; другие, наоборот, становятся источником неполиткорректного поведения. В следующих параграфах рассмотрим каждую из групп с учетом их характерных особенностей.

2.4.1. Коммуникативные практики нарушения политической корректности: «язык вражды» и лингвокультурная апроприация

«Я з ы к в р а ж д ы» (*hate speech*), также называемый риторикой ненависти, включает лексические средства выражения резко отрицательного отношения собеседников – носителей разных систем «религиозных, национальных, культурных или более специфических, субкультурных ценностей. Это явление может выступать как форма проявления расизма,

ксенофобии, межнациональной вражды и нетерпимости, гомофобии, а также сексизма» [Денисова]. Другими словами, подразумевается проявление в коммуникации отрицательного отношения к представителям той или иной социальной общности по определенному признаку идентичности (раса, этнос, пол, гендер, возраст и др.). Таким образом, «язык вражды», будучи носителем негативных смыслов, выраженных как эксплицитно, с помощью неполиткорректной лексики, так и имплицитно, с опорой на скрытые коннотации, является противоположностью инклюзивного языка.

В мировой правовой системе нет единого официально принятого термина, определяющего понятие *hate speech* («язык ненависти») [Mullen, Leader, 2005; Walker, 1994]. Организация Объединенных Наций (ООН) трактует его как коммуникацию в любой ее форме (вербальной или невербальной, устной или письменной), характеризующуюся враждебностью и уничижительными, дискриминирующими формулировками, основанными на одном или нескольких аспектах идентичности, и осуществляемую в отношении индивидуума или группы лиц. Согласно данным ООН «язык вражды»: 1) использует любые вербальные и невербальные средства (слова, изображения, карикатуры, мемы, предметы, жесты и символы) и способы (онлайн и офлайн); 2) носит «дискриминационный» или «уничижительный» характер; 3) указывает на реальные или предполагаемые параметры идентичности человека или группы людей.

«Язык ненависти» обращен к отдельным людям или группам людей, но не к государству и его учреждениям, символам или государственным должностным лицам, религиозным лидерам или догматам веры [Язык ненависти]. Социальные сети, выступающие как инструменты свободы слова, становятся площадкой для динамичного распространения риторики ненависти. В связи с этим возникает вопрос: на каком этапе вред от языка ненависти и неполиткорректных высказываний становится настолько высоким, что может оправдать ограничение свободы слова и цензурирование содержания публикаций? Согласно заявлению генерального секретаря ООН Антониу Гуттериша «за

последние 75 лет риторика ненависти предшествовала тягчайшим преступлениям, включая геноцид, совершенным в разных странах – от Руанды до Боснии и Камбоджи» [Там же].

Риторика ненависти мы наблюдаем и в русофобии, охватившей весь западный мир в период проведения СВО. С точки зрения исторической обоснованности, причины такого явления в разных странах могут быть различными. Однако ее проявления в основном сводятся к уничижительным высказываниям в адрес русских или полному запрету на использование слов, олицетворяющих Россию. Например, в 2016 году в украинском городе Тернополь запретили использовать слова *Россия* и *Москва*.

Примером «языка ненависти» может служить высказывание верховного представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности Жозепа Борреля, противопоставившего Евросоюз, который он сравнил с садом, остальному миру («джунглям»):

Most of the rest of the world is a jungle, and the jungle could invade the garden. The gardeners should take care of it, but they will not protect the garden by building walls...if we don't want the jungle to eat our garden, we have to wake up. – Большая часть остального мира – это джунгли, и джунгли могут вторгнуться в сад. Садовники должны заботиться об этом, но они не защитят сад, возводя стены <...> если мы не хотим, чтобы джунгли съели наш сад, мы должны проснуться.

Риторика ненависти в словах Борреля выражается в противопоставлении стран ЕС (цивилизованных, развитых, процветающих) остальным странам (неотесанным, неразвитым и угнетенным).

«Язык ненависти» становится практикой неполиткорректного поведения, направленного на разжигание розни по различным параметрам идентичности: в первую очередь расовой, этнической, гендерной, возрастной или физиологической.

Лингвокультурная апроприация в контексте межкультурного взаимодействия относится к практике заимствования

элементов чужой культуры (обычно этнического меньшинства), не получившего одобрения со стороны представителей этой культуры. С точки зрения ученых, она становится способом создания третьей культуры на стыке контактирующих культур [Rogers, 2006]. Маргинализируемые группы нередко высказывают претензии относительно того, что доминирующая группа присваивает лингвокультурные элементы их культуры [Cultural Appropriation ..., 2018; Rogers, 2006].

В Соединенных Штатах бытует мнение, что, поскольку «белая» культура является главенствующей, она не может быть присвоена представителями меньшинств. При этом ссылаются на метафору «плавильного котла» (*melting pot*), когда все брошенные в него элементы инородных культур становятся однородными за счет культурной апроприации. В результате малые этнические или социальные группы считают себя притесняемыми: «белая» культура искореняет культурное разнообразие групп, проживающих на территории страны (темнокожих, мексиканцев, коренных индейцев и других народов). Сторонники этой точки зрения утверждают, что с конца XVI века белые американцы присваивали некоторые составляющие афроамериканской идентичности, такие как, например, темная кожа, при этом считая афроамериканцев людьми второго сорта.

Стереотипизация образов темнокожих нашла выражение в формировании популярной городской культуры, которую белые американцы стали считать своей: *blackface* («черное лицо») и *minstrels* (шоу менестрелей). *Blackface* является разновидностью театрального грима, популярного в США в XVI веке, который применялся в том числе в менестрель-шоу – форме театральной постановки, показывающей стереотипных чернокожих недалекими, ленивыми, трусливыми и суеверными. В результате в американском варианте английского языка появились такие этнофолизмы, как *happy-go-lucky darky on the plantation* (беспечный негритос на плантации) и *dandified coon* (черный денди) [Erenberg, 1984]. Апологеты этой идеи также

заявляют, что в начале XX века апроприации подверглись и другие достояния культуры афроамериканцев, например, джаз, рэп, а в XXI веке стали говорить о лингвистической апроприации.

С точки зрения лингвистики, под апроприацией понимается «тип сложного лингвокультурного заимствования, которое включает в себя “кражу” языкового “капитала” какого-либо специфического лингвоэтнического меньшинства доминирующей нацией», что «нередко влечет за собой искажение оригинального значения заимствованных элементов» [Себряк, 2019]. Как правило, такие присвоения происходят с подачи личностей, имеющих влияние на широкую общественность – журналистов, писателей, инфлюэнсеров и др. [Hill, 2008, p.158–159], и несут в себе изменение семантики слова в языке-доноре.

Предметом обсуждения в США в настоящее время является «присвоение» английским языком элементов афроамериканского варианта английского языка – *AAVE (Afro-American Vernacular English)* или, как его еще называют, *Black English*, например, слова *wigger (wigger)*, образованного от *white nigger* и обозначающего белого, копирующего в манерах и внешнем виде стиль темнокожего. Термин широко распространился в кругах подражателей рэп-культуры, выйдя за пределы США, и даже стал использоваться в русскоязычной музыке: «называй меня “wigger”», «каждый мой братик зовёт меня: “My wigger”» [Lil Morty ...].

Еще одним примером лингвистической апроприации считают слово *yas / yaaaassss*, возникшее в конце XX века в квир-сообществе преимущественно афроамериканской и латиноамериканской культур, популяризированное в мемах в начале XXI века и используемое как более эмоциональная форма слова *yes* [Amatulli]. Термин использовался во время выступлений трансвеститов для выражения ободрения и поддержки и существует по сей день, вызывая множество споров в отношении правомерности такой апроприации. В 2021 году от этого слова образовался глагол *yassify*, имеющий два значения: 1) «применять несколько фильтров

красоты к изображению с помощью приложения для редактирования фотографий, такого как FaceApp, пока объект не станет почти неузнаваемым»; 2) «сделать что-то или кого-то более женственным» [Urban Dictionary].

Американская знаменитость Ким Кардашьян разместила фото с африканскими косами, которые назвала «косичками Бо Дерек» в честь прически киноактрисы 70-х годов XX века. Однако афроамериканские подписчики возмутились данным фактом, обосновывая свою позицию тем, что культура дредов имеет гораздо большее социально-историческое значение, поэтому упоминание их в связи с малоизвестной голливудской актрисой оскорбительно [РБК].

В России лингвокультурная апроприация существует, как и на Западе, однако коллективное мировосприятие окружающей действительности нашими соотечественниками не всегда позволяет заметить данный факт. Например, в Плесе был открыт модный ресторан, в котором один из гастрономических сетов носил название «Бурлаки». Отметим, что бурлаками на Руси называли крепостных крестьян, тянувших корабли против течения реки. Кроме того, на открытии заведения гости были в рубашках, подобных традиционным костюмам крестьян, а на обложках меню вышили надпись «Отпустите нас» [Культурная апроприация ...]. В результате попытка проявить уважение к русской культуре получилась спорной.

Китай также известен своей нетерпимостью к лингвокультурной апроприации, и чаще всего под критику попадает модная индустрия, которая пытается переосмыслить традиционный китайский стиль. За последние пять лет с таким противостоянием со стороны Китая столкнулись крупные западные бренды *Dolce&Gabbana*, *Dior*, *Versace* и др. [Похищение «лошадиной морды» ...]. Например, рекламу *Dolce&Gabbana* отменили на территории КНР, поскольку основным атрибутом ролика были палочки для еды, отношение к которым у китайцев особенно трепетное. Существует

определенный этикет обращения с палочками, согласно которому, например, нельзя вставлять их в блюдо, они обязательно должны лежать.

Из вышесказанного можно заключить, что лингвокультурная апроприация позиционируется представителями ряда социокультурных групп, в особенности расовых и этнических меньшинств, как нежелательное заимствование вербальных и невербальных элементов их культуры мажоритарными группами, в особенности белым населением Европы и США, в связи с чем может трактоваться как практика, нарушающая нормы политкорректности.

2.4.2. Коммуникативные практики продвижения политической корректности: «вокизм», ограничение свободы слова, цензура, «культура отмены»

Практикам, нарушающим нормы политической корректности, противопоставлены другие, которые, напротив, направлены на соблюдение и продвижение этих норм. Рассмотрим их подробнее.

«В о к и з м». Этим словом (от англ. *wokeism*) называют коммуникативную практику, имеющую непосредственное отношение к политической корректности через соотношение с культурным марксизмом. Согласно словарю “Collins” термин понимается как *the behaviour and attitudes of people who are sensitive to social and political injustice* («поведение и отношение людей, чувствительных к социальной и политической несправедливости») [Collins English Dictionary], то есть целенаправленная деятельность людей по удовлетворению потребности в справедливости. В другом словаре *wokeism* трактуется как *promotion of liberal progressive ideology and policy as an expression of sensitivity to systemic injustices and prejudices* («продвижение либерально-прогрессивной идеологии и политики как выражение чувствительности к системной несправедливости и

предвзвешенности») [Dictionary.com]. В данном определении интерес представляют слова *'liberal progressive ideology'* и *'systemic injustices and prejudices'*, которые демонстрируют статус «вокизма» уже не как человеческой потребности, а как политической системы.

“Cambridge Dictionary” определяет термин *wokeism* через синонимию со словом *wokery*, а именно как *a way of referring to the acts and opinions of people who are especially aware of social problems such as racism and inequality, used by people who do not approve of these acts and opinions* («термин для обозначения действий и мнений людей, осознающих социальные проблемы, такие как расизм и неравенство, используемый людьми, не одобряющими эти действия и мнения»). Оба слова происходят от *woke*, прошедшего времени слова *wake* (пробуждаться), использовавшегося в словосочетании *stay woke* (быть вовлечённым) еще с конца 1960-х годов [Caldera; Reynolds, 2020].

Термин *wokeism* в конце XX века существовал как просторечие, употребляемое в кругах активистов, борющихся за права меньшинств. В научной сфере его стали использовать после 2014 года в связи с широкой распространенностью в публичном дискурсе, что было связано с новостными сообщениями о гибели в США 18-летнего чернокожего подростка М. Брауна. Кроме того, существует ряд однокоренных терминов, которые обозначают данное явление и встречаются в дискурсе: *woke*, *wokeism*, *wokeness*, *woke culture*.

Согласно исследованию А.Ф. Фефелова «вокизм» представляет собой марксистское движение активистов, желающих покончить с расизмом и социальной несправедливостью. Однако он утверждает, что это движение «превратилось в культ и стремится заткнуть рот всем, кто не согласен с ними» [Фефелов, 2022, с.132], и также пишет о том, что, требуя справедливости, активисты прибегают к насилию, скрываясь за движениями «Антифа» (сокр. от «антифашизм») и BLM. По мнению А.Ф. Фефелова, цель вокизма состоит в создании «марксистской утопии» через разрушение социальных норм, переозначивание слов и отказ от науки. «Этот якобы

антирасизм сам стал бесспорным образчиком расизма, который пытается прикрыть свою истинную суть новым словом» [Фефелов, 2022, с. 132]. Подобный комментарий демонстрирует сразу несколько ключевых положений, характеризующих данное явление: 1) «вокизм» представляет собой политическое явление; 2) для его реализации используются лингвистические механизмы ресемантизации; 3) главные принципы, декларируемые сторонниками этого движения, – равенство, справедливость, разнообразие, инклюзивность; 4) вокизм в своих экстремальных формах сам становится инструментом политической некорректности.

Влияние социальных сетей отчасти стало причиной популяризации «вокизма», поскольку в XX веке главные идеи было возможно манифестировать только на площадях, в то время как в XXI веке для этого стали доступны онлайн-платформы. Например, к 2022 году хештег *#BlackLivesMatter* использовался в Twitter более 30 млн. раз с момента его создания в 2013 году. Летом 2020 года люди в Великобритании через социальные сети организовали акции протеста *BlackLivesMatter*. В Бристолле протестующие снесли статую Эдварда Колстона, торговца, имевшего отношение к атлантической работорговле. Протестующие в Лондоне призывали снести статую Уинстона Черчилля из-за расистских взглядов бывшего премьер-министра, в то время как протестующие в Оксфорде активизировали кампанию, впервые начатую в Южной Африке в 2015 году, по снятию статуи Сесила Родса из-за его расистских и империалистических взглядов.

В США в 2020 году на акции протеста против неравенства, организованные активистами *BLM*, в основном приходила темнокожая молодежь. Однако это не служит показателем того, что борьба за права темнокожих касается только их самих. «Вокизм» является коммуникативной практикой, широко распространяемой в образовательном пространстве США как среди темнокожих, так и белых американцев. В Пенсильвании профессор социологии предложил своим студентам решать проблемы своей

белокожести покаянием в том, что они родились белыми [Lenta.ru]. На уроках в 4-м классе средней школы в Фэйрпорте (*Fairport High School*) зачитывали выдержки из издания *Intersection Allies*, акцентирующего внимание на феминизме и расовом многообразии; фраза *We make room for all* («Мы открыты для всех») на его обложке в совокупности с названием формирует главную идею многообразия и инклюзивности: «Нас объединяет то, в чем все мы не похожи». В коридорах школы висят плакаты, наглядно демонстрирующие, «как быть хорошим сторонником [вокизма]» (*How to be a better ally*), «Представленность ЛГБТ+ в школах» (*LGBTQ+ Representation in Schools*), а также что такое «Многообразие, равенство, инклюзивность» (*Diversity, Equity, and Inclusion*). Они способствуют формированию причастности (*Belonging*), единства с обществом, которое понимается как:

A community that engages the full potential of all individuals, innovative thrives, and views, beliefs and values are integrated. – Сообщество, в котором полностью задействован потенциал всех людей, процветает инновационная деятельность, а взгляды, убеждения и ценности интегрированы [Wokeness in Fairport].

Исходя из этих примеров, можно отметить, что такие слова, как *equity* (равенство /справедливость), *diversity* (многообразие), *inclusion* (инклюзивность) и *ally* (союзник / сторонник) являются своего рода маркерами, реализующими манипулятивный потенциал речевого высказывания, поскольку формируют бинарные оппозиции «хорошее / плохое»: «если ты не союзник, значит, ты противник». В результате распространение «вокизма» привело к формированию «лагеря» противников, обвиняющих последователей этой практики в пропаганде политической корректности в ущерб свободе слова (= ограничению свободы слова) и открытости дискурса [Wokeism ...].

Ограничение свободы слова. Эта коммуникативная практика отнюдь не нова, поскольку она существует, по крайней мере, с момента образования институтов государственности. В отличие от других

подобных практик, ограничение свободы слова имеет законодательную основу и регулируется конституцией, а, кроме того, идет в паре с другой коммуникативной практикой – цензурой. Например, в США *free speech / freedom of speech* определяется как “*the right to express information, ideas, and opinions free of government restrictions based on content and subject only to reasonable limitations (as the power of the government to avoid a clear and present danger) especially as guaranteed by the First and Fourteenth Amendments to the U.S. Constitution*” («право выражать информацию, идеи и мнения без государственных ограничений в отношении их содержания и подлежащих лишь разумному контролю (например, в рамках полномочий правительства избегать явной и существующей опасности), особенно гарантированное Первой и Четырнадцатой поправками к Конституции США») [Merriam-Webster ...].

Юридический словарь А. Я. Сухарева [и др.] определяет свободу слова как личное и политическое право граждан, которое «представляет собой возможность публично (устно, письменно, с использованием средств массовой информации) выразить свое мнение (мысли)». В качестве регулятора свободы слова в Российской Федерации выступает ст. 29 Конституции, ключевыми положениями которой являются: 1) запрет пропаганды социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства, 2) запрет цензуры, гарантом которого является свобода массовой информации [Большой юридический ... , 2003].

В Конституции КНР также существует ст. 35, предоставляющая гражданам свободу слова, однако имеющая широкий ряд ограничений. Основными темами, попадающими под ограничения, считаются политика, коррупция, пропаганда, порнография и др. Таким образом, мы видим, что свобода слова декларируется во всех актуальных для нашего исследования странах, однако степень ее репрезентации разная.

Согласно Всемирному индексу свободы прессы (*World Press Freedom Index*), призванному отражать степень свободы слова журналистов,

новостных организаций и пользователей сети, ограничение свободы слова наиболее распространено в Китае, там индекс отражает высокую степень повсеместной фильтрации (= цензуры) [Reporters without Borders].

По своей природе политическая корректность, регулируя использование языковых средств в целях избегания дискриминации, блокирует применение некоторых слов или выражений, что в полной мере реализует ограничение на свободу слова или даже цензуру.

Ц е н з у р а. Под цензурой здесь и далее мы понимаем «систему государственного надзора за произведениями искусства, средствами массовой информации или личной корреспонденцией, а также учреждение, осуществляющее такой надзор» [Большой толковый ...].

В США, где много говорится и пишется о свободе слова, она, тем не менее, в значительной степени ограничена политической корректностью и иными идеологическими практиками. В Великобритании блокировка, как правило, не затрагивает политический и журналистский контент или другие защищенные международным сообществом формы выражения мнений в Интернете. Поставщики услуг блокируют и фильтруют некоторый контент, который попадает в одну из трех категорий: материалы, нарушающие авторские права; содержащие пропаганду терроризма; изображения сексуального насилия над детьми. Фильтрация может также применяться к дополнительному контенту, особенно к материалам, которые считаются неподходящими для детей.

В России цензурятся темы, связанные с государственной тайной и пропагандой экстремизма. Кроме того, в 2022 году вступил в силу ФЗ № 479 от 05.12.2022 «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях», закрепляющий изменения в ст. 6.21, которая регулирует пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений и смены пола. Согласно этому закону распространение информации о нетрадиционных сексуальных отношениях и смене пола запрещено среди несовершеннолетних и облагается административным наказанием. В 2023

году по итогам заседания Совета по межнациональным отношениям при Президенте РФ В. В. Путин поручил Генпрокуратуре РФ и Роскомнадзору разработать ряд мер по пресечению распространения информации, дискриминирующей человека по национальному признаку.

Цензура может осуществляться правительствами, частными учреждениями и другими контролирующими органами. Самым известным проявлением такой фильтрации в Китае считается проект, известный как «Золотой щит» (金盾), или «Великий файервол» (*Great Firewall*). «Золотой щит» охраняет государственную политику через запрет популярных иностранных площадок (*Facebook, Google* и др.), а также серьезную фильтрацию информации, связанной со спорными политическими, религиозными взглядами и другими неудобными темами. Например, в 2017 году в Китае стали удалять публикации, в которых содержалось имя 维尼熊 (Винни-Пух), а также фотографии медвежонка в связи с появившимся в сети неудачным мемом, где с ним сравнивался лидер Китая Си Цзиньпин. Важно отметить, что по правилам, вступившим в силу в 2017 году, в КНР у каждого интернет-сайта должно быть не менее трех цензоров, просматривающих контент на предмет отсутствия в нем гомосексуалистов, проституток и наркоманов [Lenta.ru].

Политическая корректность становится своего рода цензурой, регулирующей нормы и правила коммуникации. Запреты на высказывания об определенных характеристиках человека, с одной стороны, становятся не чем иным как ограничением прав граждан на свободное выражение своих взглядов, а с другой стороны, позволяют избегать применения в публичном дискурсе пропаганды социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства.

«К у л ь т у р а о т м е н ы». В 2019 г. [Macquarie Dictionary] назвал «культуру отмены» (*cancel culture*) словом года. К настоящему моменту данное явление и соответствующая социальная практика получили широкое распространение, укрепившись в мире и отражая тенденции современного

общества. Согласно толкованию в Кембриджском словаре, *cancel culture* означает способ поведения в обществе или группе, особенно в социальных сетях, при котором принято полностью отвергать и прекращать поддерживать кого-либо, потому что он сказал или сделал что-то, что вас оскорбляет [Cambridge Dictionary]. Еженедельно на страницах СМИ выходят статьи, описывающие новые случаи «отмены». При этом данное явление еще не получило достаточного освещения с точки зрения лингвистики.

Поскольку «культура отмены» относится к коммуникативным практикам, направленным на борьбу с дискриминацией, она непосредственно связана с политической корректностью, руководствующейся тем же принципом. Политическая корректность затрагивает большое количество сторон нашей жизни. Она включает в себя вопросы толерантности, свободы слова, инклюзивности [Кожемякина, 2022; Леонтович, 2021a]. Исходя из этого, политическая корректность противостоит различным формам дискриминации: расизму, сексизму, национализму, лукизму, эйджизму, эйблизму и т. д. и регулируется понятием идентичности.

Связь политической корректности с «культурой отмены» в современном мире объясняется рядом факторов. Во-первых, означаемое обоих терминов не вполне совпадает с означающим: политическая корректность не всегда связана с политикой, а «культура отмены» – с культурой. Во-вторых, и политическая корректность, и «культура отмены» ставят во главу угла «равенство» как основу социального мироустройства: политическая корректность предполагает противодействие «исключению» людей из социальных практик с целью тем самым сохранить равенство, в то время как «культура отмены» исключает из социального контекста объект, считающийся дискриминирующим, в целях обеспечения социальной справедливости. В-третьих, при выборе объектов своего воздействия «культура отмены», как и политическая корректность, опирается на их отношение к различным аспектам личностной идентичности.

Широко распространенной темой, на которую направлена политическая корректность и, соответственно, «культура отмены», является расизм, например, в контексте движения *Black Lives Matter*. В 2021 году в здании мэрии Нью-Йорка «отменили» статую третьего президента США, одного из отцов-основателей, Томаса Джефферсона, на основании того, что при жизни у него насчитывалось 600 рабов. Позднее так же поступили с его статуей в городе Портленде штата Орегон.

Не менее популярна борьба с сексизмом и сопутствующими ему коммуникативными практиками (абьюзом, насилием, трансфобией и др.). Например, в анимационной вселенной *Looney Tunes* «отменили» одного из персонажей, скунса Пепе ле Пью, который слишком яростно добивается любви своей избранницы: «нормализует культуру изнасилований (*rape culture*)». Не менее известен скандал, связанный с именем Джоан Роулинг и ее публикацией в соцсетях о женщинах и трансгендерах: *People who menstruate. 'I'm sure there used to be a word for those people. Someone help me out. Wumben? Wimpund? Woomud?* (Люди с менструацией. Я уверена, что существовало название для таких людей. Кто-то поможет мне вспомнить ...). В результате в сети появился хештег *#jkrowlingiscancelled*, сопровождающий оскорбительные комментарии, а саму писательницу исключили из съемок специального выпуска «Гарри Поттер», посвященного 20-летию проекта, и не пригласили на праздничные мероприятия, связанные с этой датой, хотя она всемирно известна как автор этого произведения.

Подобные практики существовали и раньше (остракизм, «охота на ведьм» и др.), но их широкое распространение пришлось на начало XXI века, эпоху глобализации. «Культура отмены» является современной формой остракизма, принявшей грандиозные масштабы. Теперь могут выбирать не только человеческую жертву для профилактического изгнания, но и целое общество, целую культуру.

С точки зрения социокультурных исследований, рассматривающих «культуру отмены» [Былевский, Цацкина, 2022; Валюкевич, 2021; Израелян,

2022; Рейка, 2022; Фефелов, 2022; Цибизова, 2022], наблюдается некая разрозненность в определении данного феномена, однако многие исследователи сходятся на том, что это инструмент манипуляции общественным мнением, основанный на принципе исключения конкретного человека из общества путем прерывания всех его социальных связей (профессиональных, дружеских и др.). Манипулятивная функция речевого воздействия в рамках акта «культуры отмены» заключается в инклюзивном отношении к «третьей» стороне, в чей адрес было проявлено неполиткорректное поведение, что позволяет оправдать любые ее действия, а также в порицании объекта отмены, сопровождающемся указанием на неполиткорректное поведение. Таким образом, вокруг «отменяющих» формируется образ народных судей, а образ «отмененных» маргинализируется.

«Культура отмены» и политическая корректность в одинаковой степени имеют «манипуляционный потенциал». По мнению И.А. Дьяченко, для политкорректной лексики такой потенциал заключается в предрасположенности соответствующих знаков к множественной интерпретации, когда значения слов используются с целью навязать точку зрения, выгодную адресанту [Дьяченко, 2009, с. 10]. Даже если речевое воздействие не имеет прямого лексического выражения неполиткорректности, характер дискурса обуславливает взаимосвязь между «культурой отмены» и политической корректностью.

В феврале 2023 года в США большое количество издательств отказалось от публикации комикса известного художника Скота Адамса из-за его расистских высказываний. В одном из интернет-шоу Адамс, комментируя результаты социологического опроса, затрагивающего проблемы взаимодействия чернокожих и белых в США, заявил:

If nearly half of all Blacks are not OK with White people – according to this poll, not according to me, according to this poll – that’s a hate group. – Если, согласно этому опросу, почти половина всех чернокожих не в ладах с

белыми – не по моему мнению, а согласно этому опросу – это группа ненависти [Cartoonist ...].

Слово *hate* (ненависть) в данном случае стало сигналом неполиткорректного отношения к темнокожим, поскольку, как утверждали критики, оно выражает деструктивное чувство враждебности. Далее сатирик в резкой форме призвал держаться подальше от темнокожих:

Based on the current way things are going, the best advice I would give to white people is to get the hell away from Black people. – Исходя из нынешнего положения вещей, лучший совет, который я бы дал белым людям, – это убраться к черту подальше от чернокожих) [USA Today...].

Несмотря на то, что в данном примере отсутствует лексика, носящая явно оскорбительный характер и фраза *to get the hell away* (убираться к черту) не несет в себе прямого оскорбления людей, о которых идет речь, коннотация слова *hell* указывает на негативное восприятие говорящим чернокожих. Столь неполиткорректное поведение прокомментировали многие газеты – лидеры мнений в США (*The New York Times, The Washington Post, The San Antonio Express News* и др.). Например: *the outlet is “not a home for those who espouse racism”* (торговый дом – это «не дом для тех, кто поддерживает расизм»). Слово *home* своей семантикой отражает положительные ассоциации с уютом и привязанностью к месту, где можно найти поддержку и защиту. Однако отрицание *not a home* отчетливо демонстрирует протест против действий, которые могут принести раздор в этот «дом», а именно, против расистских настроений.

Дистрибьютор, занимающийся реализацией комиксов «Дилберт» Скота Адамса, сделал заявление о разрыве контракта, аргументировав это следующим:

As a media and communications company, AMU (Andrews McMeel Universal) values free speech. But we will never support any commentary rooted in discrimination or hate. – Как медиа- и коммуникационная компания, AMU (*Andrews McMeel Universal*) ценит свободу слова. Но мы никогда

не поддержим никаких комментариев, основанных на дискриминации или ненависти [USA Today...].

Таким образом, компания в лице председателя и генерального директора противопоставила *free speech* (свободу слова) и *discrimination* (дискриминацию) *or hate* (ненависть), где свобода слова является добродетелью и носит положительную коннотацию, а дискриминация приравнивается к ненависти и имеет отрицательную окраску.

Данный пример показывает, как комментарии, опубликованные влиятельными источниками, становятся инструментом формирования необходимого им смысла, в чем выражается манипулятивная функция «культуры отмены». Подбор «правильной» лексики позволяет сформировать выгодную точку зрения, в духе политкорректной идеологии. Учитывая вышесказанное, мы определяем «культуру отмены» как социальную практику коммуникативного воздействия для исключения из общества людей на основе их неполиткорректного поведения (оскорбительных слов или дискриминирующих действий).

Проведенный выше анализ коммуникативных практик, связанных с идеями политической (не)корректности, позволяет заключить, что они представлены широким спектром, который можно разделить на две основные группы.

Первая группа включает коммуникативные практики нарушения политической корректности, а именно «язык вражды» и лингвокультурную апроприацию. «Язык вражды» (*hate speech*) направлен на указание реальных или предполагаемых характеристик личности или группы людей посредством использования вербальных и невербальных средств коммуникации, содержание которых отличается дискриминационным или уничижительным характером. Лингвокультурная апроприация заключается в том, что, по мнению представителей определенных социокультурных сообществ (чаще всего расовых и этнических меньшинств), мажоритарные группы, обладающие властью, осуществляют неприемлемое

заимствование вербальных и невербальных элементов их культуры, которое является некорректным и дискриминационным.

Ко второй группе относятся коммуникативные практики, направленные на поддержание политической корректности: «вокизм», ограничение свободы слова, цензура и «культура отмены». «В о к и з м» (*wokeism*) связывают с практикой «социального пробуждения», то есть реакционными действиями по борьбе с дискриминацией, строящимися на равенстве, многообразии и инклюзивности. Его часто связывают с движениями в образовательной среде, а также с движениями темнокожих (BLM и др.). С в о б о д а слова и цензура являются коммуникативными практиками, действие которых определяется конституциями, другими законодательными актами и регулирует ограничения, связанные с ксенофобией, риторикой ненависти и государственной безопасностью. При этом остается открытым вопрос о необходимых и достаточных ограничениях, в то же время не являющихся чрезмерными. «К у л ь т у р а о т м е н ы» – это социальная практика, направленная на исключение из общества некоего объекта (человека, компании, культуры) из-за их неполиткорректного поведения.

Выводы по главе 2

1. К универсальным языковым механизмам политической корректности относятся: 1) эвфемизация; 2) ресемантизация, выражающаяся в виде а) перспективизации, или изменения социокультурного фона; б) количественной семантической трансформации; в) концептуальной метонимии; г) нарушения семантической сочетаемости. Эвфемизация позволяет нейтрализовать грубую или непристойную лексику, содержащую сему с хотя бы незначительным намеком на дискриминацию. Ресемантизация предполагает изменение значения слова посредством лингвокультурных или

социолингвистических факторов, формирующих новые значения, как политкорректные, так и неpolitкорректные.

2. Основные группы неpolitкорректных языковых единиц включают:

- а) инвективы, характеризующиеся крайней степенью уничижительности;
- б) лексику с нежелательными коннотациями; в) стереотипные номинации.

3. Национальная специфика вербализации политической корректности в исследуемых культурах имеет следующие проявления:

- В англоязычных странах: а) преобладает небинарный подход к обозначению гендера; б) в связи с широкой представленностью различных рас в США, Великобритании и т. д., английский язык располагает большим количеством средств для их обозначения; в) этническая принадлежность выражается значительным количеством неpolitкорректной лексики; г) вербализация возрастной идентичности осуществляется посредством широкого спектра как политкорректной, так и неpolitкорректной лексики; д) весомый вклад в формирование политкорректного публичного дискурса вносит практика социальной поддержки людей с ОВЗ, отражающаяся в большом количестве языковых единиц с политкорректным указанием на особенности физиологической идентичности и умственные способности индивидуума. При этом следует отметить существенные перегибы в использовании политической корректности, чрезмерные требования к участникам дискурса и необоснованные языковые запреты.

- В России: а) интерпретация гендера преимущественно основана на бинарном подходе и осуществляется с помощью лексических и грамматических средств; номинации, определяющие небинарную гендерную идентичность, передаются заимствованиями из английского языка; б) расовая идентичность в основном описывается нейтральными языковыми средствами, что обусловлено отсутствием дискриминации по цвету кожи; в) выражение этнической принадлежности характеризуется обилием как политкорректных лексем, так и неpolitкорректных этнофоллизмов; г) несмотря на наличие коммуникативных норм, выражающих толерантное

отношение к старшему поколению, языковые средства по отношению к возрастной идентичности не отличаются высокой степенью политкорректности; д) разноречивой в использовании вербальных средств для обозначения физиологической идентичности свидетельствует о необходимости выработки соответствующих норм политкорректного общения.

- В Китае: а) преобладает бинарный подход к интерпретации гендера; несмотря на отсутствие грамматической категории рода, существует большое количество лексических средств его выражения; небинарная гендерная идентичность обозначается дословно или с помощью терминов, образованных под влиянием английского языка; б) значительно чаще используются средства обозначения этнической идентичности, нежели расовой; в) этнофраземы, связанные с историческим взаимодействием между этносами, имеют специфические коннотации и в основном непolitкорректны; г) языковые средства обозначения возрастной идентичности связаны с традицией уважения к семье, «сыновней почтительностью» и отличаются высокой степенью политкорректности; д) средства обозначения физиологических особенностей и умственных способностей личности недостаточно политкорректны.

4. Идеи политической корректности находят свое воплощение в коммуникативных практиках, преимущественно реализуемых в публичном дискурсе англоязычных стран. Их можно разделить на две группы: а) практики, связанные с нарушением политической корректности («язык вражды», лингвокультурные апроприации) и б) практики, направленные на сохранение политкорректности («вокизм», ограничение свободы слова, цензура и «культура отмены»).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Диссертационное исследование было направлено на выявление универсальных черт и национально-специфических особенностей феномена «политическая корректность» в русской, китайской и англоязычных лингвокультурах посредством определения места политической корректности в ряду смежных понятий, анализа средств вербализации данного феномена, отражающих ключевые параметры личностной и групповой идентичности, а также обращения к современным коммуникативным практикам, реализующим идеи политкорректности.

В целях формирования теоретической базы исследования были проанализированы подходы к понятию «политическая корректность» в отечественной и зарубежной науке. Показано, что ученые трактуют политическую корректность как многоуровневое социокультурное явление, отражающее актуальные проблемы и тенденции общественного развития, основанное на акцентировании роли человека в социуме и его чувств как высшей меры всех вещей. Согласно распространенному мнению суть политической корректности заключается в переосмыслении мироустройства посредством языковых и неязыковых средств, что становится способом формирования культурной идеологии. С точки зрения лингвистики политическая корректность реализуется путем исключения из дискурса дискриминирующих значений и поддержания толерантной коммуникации. Несмотря на то, что направленность политкорректности ориентирована на защиту дискриминируемых групп общества, с ней связаны некоторые негативные тенденции, обусловленные противоречиями между социальными группами, а также непростыми отношениями политической корректности с наукой, литературой, образованием, свободой слова и т. д.

При анализе исторической динамики понятия политической корректности было установлено, что первоначально соответствующее понятие связывали с необходимостью высказывать «правильные взгляды». С

середины XX века термин претерпел ряд концептуальных изменений, характеризующихся периодами его позитивного и негативного восприятия. В XXI веке политкорректность преимущественно трактуется как практика включения дискриминируемых групп в коммуникацию, то есть инклюзивность. В русской лингвокультуре понятие политической корректности сформировано не в полной мере, что выражается в заимствовании трактовок самого термина, а также языковых средств политкорректного дискурса. В китайской лингвокультуре политическая корректность, с одной стороны, связана с выражением идеологически приемлемых взглядов и поддержкой государственной политики, а с другой – с трактовкой этого понятия, заимствованным из англоязычных лингвокультур.

Термин «политическая корректность» занимает ключевое место в понятийном аппарате исследования и определяется как социокультурная практика исключения языковых и неязыковых средств, а также речевого и неречевого поведения, которые могут оскорбить или дискриминировать людей по ряду признаков, характеризующих их идентичность. В понятийный аппарат также входят тесно связанные с политической корректностью термины «сенситивность», «толерантность», «инклюзивность» и «инклюзивный язык», объединенные общей идеей равенства и социального многообразия.

Основной сферой реализации идей политической корректности является публичный дискурс, который представляет собой устную или письменную коммуникацию со значительным количеством участников, затрагивает вопросы социальной значимости и может происходить как в неопосредованном взаимодействии, так и с использованием средств массовой информации. Именно в публичном дискурсе реализуются политические манипуляции и формируется общественное мнение.

В качестве критериев для отнесения языковых единиц к политически корректным или некорректным мы рассматриваем наличие в их значении сем,

указывающих на ключевые признаки личностной идентичности: гендер /пол, расу, этнос, возраст, физиологические признаки и умственные способности.

Анализ русского, английского и китайского практического материала позволил нам выделить языковые механизмы политической корректности, включающие: 1) эвфемизацию и 2) ресемантизацию, осуществляемую в форме: а) перспективизации, б) количественной семантической трансформации, в) концептуальной метонимии, г) семантической несочетаемости. Представленность данных механизмов во всех анализируемых языках позволяет сделать вывод об известной степени их универсальности и открывает перспективы их экстраполяции на исследование других языков.

На основе анализа практического материала были также выделены три универсальные группы неpolitкорректной лексики: а) инвективы, б) слова с нежелательными коннотациями, в) стереотипные номинации. Данные группы выстраиваются в иерархические отношения по степени уничижительности, где инвективы являются наиболее неpolitкорректными, а стереотипные номинации могут нейтрализоваться под влиянием контекста.

Были определены следующие национально-культурные особенности проявления политической корректности в публичном дискурсе исследуемых лингвокультур.

- В США, Великобритании и других англоязычных странах политическая корректность получила широкое распространение как идеология, во многом определяющая характер публичного дискурса. С языковой точки зрения в нем преобладают языковые средства, отражающие небинарный подход к гендеру; используются многочисленные номинации, относящиеся к расовому и этническому многообразию; уделяется большое внимание политкорректному обозначению физиологической идентичности и умственных способностей личности. При этом наблюдаются большие перегибы в использовании политической корректности, предъявляются

чрезмерные требования к участникам дискурса и устанавливаются необоснованные языковые запреты.

- Российский публичный дискурс характеризуется бинарным подходом к языковому обозначению гендерной идентичности; превалированием номинаций, относящихся к этнической идентичности в противовес расовой; распространенностью неpolitкорректной лексики, описывающей возраст, физиологические и умственные способности человека, что свидетельствует о недостаточной сформированности понятия «политическая корректность» в российской лингвокультуре.

- В Китае политическую корректность преимущественно воспринимают как верность линии коммунистической партии. Рассмотрение политической корректности с позиций, используемых в исследовании, позволяет прийти к выводу, что для китайского публичного дискурса характерны: бинарный подход к гендерной идентичности; превалирование номинаций, относящихся к этнической идентичности в противовес расовой; уважительное отношении к возрасту, обусловленное идеями «сыновней почтительности»; ограниченное внимание к номинациям, обозначающим физиологическую идентичность и умственные способности. Данные факты являются показателями недостаточного внимания к нормам политической корректности.

В процессе исследования были выявлены коммуникативные практики, направленные либо на нарушение политкорректности, либо на ее сохранение, преимущественно распространенные в англоязычных странах, но при этом оказывающие влияние на публичный дискурс в России и КНР. К практикам, нарушающим нормы политической корректности, относятся:

- «язык вражды» (*hate speech*) – практика использования вербальных и невербальных средств (слов, изображений, карикатур, мемов, предметов, жестов и символов) и способов коммуникации (онлайн и офлайн), которая носит дискриминационный или уничижительный характер, негативно характеризуя людей по параметрам их идентичности;

- лингвокультурная апроприация – практика, основанная на реальном или предполагаемом присвоении доминирующей культурой элементов культуры меньшинства.

Практики продвижения политической корректности включают:

- «вокизм» (*wokeism*) – социальные практики, декларирующие борьбу с дискриминацией, идеи равенства, многообразия и инклюзивности;
- ограничение свободы слова – практику, которая регулируется Конституцией и другими законодательными актами в России, Китае и англоязычных странах и направлена на пресечение в публичном дискурсе проявлений ксенофобии и риторики ненависти;
- цензуру – практику осуществления государственного контроля за распространением определенной информации, в том числе касающейся гендерной, расовой, этнической и других видов личностной идентичности;
- «культуру отмены» – практику бойкотирования некоего объекта (человека, компании, культуры), который, с точки зрения субъектов, характеризуется неполиткорректным поведением, с целью исключения его из публичного дискурса.

Политическая корректность оказывает существенное влияние на современное общество в целом и на исследуемые лингвокультуры в частности. Формирование политкорректного публичного дискурса, с одной стороны, может стать почвой для преодоления дискриминации, а с другой – породить еще большее количество разногласий и противоречий. В связи с этим понимание языковых механизмов формирования политкорректных значений и смыслов будет способствовать созданию дискурса, отвечающего потребностям современного общества.

Перспективы исследования заключаются в возможности применения полученных результатов к анализу механизмов формирования политкорректных и неполиткорректных значений в других видах дискурса, а также экстарополяции предложенного в диссертации алгоритма анализа на другие лингвокультуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алёшина Е. Ю. Регистры публичного политического дискурса и факторы их формирования (на материале английского языка) // Политическая лингвистика. – 2016. – № 4. – С. 87–92.
2. Алпатова С. Д. Политическая корректность как переводческая проблема, или что делать с «негром»? // Англистика XXI века: материалы VII Всерос. межвуз. науч.-метод. конф., Санкт-Петербург, 21–23 янв. 2014 г. – Санкт-Петербург: Университетские Образовательные Округа. – 2014. – С. 219–224.
3. Антонова Н. В., Белякова А. А. Экономическая идентичность и профессиональное самоопределение личности // Актуальные проблемы психологического знания. – 2012. – № 4 (25). – С. 7–18.
4. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – Москва: Сов. энцикл., 1990. – С. 136–137.
5. Архипова Л. С. Эвфемизмы как способ отражения принципов политической корректности в средствах массовой информации России, Великобритании и США // Приоритетные направления развития науки и образования. – 2015. – № 2 (5). – С. 303–305.
6. Асеева Ж. В. Лексические средства выражения идеологии политической корректности в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 . – Иркутск, 1999. – 189 с.
7. Асоян А. А. Деконструкция [Электронный ресурс] // Вестник культурологии. – 2011. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dekonstruktsiya-1> (дата обращения: 31.05.2023).
8. Ашкинази Л. А., Гайнер М. Л., Кузнецова А. Исследование общества посредством Интернета // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. – 2009. – Т. 101, вып. 3. – С. 34–43.
9. Багиян А. Ю., Нерсесян Г. Р. Дискурсивные маркеры профессиональной идентичности (на материале английского научно-

академического дискурса) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – № 7. – С.167–170.

10. Байкова О. В. Этническая идентичность как динамический процесс: параметры этнической идентичности // Сборник тезисов по итогам Профессорского форума 2019 «Наука. Образование. Регионы». – Москва: Российское профессорское собрание, 2019. – Т. 1. – С. 172–174.

11. Баранчугова И. Г. О политической и грамматической корректности английских местоимений // Молодежный вестник ИрГТУ. – 2011. – № 2. – С. 14.

12. Барт Р. Лингвистика текста // Новое в зарубежной лингвистике; Вып. VIII. Лингвистика текста. – Москва: Прогресс, 1978. С. 442–449

13. Барышникова Г. В. Гендерные различия эмоционального коммуникативного поведения художественных партнеров (на материале французской литературы XVII–XX вв.): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Волгоград: ВГПУ, 2004. – 210 с.

14. Бельский А. М. Гендерная и сексуальная идентичность как перспективные предикторы современных социологических исследований: актуальность использования // Аксиологическое измерение образа жизни современной молодежи: материалы Междунар. науч.-практ. online-конф., Витебск, 06 дек. 2019 г. – Витебск: Витебский гос. ун-т им. П.М. Машерова, 2019. – С. 108–110.

15. Беспалова К. В. Проблемы половой идентичности в условиях современного общества // Белые цветы: материалы конференции: сб. тез. 92-й Всерос. науч.-практ. конф. студентов и молодых ученых, 21-й Всерос. медико-исторической конф. студентов, посвящ. 85-летию со дня рожд. проф. Ирины Андреевны Студенцовой, Казань, 04–06 апр. 2018 г. – Казань: Казанский гос. мед. ун-т, 2018. – С. 477.

16. Бешта И. А. Место и роль этнической идентичности в структуре идентичностей личности // Сборник научных трудов SWorld. – 2013. – Т. 27, № 3. – С. 48–57.

17. Благородова Е. А. Культурная политика как возможность преодоления кризиса национальной идентичности: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01. – Ростов-на-Дону, 2013. – 31 с.

18. Бобылёва М. Мы так говорим. Обидные слова и как их избежать. – Москва: Изд-во АСТ, 2021. – 224 с.

19. Богатенков Д. В., Дробышевский С. В. Антропология: учеб.-метод. комплекс [Электронный ресурс]. – Москва: Ин-т дистант. образования Рос. ун-та дружбы народов, 2004. – 459 с. – URL: <https://web.archive.org/web/20110719022610/http://www.ido.edu.ru/psychology/anthropology/5.html#5.4.3>. (дата обращения: 31.05.2023).

20. Богатырева О. В. Этнонациональная идентичность и межэтническая солидарность в многонациональном сообществе // Научный вестник Государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт». – 2022. – № 4. – С. 38–43.

21. Бодулева А. Р., Боброва Т. Г. Проявление феномена политической корректности в рекламе // Тенденции развития науки и образования. – 2022. – № 83-4. – С. 60–63.

22. Болдырев Н. Н. Концептуальная метонимия на разных уровнях языка: система и реализация // Форма, значение и функции единиц языка и речи: материалы докл. междунар. науч. конф. – Минск, 2002. – Ч. 1. – С. 11–14.

23. Болдырев Н. Н. Интерпретирующая функция когнитивного контекста // Язык, сознание, коммуникация; Вып. 57: сб. ст. – Москва: МАКС Пресс, 2017. – С. 32–42.

24. Бондаренко А. В. К вопросу о политической корректности в британской, американской и в российской прессе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2012. – № 21(654). – С. 20–30.

25. Бондаренко Е. В., Коптякова Е. Е. Специфика соблюдения норм политической корректности при переводе // Научный диалог: молодой ученый: сб. науч. тр. по материалам XVI междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 22 апр. 2018 г. – Санкт-Петербург: Международная объединенная академия наук, 2018. – С. 51–55.
26. Борботько В. Г. Элементы теории дискурса. – Грозный, 1981. – 117 с.
27. Борисова И. З. Динамика региональной идентичности в условиях поликультурного государства: на примере якутов (Россия) и бретонцев (Франция): автореф. дис. ... д-ра культурол. наук: 24.00.01. – Москва: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2022. – 55 с.
28. Будауд К. Профессиональная идентичность и социокультурная анимация // Вестник науки и творчества. – 2021. – № 1(61). – С. 8–11.
29. Буряковская В. А. Признак этничности в семантике языка: на материале русского и английского языков: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – Волгоград, 2000. – 209 с.
30. Бутовская М. Л. Антропология пола. – Фрязино: Век 2, 2013. – 253 с.
31. Быканов Р. Новейшие тенденции политической корректности в английском языке // Collegium linguisticum-2017: тез. докл. ежегод. конф. Студенческого научного общества МГЛУ, Москва, 01–15 марта 2017 г. – Москва: Моск. гос. лингвист. ун-т, 2017. – С. 20.
32. Былевский П. Г., Цацкина Е. П. Феноменологический анализ явления «культура отмены» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2022. – № 2 (857). – С. 162–169.
33. Валиуллин В. Р. Принципы межэтнического сотрудничества в РФ: толерантность и политическая корректность // Евразийский юридический журнал. – 2012. – № 12 (55). – С. 160–162.
34. Валюкевич Е. Ю., Плаксина К. С. Культура отмены как феномен 21 века // Студенческий вестник. – 2021. – № 15-4 (160). – С. 10–14.

35. Ван Минь Гендерные исследования в китайской лингвистике // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2016. – № 4 (36). – С. 49–53.

36. Васильева М. Н. Нарушение сочетаемости лексических единиц в романах В. Е. Максимова «Ковчег для незваных» и «Карантин» // Вестник Башкирского университета. – 2012. – № 4. – С. 1835–1837.

37. Вашанова О. В. Принцип недискриминации личности в международном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10. – Москва: МГЮА, 2004. – 26 с.

38. Вашурина Е. А. Политкорректность как коммуникативная категория современного английского языка (на материале художественных и публицистических текстов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Самара, 2011. – 22 с.

39. Верещагина М. В., Хасханова М. Т., Саматеева М. З. Российская гражданская идентичность и ее связь с этнической и религиозной идентичностями студентов педагогического вуза Чеченской Республики // Общество: социология, психология, педагогика. – 2022. – № 7(99). – С. 67–73.

40. Видясова Л. А., Григорьева И. А. Исследование возможностей социальной инклюзии пожилых через взаимодействие в онлайн-среде (на примере сообществ в социальной сети "ВКонтакте") [Электронный ресурс] // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2018. – № 21(2). – С. 106–132. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-vozmozhnostey-sotsialnoy-inklyuzii-pozhilyh-cherez-vzaimodeystvie-v-onlayn-srede-na-primere-soobschestv-v-sotsialnoy-seti> (дата обращения: 23.01.2020).

41. Влавацкая М. В. Коннотативные ограничения на сочетаемость слов // Филологические науки. Вопросы теории и практики: в 3 ч. – Тамбов: Грамота, 2014. – № 12 (42), ч. 3. – С. 37–40.

42. Влазнева И. И., Дидык Ю. А. Эвфемизмы как способ уклонения от истины и выражения корректности в политическом дискурсе США // VII Авдеевские чтения: сб. ст. по материалам Всерос. науч.-практ. конф.

преподавателей, учителей, аспирантов, магистрантов, студентов и школьников, Пенза, 17 апр. 2019 г. / под ред. Ю.А. Шурыгиной. – Пенза: Пензенский гос. ун-т, 2019. – С. 128–131.

43. Власова Т. И. Сексуальная идентичность в нарративах и дискурсивных практиках постмодерна // Наука в современном информационном обществе: материалы VI междунар. науч.-практ. конф., North Charleston, 13–14 июля 2015 г. – North Charleston: CreateSpace, 2015. – Т. 3. – С. 156–158.

44. Волошкина И. А. Метонимия как когнитивный механизм категоризации знаний о мире: опыт моделирования семантики фразем // Когнитивные исследования языка. – 2016. – № 27. – С. 142–150.

45. Воронова А. В. Гендер как предмет междисциплинарного анализа // Ярославский педагогический вестник. – 2015. – Т. 2, № 2. – С. 196–201.

46. Воронцова Т. А. О соотношении понятий «публичный дискурс», «язык СМИ», «публичная речь» // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. – 2008. – № 3. – С. 17–22.

47. Габдрахманова Г. Ф., Мухаметзянова А. Р. Этническая идентичность татарской молодежи Республики Татарстан: общероссийские, региональные и культурные символы // Вестник Российской нации. – 2016. – № 5(50). – С. 102–115.

48. Гаврилюк В. В., Гаврилюк Т. В. Классовая идентичность рабочей молодежи современной России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2021. – № 4, т. 21. – С. 839–854.

49. Ганиева С. А. Формирование толерантности к детям с ограниченными возможностями здоровья в условиях инклюзивного образования [Электронный ресурс] // Актуальные исследования. – 2020. – № 1(4). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-tolerantnosti-k-detyam-s-ogranichennymi-vozmozhnostyami-zdorovya-v-usloviyah-inklyuzivnogo-obrazovaniya> (дата обращения: 09.01.2021).

50. Герасименко Д. В. Политическая корректность как социокультурное явление и её отражение в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Москва, 2013. – 234 с.

51. Герасименко Д. В. Понятие политической корректности в словарях английского языка и научных исследованиях // Культурология, филология, искусствоведение: актуальные проблемы современной науки: сб. ст. по материалам XX–XXI междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск, 08 апр. 2019 г.– Новосибирск: Сибирская академ. книга, 2019. – Т. 3–4 (16). – С. 34–39.

52. Голуб И. Б. Стилистика русского языка: учеб. пособие. – Москва: Рольф: Айрис-пресс, 1997. – 448 с.

53. Гонтаренко Г. С. Евфемизми у засобах масової інформації та їх переклад // Филология и культурология. Актуальные научные исследования. Теория, практика: сб. науч. докл., Познань, 30–31 марта 2015 г. – Познань: Диаманд Трейдинг тур, 2015. – Ч.2. – Р. 67–70.

54. Горшунов Ю. В. Английские эвфемизмы на тему облагораживания названий профессий и занятий и повышения статуса профессии // Языковые единицы в свете современных научных парадигм: материалы V Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Уфа, 18 дек. 2020 г. / отв. ред. Р.А. Газизов. – Уфа: Башкирский гос. ун-т, 2020. – С. 141–145.

55. Гриценко Е. С. Язык как средство конструирования гендера: дис. ... д-ра филол. наук – Тамбов: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2005. – 405 с.

56. Гриценко М. Б., Карданова Б. А. Использование эвфемизмов как средства трансформации смысла в новоязе и трудности их перевода // Университетские чтения-2014: материалы науч.-метод. чтений ПГЛУ. – Пятигорск: ПГЛУ, 2016. – Ч. 5. – С. 11–14.

57. Гриценко А. И. Источники возникновения экспрессивных этнонимов (этнофолизмов) в современном русском и английском языках: этимологический, мотивационный и деривационный аспекты // Активные

процессы в современной лексике и фразеологии: материалы междунар. конф., Москва, 08–09 июня 2007 г. – Москва: Ремдер, 2007. – С. 40–52.

58. Гудзовская А. А., Мышкина М. С. ИмPLICITная расовая идентичность российских школьников на этапе коммитмента // Российский психологический журнал. – 2021. – Т. 18, № 1. – С. 91–105.

59. Гуманова Ю. Л. Политическая корректность как социокультурный процесс (на примере США): автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04. – Москва, 1999.

60. Даулет Ф. Н. Концептуализация гендерного аспекта в китайской лингвокультуре [Электронный ресурс] // Litera. 2019. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=31854 (дата обращения: 31.05.2023).

61. Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация: сб. работ. – М.: Прогресс, 1989. – 310 с.

62. Денисова А. Язык вражды в российских СМИ: гендерное измерение [Электронный ресурс] // Женщина Плюс. – 2002. – № 4. – URL: <http://www.owl.ru/win/womplus/2002/denisova2.htm> (дата обращения: 10.06.2023).

63. Денисова Н. В. Политическая корректность как переводческая проблема, или что делать с "негром"? // Англистика XXI века : материалы VII Всерос. межвуз. науч.-метод. конф., Санкт-Петербург, 21–23 янв. 2014 г. – Санкт-Петербург: АНО «Университетские образовательные округа», 2014. – С. 228–232.

64. Деточенко Л. С. Современные тенденции обеспечения инклюзивности в парадигме высшего образования // Социология. – 2022. – № 4. – С. 145–152.

65. Дзялошинский И. М. Телесная идентичность в системе самосознания индивида // Corpus Mundi. – 2020. – Т. 1, № 1(1). – С. 36–58.

66. Дмитриева А. В. Социальное включение / исключение как принцип структуризации современного общества // Социологический журнал. – 2012. – Вып. 2 (98). – 114 с.

67. Дмитриева Н. В., Левина Л. В., Перевозкина Ю. М. Развитие сексуальной идентичности с помощью ассоциативных карт // Смальта. – 2017. – № 5. – С. 22–31.

68. Дубовикова С. Н., Минасян Е. Р. Этническая идентичность: представление россиян о себе (на примере Волгоградской области) // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. – 2019. – Т. 2, № 8. – С. 270–275.

69. Дунец А. Н., Маменов С. Д. Географическая идентичность понятия «Большой Алтай» и перспективные направления трансграничного сотрудничества в регионе // Устойчивое развитие горных территорий. – 2022. – Т. 14, № 4(54). – С. 546–554.

70. Дьяченко В. В. Эвфемизм как способ реализации политической корректности в публицистическом тексте // Актуальные научные исследования в современном мире. – 2019. – № 10-3(54). – С. 77–81.

71. Дьяченко И. А. Лексические средства политической корректности в английском рекламном дискурсе // Перспективы развития современных гуманитарных наук : сб. науч. тр. по итогам междунар. науч.-практ. конф., Воронеж, 8 дек. 2014 г. – Воронеж: Инновационный центр развития образования и науки, 2014. – С. 42–45.

72. Дьяченко И. А. Симулятивные знаки политической корректности в англо-американском манипуляционном дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Иркутск: Иркутский гос. лингвист. ун-т, 2009. – 18 с.

73. Дьяченко А. В., Солдаткин В. А., Перехов А. Я. [и др.]. Проблема терминологического обозначения феномена небинарного полоролевого позиционирования в психиатрии: конфликт между научной и политической корректностью // Российский психиатрический журнал. – 2020. – № 3. – С. 38–47.

74. Дюкин С. Г. Об особенностях возрастной идентичности в рок-культуре [Электронный ресурс] // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). – 2019. № 3 (52). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-osobennostyah-vozrastnoy-identichnosti-v-rok-kulture> (дата обращения: 18.06.2023).

75. Дядина Е. А. Проблемы культурной идентичности в современном мире // Актуальные проблемы гуманитарных и социальных наук: сб. тр. участников Третьей междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 8 февр. 2016 г. / Санкт-Петербургский академ. ун-т; Ин-т гуманитарных и социальных наук. – Санкт-Петербург: СПб. академ. ун-т, 2016. – С. 423–425.

76. Егорова Т. В. Социальная интеграция детей с ограниченными возможностями. – Балашов, 2002. – 80 с.

77. Езан И. Е. «ES gibt keine Politik VOR und jenseits der Sprache»: языковые тенденции в современном общественно-политическом дискурсе Германии // Германистика 2020: nove et nova: материалы Третьей междунар. науч. конф., Москва, 29 дек. 2020 г. – Москва: Моск. гос. лингвист. ун-т, 2020. – С. 66.

78. Ерохина Е. В. Проблемные вопросы инклюзивности и доступности семейного онлайн правосудия // Современные проблемы реализации прав человека в цифровом мире: материалы Всерос. круглого стола с междунар. участием, Оренбург, 20 окт. 2022 г. – Оренбург: Южный Урал, 2022. – С. 30–33.

79. Жинкин Н. И. Развитие письменной речи учащихся III–VIII классов // Известия АПН РСФСР. – 1956. – Вып. 78. – С. 34–42.

80. Забияко А. А. Лаомаоцзы, ходя, фазан, тирьда: образы взаимовосприятия китайцев и русских // Проблемы Дальнего Востока. – 2020. – № 5. – С. 135–151.

81. Заварзина Г. А. Эвфемизмы как проявление «политической корректности» // Русская речь. – 2006. – № 2. – С. 54–56.

82. Задворный С. И. Территориальная идентичность населения как фактор развития сферы культуры и искусства региона: общественно-

географический аспект // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. – 2014. – № 3(93). – С. 237–242.

83. Зарубина Н. Е. Лингвистические особенности второй волны политической корректности в США // Иностранные языки: теория и практика. Литературоведение: сб. науч. ст. – Иваново: Ивановский гос. политехн. ун-т, 2016. – Вып.10. – С. 34–38.

84. Засыпкин С. Инвектива [Электронный ресурс] // Дискурс-Пи. – 2010. – № 1-2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/invektiva> (дата обращения: 11.06.2023).

85. Захаркив Е. В. Ресемантизация дискурсивных слов в современной русской и англоязычной поэзии // Иностранные языки в высшей школе. – 2021. – № 2 (57). – С. 42–56.

86. Зененко Н. В., Сон Л. П. Испанские паремии: проявление национального характера и сохранение национальной идентичности // Казанская наука. – 2022. – № 1. – С. 122–125.

87. Зенов Е. В. О некоторых особенностях англо-русского перевода пародии на политкорректность (на примере работ Дж.Ф. Гарнера) // Актуальные проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков: материалы Всерос. науч.-практ. конф., Мурманск, 16–18 нояб. 2020 г. – Мурманск: Мурманский арктический гос. ун-т, 2021. – С. 32–37.

88. Иванова А. Е. Политическая идентичность россиян: анализ парадоксальной динамики // Власть. – 2009. – № 2. – С. 85–89.

89. Ионин Л. Политкорректность: дивный новый мир. – Москва: Ad Marginem, 2013. – 112 с.

90. Ирисханова О. К. О понятии перспективизации в когнитивной лингвистике // Когнитивные исследования языка: сб. науч. тр. / гл. ред. серии Н. Н. Болдырев. – Москва: ИЯ РАН; Тамбов: ИД ТГУ им. Г. Р. Державина, 2013. – С. 43–58.

91. Израелян А. Н. «Культура отмены»: новый феномен в меняющемся мире // Научный аспект. – 2022. – Т. 10, № 6. – С. 1313–1319.

92. Кагилева А. О. Вторичная номинация в свете политической корректности // Язык и культура (Новосибирск). – 2015. – № 18. – С. 67–71.
93. Кампос А. Д., Фахрудинова Э. Р. Геронтофобия как обесценивание человека: социально-философский анализ // Клиническая геронтология. – 2017. – С. 9–10, 32–33.
94. Карасева М. В. Налоговое правоотношение: имущественная идентичность и проблема адаптации частноправовых конструкций // Закон. – 2010. – № 11. – С. 57–67.
95. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5–20.
96. Катермина В. В. Эвфемизм как языковой приём политической корректности // Язык в различных сферах коммуникации: материалы II междунар. науч. конф., Чита, 29–30 сент. 2016 г. / сост. Т.Ю. Игнатович, Ю.В. Биктимирова. – Чита: Забайкальский гос. ун-т, 2016. – С. 267–269.
97. Кауфова И. Б., Кауфова Л. А. Политкорректность в британском политическом дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 10-1(76). – С. 111–114.
98. Квилинкова Е. Н. Вопросы формирования национальной идентичности и развития межкультурного диалога в Республике Молдова // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. – 2019. – Т. 2, № 8. – С. 61–68.
99. Кечкина А. С. Связь эвфемизмов современного немецкого языка с явлением политической корректности // Актуальные проблемы лингвистики, переводоведения, языковой коммуникации и лингводидактики: XVI Всерос. студ. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Красноярск, 20–21 мая 2016 г. – Красноярск: Сибирский гос. технол. ун-т, 2016. – С. 71–74.
100. Кибрик А. А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. – Москва: Ин-т языкознания РАН, 2003. – 90 с.

101. Кирилина А. В. Гендер и гендерная лингвистика на рубеже третьего тысячелетия // Вопросы психолингвистики – 2021. – №3(49). – С. – 109–147.

102. Кириллов А. Г., Мязова Я. С. Эвфемия и политическая корректность как культурно-поведенческие и языковые категории (на материале английского языка) // Высшее гуманитарное образование XXI века: проблемы и перспективы: в 2 т. : материалы IV междунар. науч.-практ. конф. – Самара, 23–24 сент. 2009 г. – Самара: Самарский гос. соц.-пед. ун-т, 2009. – Т.2. – С. 145–149.

103. Кириллова О. Ю. Лингвостилистические средства выражения функций текста // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2009. – № 11. – С 127–130.

104. Кислюк Л. Русские глазами китайцев (взгляд через иероглифические очки) [Электронный ресурс]. – URL: <http://magazeta.com/2008/09/e-russian/> (дата обращения: 30.05 2023).

105. Клинкова Ю. С. Информационное окружение понятия «политическая корректность» в научном дискурсе // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2022. – № 3. – С. 37–41.

106. Клюев Ю. В. Дискурс в массовой коммуникации (междисциплинарные характеристики, концепции, подходы) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9: Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2013. – № 1. – С. 207–217.

107. Клюев Ю. В. Уровни, модели, элементы публичного дискурса: коммуникативный подход // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. – 2008. – Вып. 4, ч. 2. – С.331–338.

108. Кожемякина В. А. От политической корректности к языковой инклюзивности: эволюция понятий в контексте русской и китайской лингвокультур // Известия ВГПУ. – 2022. – №2 (165). – С. 220–227.

109. Козьмик А. А. Фактор политической корректности и пополнение словарного состава английского языка // Вісник Запорізького національного університету. Філологічні науки. – 2002. – № 3. – С. 70–72.

110. Комарова В. В., Осьмак Н. А. Этнофолизм как элемент языка вражды [Электронный ресурс] // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2020. – №5 (834). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnofolizm-kak-element-yazyka-vrazhdy> (дата обращения: 24.05.2023).

111. Кондратович О. И., Гаврилова И. В. Стереотипы физической привлекательности, подлинная идентичность // Интеграция социально-философских и психолого-педагогических исследований современного общества: материалы I Всерос. науч.-практ. конф., Чебоксары, 07 окт. 2022 г. – Чебоксары: Чувашский гос. ун-т им. И.Н. Ульянова, 2022. – С. 133–141.

112. Корнейчик И. В. Географическая идентичность и уровень социализации подростков разных этнических групп // Актуальные проблемы теории и практики психологических, психолого-педагогических, педагогических и лингводидактических исследований: материалы междунар. науч.-практ. конф., Мытищи, 13–14 апр. 2022 г. – Москва: Моск. гос. обл. ун-т, 2022. – С. 842–846.

113. Косоножкина Л. В. Перевод политкорректных единиц с английского языка на русский (на материале английских СМИ) // Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики: материалы IX науч.-практ. интернет-конф. с междунар. участием, Ростов-на-Дону, 11–13 мая 2022 г. / М-во науки и высшего образования Рос. Федер.; Донской гос. техн. ун-т. – Ростов-на-Дону: Донской гос. техн. ун-т, 2022. – С. 18–23.

114. Косоруков А. А. Публичный дискурс как фактор государственной политики России (на примере евразийской интеграции) // Мировая политика. – 2018. – № 3. – С. 47–58.

115. Кох В. А. Предварительный набросок дискурсивного анализа семантического типа // Новое в зарубежной лингвистике; Вып. VIII. Лингвистика текста. – Москва: Прогресс, 1978. – С. 149–171.

116. Кочнева А. С., Шарова А. А. Средства выражения политической корректности в английском языке как объект перевода // Язык и общество: диалог культур и традиций: сб. материалов междунар. науч. конф. в рамках «Чтений Ушинского», Ярославль, 23–25 марта 2016 г. – Ярославль: Ярославский гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского, 2016. – Вып. 14. – С. 50–53.

117. Кошкина Е. Г. Семантическая трансформация: причины и типология // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. – 2014. – № 24. – С. 291–293.

118. Криволап А. Д. Особенности репрезентации культурной идентичности в Интернете: на примере белорусского сегмента Сети 1994–2006: дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. – Москва, 2011. – 172 с.

119. Кудряшова Е. К., Масель А. С., Никитина И. Л. Эволюция взглядов на половую идентичность // Лечащий врач. – 2016. – № 3. – С. 20.

120. Кузьмина О. Д. Политическая корректность при переводе с русского языка на английский // Международный научно-исследовательский журнал. – 2014. – № 2-2(21). – С. 97–98.

121. Кузьмичева М. В., Трусова А. Ю. К вопросу о морфологических и синтаксических средствах достижения политической корректности (на базе англоязычных СМИ) // Научный альманах. – 2022. – № 5-2(91). – С. 133–136.

122. Кунденко Н. П., Моисеева Н. И., Пилипенко С. Г. [и др.] Проблема культурной идентичности в пространстве информационного общества // Web of Scholar. – 2018. – Т. 3, № 7(25). – С. 19–23.

123. Куракина Н. А. Лингвостилистические средства выражения возрастной идентичности в комплиментарных высказываниях (на материале произведений современной английской, американской и русской художественной литературы) // Вестник Балтийского федерального

университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. – 2015. – № 2. – С. 152–157.

124. Кустова А. В., Меркулов П. А., Арабаджийски Н. З. Социальная толерантность: российский и зарубежный опыт [Электронный ресурс] // Среднерусский вестник общественных наук. – 2018. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-tolerantnost-rossiyskiy-i-zarubezhnyy-opyt> (дата обращения: 30.01.2020).

125. Лаптева О. А. Живая русская речь с телеэкрана: разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте. – Москва: Едиториал УРСС, 2003. – 510 с.

126. Лебедева Е. С. Культурная идентичность в транслингвальной литературе // Коммуникации в мультикультурном обществе: материалы I Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 06–08 дек. 2015 г. – Москва: Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», 2016. – С. 54–57.

127. Леонтович О. А. Россия и США: введение в межкультурную коммуникацию. – Волгоград: Перемена, 2003. – 477 с.

128. Леонтович О. А. Введение в межкультурную коммуникацию: учеб. пособие. – Москва: Гнозис, 2007. – 368 с.

129. Леонтович О. А. Методы коммуникативных исследований. – Москва: Гнозис, 2011. – 224 с.

130. Леонтович О. А. Политическая корректность, инклюзивный язык и свобода слова: динамика понятий // Russian Journal of Linguistics. – 2021a. – Т. 25, № 1. – С. 194–220.

131. Леонтович О. А. Сенситивность, политическая корректность и новые коммуникативные практики // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. – 2021б. – Вып. 6 (848). – С. 83–92.

132. Леонтович О. А. Физиологическая идентичность языковой личности // Интенсивное обучение иностранным языкам: проблемы методики

и лингвистики: сб. науч. ст. – Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2001. – С. 92–99.

133. Луханина А. С. Феномен политической корректности в англоязычном медиадискурсе // Наука и образование: отечественный и зарубежный опыт: сб. тр. Тридцатой междунар. науч.-практ. конф., Белгород, 01 июня 2020 г. – Белгород, 2020. – С. 419–421.

134. Лысак И. В. Проблема сохранения культурной идентичности в условиях глобализации // Диалог культур в условиях глобализации: материалы Бакинского форума, посвящ. памяти Гейдара Алиева. – Москва: Канон+, 2012. – С. 361–367.

135. Люкманов Э. Т. К вопросу о понятии, содержании и особенностях территориальной идентичности (географический аспект) // Вестник МГПУ. Серия: Естественные науки. – 2014. – № 1(13). – С. 65–71.

136. Мазуренко И. В. Национально-культурная идентичность в условиях глобализации: социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. – Москва, 2009. – 176 с.

137. Майба В. В. Политическая корректность как лингвоидеологическое явление и ее рецепция в русской лингвокультуре: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Ростов-на-Дону, 2013. – 25 с.

138. Маклакова Е. А. Политическая корректность и тональность общения как семантические признаки наименований лиц (на материале контрастивных исследований в русском и английском языках) // Политическая лингвистика. – 2010. – № 3(33). – С. 93–104.

139. Максимов А. А. Социально-правовые аспекты гендерной идентичности и ее соотношение с сексуальной идентичностью человека // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 2-1(28). – С. 128–131.

140. Малютина Т. В. Профессиональная идентичность, ее структура и компоненты // ОНВ. – 2014. – №5 (132). – С. 149–152.

141. Мансурова Ш. И., Снытина А. А. Влияние политической корректности на лексику современного английского языка (на материале журнальных и газетных статей по теме «Политика») // Журнал «Студенческий». – 2019. – № 5-1(49). – С. 30–34.

142. Манченко Е. С. К вопросу о маскировке действительности в политически корректных эвфемизмах в переводе // Гуманитарные исследования. – 2017. – № 3 (63). – С. 27–36.

143. Марусенко М. А., Марусенко Н. М. Связь расовой идентичности и языка в американской идеологии // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2021. – № 12. – С. 61–75.

144. Меер Е. С. Проблема классовой идентичности французской буржуазии в трудах американского историка С. Мазы // Вестник Брянского государственного университета. – 2021. – № 1(47). – С. 111–120.

145. Мелков С. В. Сексуальная идентичность в контексте современной культуры // Развитие личности. – 2007. – № 2. – С. 100–109.

146. Мельникова Л. В. Проблема культурной идентичности: концептуальные подходы // Гуманитарные и социальные науки. – 2010. – № 5. – С. 226–234.

147. Мельникова С. В. Кризис национальной идентичности и социальный вопрос в Ирландии начала XX века // Известия высших учебных заведений. Серия: Гуманитарные науки. – 2012. – Т. 3, № 3. – С. 222–227.

148. Меренков А. В., Скрыбина К. Ю., Антонова Н. Л. Этническая идентичность: представления жителей крупного города о русском этносе // Вестник Удмуртского университета. Серия: Социология. Политология. Международные отношения. – 2020. – Т. 4, № 1. – С. 20–25.

149. Мерзлякова Л. В. Языковой аспект политкорректности // Вестник ОГУ. – 2002. – № 6. – С. 137–140.

150. Мирзоева Ф. Р. Политическая корректность как один из определяющих факторов эвфемистических переименований в современном

английском языке // Мир науки, культуры, образования. – 2020. – № 1(80). – С. 374–377.

151. Морова О. Л., Фокеева Ю. А. Формирование культурной идентичности будущего переводчика в эпоху цифровизации // Языковая и культурная идентичность в цифровую эпоху. – Саратов: «Амирит», 2019. – С. 68–76.

152. Морозов А. А. Религиозная принадлежность и культурная идентичность // Социально-политическое развитие России как комплексная проблема гуманитарного знания: материалы VII Всерос. науч.-практ. конф., Волгоград, 28–29 марта 2019 г. – Волгоград: Волгоградская академия МВД РФ, 2019. – С. 219–223.

153. Морозов Е. А. Политическая корректность Германии: трудности перевода эвфемистических конструкций (на материале средств массовой информации Германии) // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. – 2017. – № 38. – С. 164–170.

154. Набок И. Л. Этническая идентичность или идентичность этнического // Реальность этноса. Роль образования в формировании этнической и гражданской идентичности: материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 04–07 апр. 2006 г. – Санкт-Петербург: «Астерион», 2006. – С. 30–34.

155. Напсо М. Б. Национальная идентичность в современных условиях: к вопросу о перспективах правового признания ценностей национальной идентичности // Современное право. – 2021. – № 4. – С. 34–39.

156. Нарыкова Н. А., Хатагова С. В., Леонтьева Д. М. Политическая корректность, эвфемизмы и способы ее реализации // Гуманитарно-правовые аспекты развития российского общества: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. курсантов, студентов и слушателей, Ставрополь, 28 мая 2021 г. – Ставрополь: «Секвойя», 2021. – С. 145–149.

157. Наумова Е. И. Возрастная идентичность: традиционные смыслы [Электронный ресурс] // Форум молодых ученых. – 2018. – №6-2 (22). – URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/voznrastnaya-identichnost-traditsionnye-smysly>
(дата обращения: 18.06.2023).

158. Некрасова А. Е. Дискурсивный анализ высказываний, отражающих стереотипы взаимовосприятия англичан и французов (на материале качественной британской и французской прессы): дис. ... канд. филол. наук:10.02.20. – Москва, 2009. – 215 с.

159. Никитина И. Ю., Строганова И. В. Особенности классовой идентичности в современном обществе // Теория и практика современных гуманитарных и естественных наук: сб. науч. ст. ежегод. межрегион. науч.-практ. конф., Петропавловск-Камчатский, 04–06 февр. 2014 г. – Петропавловск-Камчатский: Камчатский гос. ун-т им. Витуса Беринга, 2014. – Вып. 4, ч. 2. – С. 48–50.

160. Никонов А. С. Политическая корректность как тоталитарная идеология // Русская политология. – 2020. – № 4 (17). – С. 20–23.

161. Новикова О. С. Возрастная идентичность в современной Японии – социально-философский аспект // Идеи и идеалы. – 2018. – Т. 2, № 4 (38). – С. 207–218.

162. Нор-Аревян О. А., Шаповалова А. М. Факторы формирования профессиональной идентичности // Гуманитарий Юга России. – 2016. – № 5. – С. 102–113.

163. Орденова Н. О. Феномен политической корректности и его выражение в языковой деятельности людей (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Москва, 2003. – 141 с.

164. Орлова О. С. Языковой аспект политической корректности как внутриязыковой перевод // Вестник Московского института лингвистики. – 2015. – № 1. – С. 48–55.

165. Остроух А. В. Политическая корректность в США: культурологический аспект: дис. ... канд. культуролог. наук: 24.00.02. – Москва, 1998.

166. Палажченко М. Ю. Политическая корректность в языковой и культурной традиции (на английском и русском материале): дис. ... канд. культурологии 24.00.01. – Москва, 2004. – 239 с.
167. Панин В. В. Политическая корректность как культурно-поведенческая и языковая категория: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – Тюмень, 2004. – 28 с.
168. Пичугина Т. А., Трескова В. А. Влияние социальных факторов в формировании половой идентичности молодежи // Моя профессиональная карьера. – 2020. – Т. 1, № 14. – С. 57–60.
169. Помелова Ю. П. Интеграция национальных меньшинств в национальную идентичность КНР // История и современность. – 2016. – № 1(23). – С. 171–180.
170. Похолкова Е. А. Язык политической корректности в южнокорейских средствах массовой информации // Корейский полуостров в эпоху перемен. – Москва: Ин-т Дальнего Востока Рос. акад. наук, 2016. – С. 274–289.
171. Прайзендорф Е. С. Сексуальная идентичность представителей старшего подросткового возраста // Молодежь – Барнаулу : материалы XX гор. науч.-прак. конф. молодых ученых, Барнаул, 05–12 нояб. 2018 г. / гл. ред. Ю. В. Анохин. – Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 2019. – С. 637.
172. Пшеницын С. Л. Политическая корректность как переводческая проблема // *Studia Linguistica* (Санкт-Петербург). – 2005. – № 13. – С. 236–245.
173. Пятницкая О. А., Юров А. К. Сопоставительный анализ понятий гендерной и половой идентичности в зарубежной и отечественной психологии // Вестник Таганрогского государственного педагогического института. – 2009. – № 2. – С. 347–350.
174. Рахманкулова С. Е. Концептуальная метонимия на уровне структуры высказывания (на материале английского языка) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. – 2018. – № 1. – С. 5–10.

175. Рейка Ю. Ю. Феномен «культуры отмены» в современном обществе // *Global and Regional Research*. – 2022. – Т. 4, № 3. – С. 139–143.
176. Ровинская Т. Кризис политкорректности в западном медиа-пространстве // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2019. – Т. 63, № 7. – С. 102–110.
177. Рубина Н. Б. «Эвфемизм» и «политическая корректность» в современном английском языке // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. – 2011. – № 4. – С. 35–41.
178. Рябова М. Ю. Грамматический род как проблема политической корректности в переводе // *Теория и практика перевода: вопросы лингводидактики*. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1999. – С. 60–68
179. Савина О. А. Эвфемизмы в языке французских СМИ для выражения политической корректности // *Романские и германские языки: актуальные проблемы лингвистики и методики: ежегодник по материалам Четырнадцатой междунар. студ. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 12 апр. 2022 г.* – Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2022. – С. 68–70.
180. Самарина И. В., Шашков Р. А. К вопросу о переводе эвфемизмов в современных англоязычных СМИ // *Заметки ученого*. – 2019. – № 4 (38). – С. 157–165.
181. Святкина А. А. Формирование классовой идентичности современной российской молодежи как социально-экономической группы // *Общество: социология, психология, педагогика*. – 2019. – № 4 (60). – С. 50–52.
182. Себряк А. Н. Лингвистическая дискриминация и лингвистическая апроприация как примеры феномена двойственного сознания в США [Электронный ресурс] // *Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. – 2019. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskaya-diskriminatsiya-i-lingvisticheskaya-apropriatsiya-kak-primery-fenomena-dvoystvennogo-soznaniya-v-ssha> (дата обращения: 23.08.2023).

183. Сегеда А. Е. Появление и становление понятия «политическая корректность» [Электронный ресурс] // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2013. – № 7 (25). – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_19417759_91548440.pdf (дата обращения: 10.02.2021).
184. Седых М. А., Васильченко А. С. Значимость политической корректности // Успехи современного естествознания. – 2012. – № 5. – С. 145.
185. Сергеева Е. К. Политкорректность в англоязычной лингвокультуре и её влияние на английский язык // Молодой ученый. – 2020. – № 12 (302). – С. 150–151. – URL: <https://moluch.ru/archive/302/68177/> (дата обращения: 23.08.2023).
186. Серищева Т. В. Коммуникативные практики как средство формирования культурной среды общества [Электронный ресурс] // Философская антропология, философия культуры. – 2022. – № 11. – URL: <https://fki.lgaki.info/2022/07/26/коммуникативные-практики-как-средств/>.
187. Ситянина Н. В. Политическая корректность и проблемы перевода // Актуальные проблемы перевода и переводоведения: материалы I преподавательской заоч. науч.-практ. конф., Брянск, 21 мая 2014 г. – Брянск: Брянский гос. техн. ун-т, 2014. – С. 97–101.
188. Скворцова К. А. Особенности перевода эвфемизмов в англоязычной прессе на русский язык // Ученые записки Ульяновского государственного университета. Актуальные проблемы теории языка и лингводидактики / под ред. А. И. Фефилова. – Ульяновск: Ульяновский гос. ун-т, 2020. – С. 127–131.
189. Смирнов И. Б., Лю Д. Экзотизмы и этнофолизмы в китайском языке // Перевод. Язык. Культура: V Междунар. заоч. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 28 февр. 2014 г. – СПб: Ленинградский гос. ун-т им. А.С. Пушкина, 2014. – С. 57–83.
190. Соколова В. О., Сомова Е. Н. Эвфемизмы и политкорректность // Проблемы и перспективы в международном трансфере инновационных

технологий: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф., Уфа, 10 мая 2018 г. – Уфа: «Аэтерна», 2018. – Ч. 2. – С. 50–53.

191. Солдатенков И. В. Политическая идентичность в сети Интернет: проблема концептуализации // *Via in Tempore. История. Политология.* – 2022. – Т. 49, № 1. – С. 197–206.

192. Солдатова Н. И. Этническая идентичность как имплицитный аспект целостной идентичности человека // *Вестник молодых ученых и специалистов Самарского государственного университета.* – 2014. – № 2(5). – С. 65–73.

193. Солманидина Н. В., Гринцова О. В., Полежай Е. Эвфемизмы как проявление политической корректности // *Вестник ПГУАС: строительство, наука и образование.* – 2017. – № 2 (5). – С. 101–106.

194. Солнышкина М. И., Шигапова Ф. Ф., Габдрахманова Р. Р. Лингвистические маркеры этнолингвистической и профессиональной идентичности // *Вестник ТГГПУ.* – 2015. – № 4 (42). – С.150–156.

195. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики / ред. Ш. Балли и А. Сеше; пер. с фр. А. Сухотина. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1999. – 432 с.

196. Стадник В. В. Возможности дистанционного обучения в повышении уровня инклюзивности образовательного процесса // *Педагогика и психология как ресурс развития современного общества: проблемы сетевого взаимодействия в инклюзивном образовании: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию РГУ имени С.А. Есенина, Рязань, 08–10 окт. 2015 г.* – Рязань: Рязанский гос. ун-т имени С.А. Есенина, 2015. – С. 74–78.

197. Степанова О. А. Инклюзивность – стратегический вектор развития современной системы дошкольного образования // *Проблемы реализации моделей инклюзивного дошкольного образования: материалы науч.-практ. конф., Орехово-Зуево, 27 июля 2013 г.* – Орехово-Зуево: Московский гос. обл. гуманитар. ин-т, 2013. – С. 9–20.

198. Стернин И. А. Контрастивная лингвистика. – Воронеж: Истоки, 2004. – 190 с.
199. Стихин А. Г. Лингвистические аспекты коммуникативной корректности // Язык и этнический менталитет. – Петрозаводск, 1995. – С. 138–142.
200. Страхов Н. В., Павлова О. С. Ценностные ориентации и религиозная идентичность православных и мусульман: кросс-культурный анализ // Социальная психология: вопросы теории и практики: материалы V Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием памяти М.Ю. Кондратьева, Москва, 12–13 мая 2020 г. – Москва: Московский гос. психол.-пед. ун-т, 2020. – С. 500–503.
201. Татосян В. С. Сексуальная идентичность как условие самоактуализации личности // Молодой исследователь: вызовы и перспективы: сб. ст. по материалам XXXII междунар. науч.-практ. конф., Москва, 24 апр. 2017 г. – Москва: «Интернаука», 2017. – № 7 (32). – С. 26–33.
202. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие. – Москва: Слово/Slovo, 2000. – 264 с.
203. Титова Т. А., Козлова В. Е. Этническая идентичность в структуре социальной идентичности молодежи Республики Татарстан (на примере групп этнического большинства) // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации: материалы Всерос. науч.-практ. конф., Казань, 25–27 сент. 2014 г. – Казань: Ин-т истории имени Шигабутдина Марджани АН Республики Татарстан, 2014. – С. 121–125.
204. Томская М. В. Конструирование профессиональной идентичности в научном дискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2015. – № 6 (717). – С. 553–560.
205. Тонтоева Т. В. Этнофолизмы как индикаторы динамики этнической идентичности [Электронный ресурс] // *Juvenis scientia*. – 2016. –

№ 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnofolizmy-kak-indikator-dinamiki-etnicheskoj-identichnosti> (дата обращения: 23.05.2023).

206. Трепакова А. В. Ценности американского кино. – Москва, 2007. – 112 с.

207. Трухачева Д. А. Отношение к идеям политической корректности в современном обществе (на материале немецкого языка) // Филологос. – 2014. – № 23 (4). – С. 66–71.

208. Тульчинский Г. Л. Национальная идентичность и социально-культурные технологии ее формирования // Философские науки. – 2011. – № 7. – С. 23–28.

209. Улыбина О. В. [и др.]. Инклюзивность как одно из направлений современной практической педагогики // Московский экономический журнал. – 2023. – Т. 8, № 1. – С. 572–579.

210. Федотова Т. В., Кулик И. В. Парадигматика и прагматика феминитивов в русском и английском языках // Евразийский Союз Ученых. – 2016. – № 7-2 (28). – С. 67–69.

211. Фефелов А. Ф. Дискурс вокруг cancel culture как объект лингвокультурного и переводческого анализа: логика против «логики» // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2022. – Т. 20, № 1. – С. 126–144.

212. Филипенко Е. В. Культурная идентичность сообществ с позиций миро-системного анализа И. Валлерстайна // Пространство и время. – 2015. – № 1–2 (19–20). – С. 79–83.

213. Филиппова Е. В. Функциональная специфика публичного дискурса как институционального вида общения // Языковая личность и эффективная коммуникация в современном поликультурном мире: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 23–24 окт. 2015 г.). – Минск, 2015. – С. 39–41.

214. Франц В. А. Политическая идентичность мигрантов как фактор их интеграции в принимающее сообщество в контексте парадигм мультикультурализма и ассимиляционизма // Миграционные процессы: проблемы адаптации и интеграции мигрантов: сб. материалов 3-й Междунар. науч.-практ. конф., Ставрополь, 26–29 окт. 2016 г. – Ставрополь: Северо-Кавказский федер. ун-т, 2016. – С. 244–250.

215. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. /пер. с фр. – Москва: «Касталь», 1996. – 448 с.

216. Фуряева Т. В. Социальная инклюзия: теория и практика. – Красноярск: КГПУ им. В.П. Астафьева, 2017. – 280 с.

217. Хагажеева З. А., Соблиров Х. Х. Сохранение этнической идентичности в условиях глобализации // Актуальные вопросы перспективных научных исследований: сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф., Смоленск, 31 мая 2016 г. – Смоленск: «Новаленсо», 2016. – Ч. 1. – С. 41–42.

218. Хайруллина Д. Д. К вопросу о политической корректности в английском языке // Инновационное развитие. – 2018. – № 9 (26). – С. 138 – 139.

219. Хилова А. А. Политика расовой идентичности в Латинской Америке // Colloquium-Journal. – 2019. – № 17-5 (41). – С. 37–39.

220. Хо Д. В. Эволюция подходов Тайваня к проблеме национально-политической идентичности и отношениям с Китайской Народной Республикой // Новизна. Эксперимент. Традиции (Н.Экс.Т.). – 2022. – Т. 8, № 3(19). – С. 68–81.

221. Хуснутдинова А. В. Политическая корректность как средство эвфемизации современной английской речи // Вопросы обучения иностранным языкам: методика, лингвистика, психология: материалы конф., посвящ. 75-летию УГАТУ, Уфа, 20–22 июня 2007 г. / Федер. а-во по образованию; ГОУ ВПО "Уфимский государственный авиационный технический университет". – Уфа: УГАТУ, 2007. – С. 355–357.

222. Хуснутдинова Р. Р., Сафина А. М., Гумерова М. М. Политическая идентичность детей различных возрастных групп как основа формирования гражданской позиции // В мире научных открытий. – 2013. – № 1-2(37). – С. 194–209.

223. Цибизова И. М. [Реф.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 3: Философия. – 2022. – № 2. – С. 204–206. – Реф. ст.: Zaccuri A. Rovine o macerie? Il dilemma della Cancel Culture // Vita e pensiero. – Milano, 2020. – A. 103, N 5. – P. 81–85.

224. Цуканова А. А., Бирюков Н. Г. К вопросу сравнения понятия термина «Политкорректность» в американской и китайской лингвокультуре [Электронный ресурс] // StudNet. – 2020. – № 7. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-sravneniya-ponyatiya-termina-politkorrektnost-v-amerikanskoj-i-kitayskoj-lingvokulture> (дата обращения: 30.07.2021).

225. Цыганова В. А., Николаева О. А. Отражение политической корректности в использовании личных и притяжательных местоимений в современном английском языке // Uniclass-2022: материалы III науч.-практ. конф. лица УлГПУ имени И.Н.Ульянова, Ульяновск, 31 мая 2022 г. – Ульяновск: Ульяновский гос. пед. ун-т им. И.Н. Ульянова, 2022. – С. 116–118.

226. Чайковский М. Е. Инклюзивность вуза как условие успешной социализации студентов с особыми потребностями // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. – 2014. – № 4 (94). – С. 253–257.

227. Черновская М. С. Инклюзивный язык в художественном переводе (на материале переводов романа А. Кристи "Десять негрят") // Вестник Северного (Арктического) федер. ун-та. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2022. – Т. 22, № 4. – С. 57–66.

228. Чуракина Д. Д. Эвфемизация и политкорректность в англоязычном политическом дискурсе // День науки: сб. ст. XXII студ. науч. конф., Самара, 17 марта 2021 г. / под ред. О.А. Корниловой, Н.В. Липиной. – Самара:

Самарский филиал ГАОУ ВО г. Москвы «Московский городской педагогический университет», 2021. – С. 250–254.

229. Шапина Л. Н. Эвфемизмы в социальных сферах деятельности: политкорректность и «деревянный язык» (на примере французского языка) [Электронный ресурс]. – URL: http://vestnik.adygnet.ru/files/2008.2/677/Sharina2008_2.pdf (дата обращения: 31.05.2023).

230. Шарапова И. В., Кобенко Ю. В. История возникновения понятия “political correctness” и способы его интерпретации // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2014. – № 10 (151). – С. 46–50.

231. Швец Т. А. Особенности возрастной идентичности младших подростков из различных регионов РФ // Методология, теория, история психологии личности: сб. ст. – Москва: Ин-т психологии РАН, 2019. – С. 457–464.

232. Шеина И. М. «Политическая корректность» и ее проявление в современном американском варианте английского языка как пример взаимодействия языковых и когнитивных механизмов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2010. – № 2. – С. 74–78.

233. Шемшуренко О. В. Эвфемизмы сквозь призму теории политической корректности (на материале американских печатных изданий начала XXI века) // Филология и культура. – 2013. – № 4 (34). – С. 144–151.

234. Шмелева Е. В. Национальная идентичность в контексте глобализации // Геополитика и безопасность. – 2010. – № 4 (12). – С. 68–71.

235. Шнейдер Л. Б. Профессиональная идентичность: монография. – Москва: МОСУ, 2001. – 272 с.

236. Шор Г. А., Саткаускас Я. С. Эвфемизмы и политическая корректность на примере русского и английского языков // Успехи гуманитарных наук. – 2021. – № 3. – С. 181–184.

237. Штрац К. Расовая женская красота. – Москва: Белые альвы, 2003. – 357 с.
238. Ягафарова Г. А., Коптелова Ю. В. Понятия «свой», «чужой» в культуре. Культурная идентичность // Современные технологии: достижения и инновации-2021: сб. материалов III Всерос. науч.-практ. конф., Стерлитамак, 16 нояб. 2021 г. – Стерлитамак: Изд-во «Нефтегазовое дело», 2021. – С. 486–487.
239. Язык ненависти [Электронный ресурс] // ООН. – URL: <https://www.un.org/ru/hate-speech/understanding-hate-speech/what-is-hate-speech> (дата обращения: 27.06.2023).
240. Ян Сяоянь Гендерные отношения в китайской культуре в зеркале инь и ян // IV чтения, посвященные 70-летию со дня рождения профессора В.А. Карпова. – Минск: РИВШ, 2010. – С. 136–142.
241. Яшина Е. А. Особенности нарушения сочетаемости лексических единиц в художественном тексте // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. – 2011. – № 2. – С. 69–76.
242. Abbasova K. Ya. The mutual influence of cultures on the Great Silk Road as a model for the formation of a modern code of national identity // Bulletin of the Karaganda university. History. Philosophy Series. – 2021. – Vol. 101, No. 1. – P. 82–88.
243. Adler J. Thought Police: Taking Offense // Newsweek. – 1990, December 24. – P. 48–55.
244. Amatulli J. “Here's the Real Origin of the Word 'Yas'” [Electronic resource] // HuffPost. – 2016, July 19. – URL: https://www.huffpost.com/entry/heres-the-real-origin-of-the-word-yas_n_578ce747e4b0fa896c3f4306 (date of treatment: 05.10.2022).
245. Andreeva T. E., Argunova T. V., Struchkuv K.N. Language as an immanent feature of ethnic identity // Journal of Critical Reviews. – 2020. – Vol. 7, No. 12. – P. 1577–1583.

246. Aronowitz S. Roll Over Beethoven: The Return of Cultural Strife. – Hanover, New Hampshire: Wesleyan University Press, 1993. – 277 p.
247. Avagyan A. A., Gazilov M.G., Gozalova M.R. Language as a form of expressing the national identity: A Russian national character in proverbs // Theoretical and Applied Linguistics. – 2021. – Vol. 7, No. 1. – P. 5–12.
248. Baker J. R. Race. – New York and London: Oxford University Press, 1974. – P. 625.
249. Barry E. Class Formation and Class Identity: Birth, Death, and Possibilities for Renewal // Sociology Compass. – 2014. – 8/8. – P. 1045–1062.
250. Bolgova E. P., Kaldayakov K. K. The ethnic identity and binary opposition "friend or foe" in the english language worldview // Образование и наука в России и за рубежом. – 2021. – No. 12(88). – P. 73–76.
251. Boone S. A. Perceived physical attractiveness, self-esteem and racial identity in African-American women: A qualitative study. 1997. – 1 p.
252. Bottero W. Class Identities and the Identity of Class // Sociology. – 2004. – No 38(5). – P. 985–1003.
253. Brown-Nagin T. Race as identity caricature: A local legal history lesson in the salience of intraracial conflict // University of Pennsylvania Law Review. – 2003. – Vol. 151, No. 6. – P. 1913.
254. Caldera A. Woke pedagogy: A framework for teaching and learning (АНГЛ.) [Electronic resource] // Diversity, Social Justice, and the Educational Leader. – 2018. – Vol. 2, iss. 3. – URL: <https://scholarworks.uttyler.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1030&context=dsjel> (date of treatment: 10.06.2023).
255. Campo-Arias A. Essential Aspects and Practical Implications of Sexual [Electronic resource]. – 2010. – URL: [Identity.https://www.researchgate.net/publication/45087317_Essential_aspects_and_practical_implications_of_sexual_id entity](https://www.researchgate.net/publication/45087317_Essential_aspects_and_practical_implications_of_sexual_identity) (date of treatment: 18.06.2023).
256. Derrida J. Positions. – Chicago: University of Chicago Press, 1982. – 114 p.

257. Diamond M. Sex and gender are different: Sexual identity and gender identity are different // *Clinical Child Psychology and Psychiatry*. – 2002. – No 7(3). – P. 320–334.

258. Dillon F. R., Worthington R. L., Moradi B. Sexual identity as a universal process. *Handbook of identity theory and research*. – New York, NY: Springer Science + Business Media, 2011. – Vol. 1,2. – P. 649–670.

259. Down J. L. H. Observations on an Ethnic Classification of Idiots [Electronic resource] // *London Hospital Reports*. – 1866. – No 3. – URL: <http://th-hoffmann.eu/archiv/down/down.1866b.pdf> (date of treatment: 24.05.2023).

260. Dunant S. *The War of Words: The Political Correctness Debate*. – London: Virago, 1994. – 224 p.

261. Eidlin B. Class Formation and Class Identity: Birth, Death, and Possibilities for Renewal // *Sociology Compass*. 201Fairclough N. *Analysing Discourse*. – New York: Routledge, 2003. – 270 p.

262. Erenberg L. A. *Steppin' Out: New York Nightlife and the Transformation of American Culture*. – Chicago: University of Chicago Press, 1984. – 273 p.

263. Fadeeva L. A. Identity in the Political Constructions of Modernity: Editorial Introduction // *RUDN Journal of Political Science*. – 2021. – Vol. 23, No. 4. – P. 521–524.

264. Fish S. *There's No Such Thing as Free Speech: And It's a Good Thing, Too*. – New York: Oxford University Press, 1994. – 352 p.

265. Friedman M., Narveson J. *Political Correctness: For and Against*. – Lanham: Rowman & Littlefield, 1995. – 153 p.

266. Garn S. *Human Races*. Charles Thomas. – Springfield, IL, 1965. – 160 p.

267. Guidelines for gender-inclusive language in English // United Nations. Gender-inclusive language [Electronic resource]. – URL: <https://www.un.org/en/gender-inclusive-language/guidelines.shtml> (date of treatment: 20.02.2021).

268. Guidelines for inclusive language [Electronic resource] // Linguistic Society of America. – URL: <https://www.linguisticsociety.org/resource/guidelines-inclusive-language> (date of treatment: 20.02.2021).
269. Hall S. Introduction: Who Needs “Identity”? // Questions of Cultural Identity. – L.: SAGE Publications, 1996. – P. 1–17.
270. Harris Z. S. Discourse Analysis // Language. – 1952. – Vol. 28. – P. 1–30.
271. Hill J. The Everyday Language of White Racism. – Malden, MA : Wiley-Blackwell, 2008. – 240 p.
272. How Many Genders Are There In 2023? [Electronic resource] // Dude Asks. – URL: <https://dudeasks.com/how-many-genders-are-there/> (date of treatment: 26.04.23).
273. Hughes G. Political correctness: a history of semantics and culture / (The language library). – Malden, MA : Wiley-Blackwell, 2010. – 334 p.
274. Hughes R. Culture of complaint: the fraying of America. – N.Y.: Oxford University Press, 1993. – 210 p.
275. Lary D. China's grandmothers : gender, family, and aging from late Qing to twenty-first century. – Cambridge, United Kingdom: Cambridge University Press, 2022. – 278 p.
276. Lebedev S. V. The problem of ethnic identity in the modern world: how the “national spirit” manifests itself in folk art // European Scientific: e-Journal. – 2020. – No. 4(4). – P. 4–14.
277. Libakova N. M., Sertakova E.A. Formation of Ethnic Identity of the Indigenous Peoples of the North in Arts and Crafts on the Example of Bone Carving // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. – 2015. – Vol. 8, No. 4. – P. 750–768.
278. Lind W. S. “Political Correctness”: A Short History of an Ideology. – USA: Free Congress Foundation, 2004. – 50 p.

279. Liu Yu, Deng F., Zhao R. Cultural identity planning in China: a diachronic study of the English language Education policy // Sociolinguistic Studies. – 2020. – No. 3(3). – P. 55–69.

280. Masliakova A. I. Cultural identity and self-determination of a person on the example of the memory of a stone // Интерактивная наука. – 2022. – No. 8(73). – P. 13–15.

281. Medar-Tanjga I., Delic D. The preservation of the ethnic identity of new minorities in the Republic of Srpska (Bosnia and Herzegovina) // Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya. – 2022. – Vol. 86, No. 5. – P. 687–696.

282. Minnicino M. J. The New Dark Age: The Frankfurt School and ‘Political Correctness’ // Fidelio: Journal of Poetry, Science, and Statecraft. – 1992. – Vol. 1. – No1. – P. 4–27.

283. Mohammed Amen L. Ethnic identity as a subject matter of modern science // Бюллетень гуманитарных исследований в междисциплинарном научном пространстве. – 2022. – No. 1(2). – P. 106–108.

284. Mohammed H. A. M. Factors of Ethnic Identity as Causes of Modern Ethno-Political Conflicts // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2022. – Vol. 12, No. 4. – P. 59–63.

285. Money J., Hampson Jg., Hampson JI. An examination of some basic sexual concepts: the evidence of human hermaphroditism // Bull Johns Hopkins Hospital. – 1955. – No 97(4). – P. 301–319.

286. Mullen B., Leader T. Linguistic Factors: Antilocutions, Ethnonyms, Ethnophaulisms, and Other Varieties of Hate Speech // On the nature of prejudice: Fifty years after Allport. – Oxford: Blackwell Publishing, 2005. – P. 192–207.

287. Multiracial in America. Chapter 1: Race and Multiracial Americans in the U.S. Census // Pew Research Center [Electronic resource]. – URL: <https://www.pewresearch.org/social-trends/2015/06/11/chapter-1-race-and-multiracial-americans-in-the-u-s-census/> (date of treatment: 20.06.2023).

288. Neblett E. W., Smalls C. P., Ford K. R., Sellers R. M. Racial socialization and racial identification: African American Parents' Messages About Race as Precursors to Identity // *Journal of Youth and Adolescence*, – 2009 – Vol. 38, No. 2. – P. 189–203.

289. Ponka T. I., Shlentova A. E., Ivashkevich A. A. Ethnic and cultural issues of Uyghurs identity in Xinjiang region // *RUDN Journal of World History*. – 2019. – Vol. 11, No. 1. – P. 34–43.

290. Race and Ethnic Standards for Federal Statistics and Administrative Reporting // Directive No. 15. Office of Management and Budget (OMB). – Washington, D. C., 2005. [Electronic resource] – URL: https://clintonwhitehouse4.archives.gov/OMB/fedreg/directive_15.html. (date of treatment: 10.06.2023).

291. Reiter L. Sexual orientation, sexual identity, and the question of choice // *Clin Social Work Journal*. – 1989. – No 17. – P. 138–150.

292. Reporters without Borders [Electronic resource] – URL: <https://rsf.org/en/index?year=2023> (date of treatment: 10.06.2023).

293. Reynolds C. The “Woke” Sex Discourse: Sexuality and Gender in Online Consumer Magazines // *The Handbook of Magazine Studies*. – 2020. – P. 180–97.

294. Rice D. R., Abrams D., Badea C. [et al.] What did you just call me? European and American ratings of the valence of ethnophaulisms // *Journal of Language and Social Psychology*. – 2010. – No 29 (1). – P. 117–131.

295. Robles R., Real T., Reed G. M. Depathologizing Sexual Orientation and Transgender Identities in Psychiatric Classifications // *Consortium Psychiatricum*. – 2021. – Vol. 2, No. 2. – P. 45–53.

296. Rogers J. From cultural exchange to transculturation: A review and reconceptualization of cultural appropriation [Электронный ресурс] // *Communication Theory*. – 2006. – No 16(4). – P. 474–503. – URL: <https://doi.org/10.1111/j.1468-2885.2006.00277.x> (date of treatment: 05.10.2022).

297. Rowell Ch. H., Jones M. D. Race, racial politics, and identity // Callaloo. – 2004. – Vol. 27, No. 1. – P. 25–29.
298. Schlesinger A. M. The disuniting of America. – New York; London: Norton Cop., 1992. – 160 p.
299. Sharkey H. J. Arab Identity and Ideology in Sudan: The Politics of Language, Ethnicity, and Race // African Affairs. – 2008. – Vol. 107, No. 426. – P. 21–43.
300. Stoller R. Sex and Gender: On the Development of Masculinity and Femininity. – New York: Science House, 1968. – 383 p.
301. Streltsov D., Grishachev S. V. National identity, collective memory and history wars in East Asia // Vostok. Afro-Aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost. – 2022. – No. 1. – P. 196–205.
302. Turner J. Social categorization and the self-concept: a social cognitive theory of group behaviour // Advances in Group Processes. – 1985. – Vol. 2. – P. 77–121.
303. United Nations. Gender-inclusivelanguage [Electronic resource]. – URL: <https://www.un.org/en/gender-inclusive-language/guidelines.shtml> (date of treatment: 20.02.2021).
304. UQ Guide to using inclusive language [Electronic resource]. – URL: <https://staff.uq.edu.au/files/242/using-inclusive-language-guide.pdf> (date of treatment: 20.02.2021).
305. Uskembayeva A. A. Formation of national identity in Central Asia // Bulletin of the Karaganda university. History. Philosophy Series. – 2019. – Vol. 95, No. 3. – P. 80–84.
306. Varlamova E. V., Tarasova F., Garipova E. V. National identities in the linguistic landscape of the multilingual city // Sinergiya yazykov i kultur: mezhdisciplinarnye issledovaniya: sbornik statey. – SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2022. – P. 561–575.
307. Walker S. Hate Speech: The History of an American Controversy. – Lincoln: University of Nebraska Press, 1994. – 228 p.

308. Warner L. R., Shields S. A. The Intersections of Sexuality, Gender, and Race: Identity Research at the Crossroads // *Sex Roles*. – 2013. – Vol. 68, No. 11. – P. 803–810.

309. Wing A. K. USA 2050: Identity, critical race theory, and the Asian century // *Michigan Law Review*. – 2001. – Vol. 99, No. 6. – P. 1390–1408.

310. Wokeism: What Does It Mean, Why Is It Important, And Why We Need To Support It [Electronic resource] // *Diversity For Social Impact*. – URL: <https://diversity.social/wokeism-woke-culture/#0-introduction> (date of treatment: 10.06.2023).

311. Wokeness in Fairport [Electronic resource] // *Fairport Educational Alliance*. – URL: <https://fairporteducationalalliance.org/wokeness-in-fairport> (date of treatment: 10.06.2023).

312. World Health Organization [Electronic resource]. – URL: https://www.who.int/health-topics/ageism#tab=tab_3 (date of treatment: 10.06.2023).

313. Zavershinskiy K. F., Koryushkin A. I., Czajowski A. Political identity and national memory: The conflict of contemporary political narratives // *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*. – 2022. – Vol. 38, No. 1. – P. 82–93.

314. 白解红 (Бай Сэхун) 性别语言文化与语用研究 (Гендерный язык и культура в аспекте прагматики) 长沙 (Чанша) 湖南教育出版社 (Изд-во «Хунаньское образование», 2000. – 224 с.).

315. 曾属中国统治的蒙古国，称呼国人为“胡扎”？听完你还想去吗？ (Монголию, которая когда-то находилась под властью Китая, китайцы называли «Хуза»? После всего ты все еще хочешь поехать?) 百家好 [Электронный ресурс]. – URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1759402684091634986&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 24.05.2023).

316. 陈顺意 (Чэнь Шуньи) 论敏感术语翻译的政治正确性 [J] (О политкорректности перевода деликатных терминов) 五邑大学学报 社会

科学版 (Журнал Университета Уи: Издание по социальным наукам. – 2014. – № 16 (3). – С. 186–189).

317. 陈征(Чэнь Чжэн) 陈琪 (Чэнь Ци) 英汉性别歧视语言及其社会文化根源 (Язык гендерной дискриминации на основе английского и китайского языков и его социальные и культурные корни) 安徽文学 下半月 (Литература Аньхой. – 2007. – № 8. – С. 182–183).

318. 关丽君 (Гуань Лицзюнь) 简论美国英语中的政治正确现象 [J] (Краткое обсуждение феномена политкорректности в американском английском) 华中科技大学学报:社会科学版 (Журнал Университета науки и техники. – Хуачжун: Издание по социальным наукам. – 2004. – № 06. – С. 94–97).

319. 韩丽君 (Хань Лицзюнь) "政治正确"与美国英语中的种族歧视性语言 [J] («Политкорректность» и расистский язык в американском английском) 辽东学院学报(社会科学版) (Журнал Ляодунского университета: Издание по социальным наукам. – 2010. – № 11(6). – С. 39–43).

320. 黄永平 (Хуан Юнпин) 论中国《刑法》英译本中的性别歧视语言: 语料库方法 (О языке гендерной дискриминации в английском переводе китайского уголовного права: корпусной метод) [J] – 外语与翻译 (Иностранные языки и перевод. – 2013. – № 3. – С. 9) [Электронный ресурс]. – URL: https://xueshu.baidu.com/usercenter/paper/show?paperid=2e0a6d1c59d8d23971bf4f98147798cd&site=xueshu_se (дата обращения: 24.05.2023).

321. 黄千(Хуан Цянь) 性别语言学三十年研究成果综述 (О результате тридцатилетнего исследования гендерной лингвистики в Китае) 现代语文 (Современный китайский язык. – 2011. – № 3. – С. 4–8).

322. “老外”是贬义词吗 (望海楼) (Является ли “老外” уничижительным термином?) [Электронный ресурс]. – URL: <http://news.sohu.com/20071221/n254214163.shtml> (дата обращения: 30.05.2023).

323. 吴为民 (Ву Вэйминь) 汉语性别词研究 (Исследование слов, различающих пол, в китайском языке) : 汉语言文字学博士论文 (дис. ... канд. филол. наук) 重庆(Чунцин, 2011. – 188 с.).

324. 肖安法 (Сяо Аньфа) 政治上正确的语言[J] (Политкорректный язык) 四川教育学院学报 (Журнал Сычуаньского института образования. – 2007. – № 23(5). – С. 91–94).

325. 谢苑苑(Се Юаньюань) 英语语言中男性歧视现象探析 (Анализ феномена дискриминации мужчин в английском языке)[J] [Электронный ресурс]. 视界观 (Вид на горизонт). – 2020. – URL: https://xueshu.baidu.com/usercenter/paper/show?paperid=1k0f0xr080260t90gy4a0pj0xq350302&site=xueshu_se (дата обращения: 24.05.2023).

326. 姚春林 (Яо Чуньлин) 国内有关语言与性别研究述评 (Об исследовании языка и гендера в Китае) 新疆师范大学学报 (Вестник Синьцзянского педагогического университета. – 2009. – № 3. – С.110–117).

327. 张军 (Чжан Цзюнь) "政治正确"与美国文化马克思主义[J] («Политическая корректность» и американский культурный марксизм) 江海学刊 (Вестник Цзян Хай. – 2014. – № 5. – С. 193–198).

328. 张巍然 (Чжан Вэйжан) 美国社会中的"政治正确"现象与英语语言文化教学[J] (Феномен политической корректности в американском обществе и преподавание английского языка и культуры) 牡丹江大学学报 (Журнал Муданьцзянского университета. – 2008. – № 4. – С. 134–136).

329. 赵蓉晖 (Чжао Жунхуэй) 语言与性别:口语的社会语言学研究 (Язык и гендер: социолингвистическое исследование устной речи) 上海 (Шанхай) 外语教育出版社 (Изд-во «Преподавание иностранных языков», 2003. – 318 с.).

330. 赵学德 (Чжао Сюедэ) 汉语的性别差异研究综述 (Общее о гендерном различии в китайском языке) 妇女研究论丛 (Коллекция исследований о женщинах. – 2008. – № 6. – С. 77–81).

331. 中国聋哑人多少人口 2021 (Сколько глухонемых людей в Китае в 2021 году?) [Электронный ресурс]. – URL: <https://wen.baidu.com/question/1055459669914818499.html> (дата обращения: 10.06.2023).

332. 中国人称外国人为“老外”，是不是有歧视的意思？该怎么向外国学生解释呢 (Является ли дискриминацией со стороны китайцев называть иностранцев “老外”? Как я могу объяснить это иностранным студентам?) [Электронный ресурс]. – URL: <https://zhuanlan.zhihu.com/p/577908196> (дата обращения: 30.05 2023).

Лексикографические источники

1. Актуальная политическая энциклопедия 2009 [Электронный ресурс] / сост. А. В. Беляков, О. А. Матвейчев. – URL: <http://niv.ru/doc/encyclopedia/politics/articles/145/politkorrektnost.htm> (дата обращения : 24.05.2023).

2. Большая российская энциклопедия 2017 [Электронный ресурс]. – URL: <https://old.bigenc.ru/philosophy/text/4165944> (дата обращения: 11.06.2023).

3. Большой китайско-русский словарь (БКРС) [Электронный ресурс]. – URL: <http://bkrs.info> (дата обращения: 24.05.2023).

4. Большой словарь русских поговорок [Электронный ресурс] / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – Москва: Олма Медиа Групп, 2007. – URL: <https://rus-proverbs-dict.slovaronline.com/> (дата обращения: 24.05.2023).

5. Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / под ред. С. А. Кузнецова. – СПб: Норинт, 1998. – URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения: 24.05.2023).

6. Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/35ZoYi> (дата обращения: 29.01.2020).
7. Большой юридический словарь [Электронный ресурс] / А. Я. Сухарев, В. Е. Крутских, А. Я. Сухарева. – Москва: Инфра-М, 2003. – URL: <https://gufo.me/dict/law> (дата обращения: 10.06.2023).
8. Гидденс Э. Социология [Электронный ресурс]. – 2-е изд., полн. перераб. и доп. – Москва, 2005. – URL: <https://sotsiologiya.slovaronline.com/> (дата обращения: 24.05.2023).
9. Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов. – Москва: Эксмо-пресс, 1999. – 672 с.
10. Латинско-русский словарь / И. Х. Дворецкий. – 2-е изд. – Москва: Русский язык, 1976. – 1096 с.
11. Малый академический словарь [Электронный ресурс]. – URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 24.05.2023).
12. Новейший философский словарь [Электронный ресурс]. – URL: <https://gufo.me/dict/philosophy> (дата обращения: 24.05.2023).
13. Ожегов С. И. Толковый словарь [Электронный ресурс]. – URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=14800> (дата обращения: 24.05.2023).
14. Политика. Толковый словарь. – Москва: ИНФРА-М: Изд-во "Весь Мир", 2001. – 761 с.
15. Словарь русского арго (материалы 1980–1990 гг.) [Электронный ресурс] / под ред. В. С. Елистратова // ГРАМОТА.РУ: интернет-портал. – 2002. – URL: <https://rus-russian-argo.slovaronline.com> (дата обращения: 24.05.2023).
16. Словарь-тезаурус синонимов русской речи [Электронный ресурс] / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. – URL: <https://udarenieru.ru/index.php?word=on&sinonim=япошка> (дата обращения: 24.05.2023).
17. Словарь терминов межкультурной коммуникации 2013 [Электронный ресурс] / И. Н. Жукова. – URL:

<https://voluntary.ru/termin/markery-identichnosti.html> (дата обращения: 04.06.2023).

18. Толковый словарь Ефремовой 2000 [Электронный ресурс] / Т. Ф. Ефремова. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/243264/сенситивный> (дата обращения: 11.06.2023).

19. Толковый словарь психиатрических терминов 1995 [Электронный ресурс] / В.М. Блейхер, И. В. Крук. – URL: <https://psychiatry.academic.ru/2461/Сенситивность> (дата обращения: 11.06.2023).

20. Beard H., Cerf C. The Official Politically Correct Dictionary and Handbook. – London: Grafton, 1992. – 194 p.

21. Cambridge Dictionary [Electronic resource]. – URL: <https://dictionary.cambridge.org> (date of treatment: 29.01.2020).

22. Collins English Dictionary [Electronic resource]. – URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/inclusion> (date of treatment: 29.01.2020).

23. Dictionary.com [Electronic resource]. – URL: <https://www.dictionary.com/> (date of treatment: 24.05.2023).

24. Educalingo [Electronic resource]. – URL: <https://educalingo.com/ru/dic-en/political-incorrectness> (date of treatment: 24.05.2023).

25. Etymology Dictionary [Electronic resource]. – URL: <https://etymology.en-academic.com/12720/discrimination> (date of treatment: 17.05.2023).

26. Gook [Electronic resource]. – URL: <https://web.archive.org/web/20080927152608/http://dictionary.reference.com/browse/gook> (date of treatment: 24.05.2023).

27. Macquarie Dictionary [Electronic resource]. – URL: <https://www.macquariedictionary.com.au/resources/view/word/of/the/year/2019> (date of treatment: 20.03.2023).

28. Merriam-Webster Dictionary [Electronic resource]. – URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary> (date of treatment: 29.01.2020).

29. Online Etymology Dictionary. [Electronic resource]. – URL: [https://www. etymonline.com/word/inclusion#etymonline_v_34724](https://www.etymonline.com/word/inclusion#etymonline_v_34724) (date of treatment: 20.02.2021).
30. Safire W. Safire’s New Political Dictionary. – New York: Random House, 1993. – 930 p.
31. The Oxford Collocations Dictionary [Electronic resource]. – URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/inclusion> (date of treatment: 29.01.2020).
32. The Oxford English living Dictionary [Electronic resource]. – URL: <https://web.archive.org/web/20160926022731/https://en.oxforddictionaries.com/definition/censorship> (date of treatment: 10.06.2023).
33. The Britanica Dictionary [Electronic resource]. – URL: <https://www.britannica.com/dictionary/politically-incorrect> (date of treatment: 05.09.2022).
34. The Oxford Advanced American Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/american_english/ (date of treatment: 05.09.2022).
35. The Oxford Advanced Learner’s Dictionary [Electronic resource]. – URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/> (date of treatment: 05.09.2022).
36. The Oxford English Dictionary [Electronic resource]. – URL: [https://www. oed.com/?tl=true](https://www.oed.com/?tl=true) (date of treatment: 05.09.2022).
37. Urban Dictionary [Electronic resource]. – URL: [https://www.urbandictionary. com/define.php?term=Yassify](https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Yassify) (date of treatment: 05.10.2022).
38. 百度百科 (Энциклопедия Байду) [Электронный ресурс]. – URL: <https://baike.baidu.com/> (дата обращения: 05.10.2022).
39. 百度汉语 (Словарь Байду) [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/35e2jY> (дата обращения: 30.07.2021).

40. 知书词典 (Словарь Чжишу) [Электронный ресурс]. – URL: <https://kegood.com/> (дата обращения: 24.05.2023).

Источники практического материала

1. В Петербурге уволили единственную женщину-пожарного за съемки в клипе [Электронный ресурс] // Собака.ru: журн. – URL: <https://www.sobaka.ru/city/society/75909> (дата обращения: 24.05.2023).

2. ВКонтакте: сеть [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.sobaka.ru/city/society/75909> (дата обращения: 24.05.2023).

3. Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [Электронный ресурс]. – URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 24.05.2023).

4. Известия: информ. портал [Электронный ресурс]. – URL: <https://iz.ru/news/276608> (дата обращения: 24.05.2023).

5. Культурная апроприация: как избежать скандала, вдохновляясь чужой культурой [Электронный ресурс] // Beinopen: журн. – URL: https://beinopen.ru/special/local_cultural_appropriation (дата обращения: 31.07.2023).

6. Cartoonist Scott Adams Cancelled After Advising Whites to Stay Away from Black Americans [Электронный ресурс] // Need to Know News. – URL: <https://needtoknow.news/2023/03/cartoonist-scott-adams-cancelled-after-advising-whites-to-stay-away-from-black-americans> (дата обращения: 03.03.2023).

7. Похищение «лошадиной морды»: Китай обвинил Dior в культурной апроприации. Почему люксовым брендам приходится регулярно извиняться перед покупателями в КНР [Электронный ресурс] // Moscow Daily News. – URL: <https://www.mn.ru/smart/pohishhenie-loshadinoj-mordy-kitaj-obvinil-dior-v-kulturnoj-apropriaczii-pochemu-lyuksovym-brendam-prihoditsya-regulyarno-izvinyatsya-pered-rokupatelyami-v-knr> (дата обращения: 31.07.2023).

8. РБК [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.rbc.ru/> (дата обращения: 31.07.2023).

9. Center of Chinese Linguistics PKU (CCL) [Электронный ресурс]. – URL: http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/search?q=老毛子&q1=毛子&LastQuery=毛子&start=0&num=50&index=FullIndex&outputFormat=HTML&encoding=UTF-8&isForReading=no&dir=xiandai&maxLeftLength=30&maxRightLength=30&neighborSortLength=0&orderStyle=score&scopestr=&search=搜索# (дата обращения: 24.05.2023).

10. Cultural appropriation: What is it and why is it so offensive? [Электронный ресурс] // The Week. – Sept. 4, 2018. – URL: <http://www.theweek.co.uk/cultural-appropriation> (дата обращения: 05.10.2022).

11. Douyin [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.douyin.com/video/6924219058124508427> (дата обращения: 24.05.2023).

12. Greene R. A. “Who is Cecil Rhodes and why are UK demonstrators protesting at his statue?” [Электронный ресурс] // CNN. – June 10, 2020. – URL: <https://edition.cnn.com/2020/06/09/uk/cecil-rhodes-protest-oxford-intl/index.html> (дата обращения: 03.06.2021).

13. Ipsos MORI Public attitudes to offensive language on TV and Radio: Quick Reference Guide [Электронный ресурс]. – URL: https://www.ofcom.org.uk/__data/assets/pdf_file/0020/225335/offensive-language-quick-reference-guide.pdf (дата обращения: 26.04.23).

14. Lenta.ru: сайт [Электронный ресурс]. – URL: <https://lenta.ru/> (дата обращения: 24.05.2023).

15. Lil Morty – wigga wigga (lyrics) [Электронный ресурс]. – URL: <https://genius.com/Lil-morty-wigga-wigga-lyrics> (дата обращения: 26.04.23).

16. O’Neill S. “What Does It Mean to ‘Yassify’ Anything?” [Электронный ресурс] // The New York Times. – November 24, 2021. – URL: <https://www.nytimes.com/2021/11/24/style/yassify-bot-meme.html> (дата обращения: 05.10.2022).

17. Telegram: сеть [Электронный ресурс]. – URL: <https://telegram.org/> (дата обращения: 24.05.2023).
18. The Guardian [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.theguardian.com/> (дата обращения: 24.05.2023).
19. The New York Times [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.nytimes.com/> (дата обращения: 30.06.2023).
20. The use of the word 'Nazi' in British politics is a sign of dangerous times [Электронный ресурс] // The Independent. – URL: <https://www.independent.co.uk/voices/anna-soubry-abuse-brexit-nazi-protesters-uk-politics-far-right-a8718816.html> (дата обращения: 24.05.2023).
21. Top EU diplomat makes controversial 'jungle' comparison [Электронный ресурс] // Russia Today. – URL: <https://www.rt.com/news/564635-borrell-eu-garden-world-jungle/> (дата обращения: 10.06.2023).
22. USA TODAY Network, newspapers and distributor drop Dilbert comic after creator's racist comments [Электронный ресурс] // USA Today. – URL: <https://www.usatoday.com/story/news/nation/2023/02/26/newspapers-dilbert-comic-scott-adams-racist-comments/11354547002/> (дата обращения: 03.03.2023).
23. Weibo [Электронный ресурс]. – URL: <https://m.weibo.cn/> (дата обращения: 24.05.2023).
24. 名校女博士公开辱华，把同胞叫作是支那，最后结局怎样？ (Женщина-врач престижной школы публично унизила Китай и назвала своих соотечественников «支那». Что произошло в итоге?) [Электронный ресурс] // 百家号 – URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1772115774421357299&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 30.06.2023).
25. 人民日报 (Жэньминь жибао) [Электронный ресурс]. – URL: http://paper.people.com.cn/rmrb/html/2023-08/23/nbs.D110000renmrb_01.htm (дата обращения: 26.04.23).

26. 光明网 (Сеть Гуанмин)了不得! 这个姑娘是全上海唯一的女消防员
(Не могу этого понять! Эта девушка – единственная женщина-пожарный в
Шанхае) [Электронный ресурс] // 百家好 – URL:
<https://baijiahao.baidu.com/s?id=1762711003488260243&wfr=spider&for=pc>
(дата обращения: 30.06.2023).